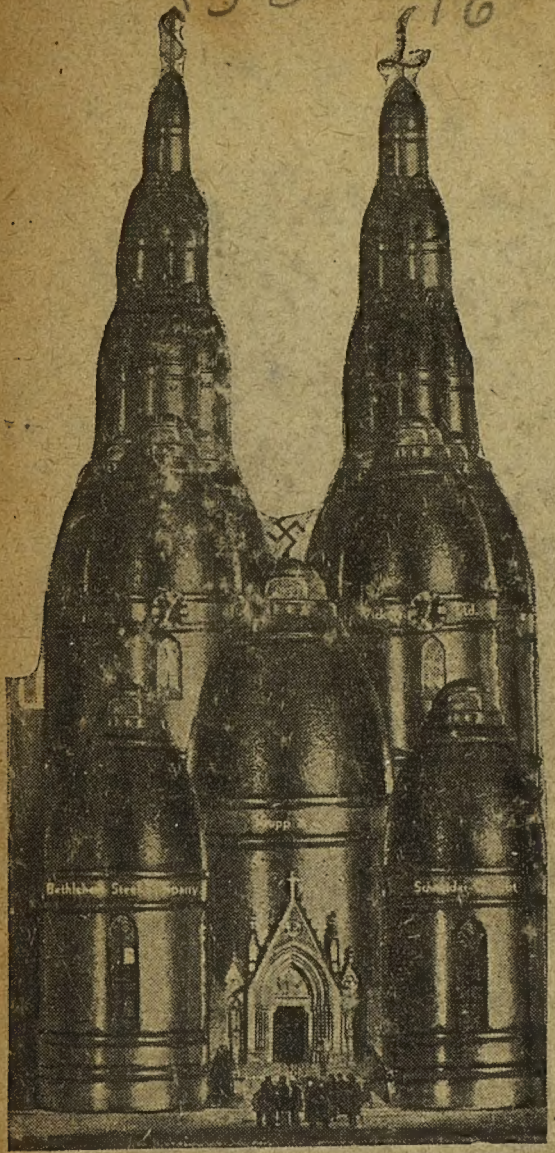
К98 Э 96

Ил. ЭЛЬВИН



ЦЕРКОВЬ и ВОЙНА

ОГИЗ ГАИЗ 1934

К98 7/46

Ил. Эльвин

Церковь и война

ОГИЗ
Государственное антирелигиозное издательство
Москва ★ 1934

Книга Ил. Эльвина в популярной форме, доступной для широких слоев рабочего и колхозного актива, показывает деятельность религиозных организаций разных стран в годы первой мировой империалистической войны и разоблачает роль поповщины в деле подготовки новых империалистических войн и антисоветской интервенции.

БИБЛИОТЕКА
Государ[illegible]
№ 6634
„30" X 1934 г.

ВВЕДЕНИЕ

Мировая война 1914—1918 гг. была самой кровопролитной, самой жестокой и истребительной из всех когда-либо происходивших до нее на земном шаре войн. Война стоила таких жертв, которым даже приблизительно равных не отыскать во всей прошлой истории человечества: десять миллионов человек погибло на полях сражений, столько же было изувечено, а количество жизней, унесенных голодом и эпидемиями, вызванными непосредственно войной, не поддается даже учету.

В войне участвовали почти все европейские страны, а из крупнейших внеевропейских — Япония, Китай, США. Мобилизовано было в течение войны 70 миллионов человек.

Война сопровождалась также чудовищным истреблением материальных ценностей. Стерты были с лица земли сотни городов и тысячи деревень, десятки тысяч строений, разворочены гигантские массивы лесов, взорваны мосты, израсходованы «на ветер» — в буквальном смысле слова — монбланы железа, стали. По подсчетам мировая война обошлась в 585 миллиардов золотых рублей, т. е. в сумму, превышающую национальные богатства Англии, Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Франции и России, вместе взятые.

Потрясенное катастрофой человечество спрашивало и в дни войны, и после нее: что же привело к этой войне? Где причина этой бойни, перед которой бледнеют любые самые страшные стихийные бедствия? Как дошел мир до такой степени безумия, что умышленно, с холодным расчетом уничтожал то, что было создано трудом многих поколений на протяжении веков?

В. И. Ленин и руководимая им партия большевиков

сумели еще задолго до войны, затем на ее протяжении и после нее вскрыть причины этой человеческой бойни. Ленин показал, что единственным виновником войны является империалистическая буржуазия всех стран, ибо война эта была империалистической, т. е. захватной, грабительской войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела прибылей и передела колоний.

Эпоха империализма началась на рубеже XIX и XX столетий. Именно к этому периоду все земли мира были уже поделены между государствами, а фактическими хозяевами этих государств являлись крупнейшие монополистические объединения капиталистов. Каждое новое изменение границ, где бы то ни было, могло теперь произойти только в результате войны. И такие войны происходили то в одном, то в другом пункте земли. Однако решающая война должна была принять форму всемирной войны, потому что экономические интересы монополистического капитала разных стран были уже очень тесно переплетены. И к этой войне империалисты усиленно готовились, думая разрешить имеющиеся между ними противоречия.

Важнейшими из этих противоречий были: противоречия между Германией и Англией по вопросу о гегемонии над морями и над всем миром; затем стремление России завладеть Константинополем и проливами, как выходом не только для русского хлеба и мануфактуры, но и для начавшей развиваться металлургии юга России; далее стремление Франции овладеть углем и рудой Эльзаса и Лотарингии, Саарской области; существовало также непримиримое противоречие между стремлением балканских народов к национальному освобождению и стремлением германского и австро-венгерского империализма к завоеванию Балкан, где к тому же стремилась укрепиться и Россия.

Германская промышленность стала интенсивно развиваться уже в последнюю четверть XIX столетия. Этот стремительный рост промышленности толкал германскую буржуазию к захвату новых рынков и новых источников сырья, необходимых для промышленности. Одновременно Германия стремилась всячески упрочить свою военную мощь для обеспечения экономического продвижения. Но Германия нагоняла своих соседей и соперников в экономическом и военном отношении уже к тому времени, когда весь мир был в основном поделен и наиболее жирные куски колониальных земель, т. е. наиболее емкие рынки и источники сырья уже были заняты. И господствовавший в Германии

блок тяжелой промышленности и помещиков поставил вопрос о новом переделе мире, хотя бы ценою войны.

Особенно остро по этой причине сталкивались интересы Германии с интересами Англии, господствовавшей на море, державшей в своих руках благодаря своему мощному флоту нити всех морских путей сообщения, владевшей огромными колониями во всех концах земного шара. Усиление Германии, особенно ее флота, ставило под угрозу гегемонию Англии на этих морских путях, ее связь с колониями, рассеянными по всему миру, а также непосредственным образом угрожало уже самой английской метрополии.

Англию тревожило также настойчивое стремление Германии пробить себе дорогу через Турцию и Аравию, чтобы получить контроль над морскими и сухопутными путями, непосредственно ведущими в богатейшую колонию Англии — Индию и создать как бы единую, политически и экономически спаянную империю от Гамбурга до Багдада. Германия уже построила в Турции в целях осуществления своих империалистических планов Багдадскую железную дорогу.

Это стремление Германии на Восток шло также вразрез с интересами царизма, который всегда мечтал о захвате Константинополя и проливов, в особенности же после своего тяжкого поражения на Дальнем Востоке, в русско-японской войне.

Готовясь к будущей войне против Турции, царизм стремился укрепиться на Балканском полуострове, подчинить своему влиянию балканские народы, в большинстве своем славянские по расе и православные по религии. Русский царизм под флагом покровительства православия установил контроль над этими малыми народами, особенно над Сербией. Это усиление России на Балканах вызывало чрезвычайную враждебность со стороны австро-венгерской монархии, которая сама зарилась на «балканское наследство» (некогда весь полуостров принадлежал Турции).

Что касается Германии, то она, заинтересованная в сохранении послушной ей Турции и в осуществлении своего плана «Гамбург — Багдад», тоже очень враждебно относилась к стремлению России укрепиться на Балканах, захватить Константинополь и проливы и тем самым преградить путь Германии на Восток.

Таким образом получилось, что у Англии и России бы-

ли общие интересы, направленные против Германии. Это, как и другие причины, привело к тому, что Англия сблизилась с Россией и ее давнишней союзницей, Францией.

Союз царской России и республиканской Франции, оформившийся еще в 1892 г. (главным образом в ответ на союз Германии и Австро-Венгрии), неуклонно укреплялся по мере того, как французский капитал прибирал к своим рукам крупнейшие отрасли промышленности России. Накануне войны 55% всего русского железа принадлежало французам; им же принадлежало 74% русского каменного угля. Свыше половины русской нефти было в руках англичан или англо-французских компаний. Франко-русский союз скреплялся также тесными узами огромных займов, которые французская буржуазия предоставляла России. Предоставляла же она эти займы не только ради прямых барышей, но и в интересах вооружения России.

Царский военный министр генерал Сухомлинов в своих мемуарах приводит письмо министра финансов Коковцева к министру иностранных дел Сазонову. Коковцев пишет о предложении, сделанном де-Вернейлем, председателем комиссии парижских биржевых маклеров, гарантировать России ежегодный выпуск на французской бирже обязательств на сумму от 400 до 500 миллионов золотых франков. Но французская биржа поставила при этом следующие условия:

1. Россия обязуется немедленно приняться за постройку стратегических железных дорог, признанных необходимыми на совещании французского и русского генеральных штабов.

2. Россия обязуется значительно увеличить состав своей армии.

Казалось бы, какое дело французской бирже до русских стратегических железных дорог или до увеличения состава русской армии? Но в том-то и суть, что французский капитал укреплял Россию прежде всего для предстоящей войны с Германией.

Франции нужны были железные дороги в России и большая русская армия так же, как русские уголь, железо и нефть. Но и этого ей было недостаточно. Она предпочитала иметь их ближе, у себя под боком, в своих границах. Франция не хотела мириться с потерей таких неиссякаемо богатых месторождений железа, как Эльзас-Лотарингия, которая была завоевана Германией в 1871 г. Французы

жадно всматривались в саарский уголь и в металлургию рейнской долины и рурского бассейна. Владеть этими богатствами значило для французской буржуазии не только быть гегемоном в Европе, но и свести на положение второстепенной державы Германию. В свою очередь для германской промышленности и германских вооружений одной отечественной металлургии было недостаточно, и Германия протягивала руки к французской железной руде (округа Бриэ и Лонгви) и к французским колониям в Африке (в частности Марокко), а также к колоссальным богатствам маленькой, но промышленно необычайно развитой Бельгии и к ее обширнейшим колониям в Африке. **Железо было нужно для ведения войны. Война была нужна для овладения железом.** Таков дикий порочный круг империалистических противоречий. «Начиналась, — пишет М. Н. Покровский,— борьба не на жизнь, а на смерть между двумя мощными металлургическими концернами — борьба, продолжающаяся при ином соотношении сил и на наших глазах. Столицей одного концерна был Берлин, другого — Париж».

Как видим, «виновников» войны следует искать в обоих станах. Каждая из сторон стремилась к укреплению своего могущества за счет другой стороны. Что раньше или позже это должно было привести к войне, — было ясно прежде всего для тех, кто этой войны желал, кто ее ковал. А готовиться к войне — значит вооружаться.

В годы, предшествовавшие войне, шла лихорадочная гонка вооружений. Эта гонка в свою очередь до чрезвычайности обостряла военную опасность и приближала войну. Каждая из сторон стремилась обогнать другую в военной мощи. Противоречия углублялись и обострялись. Империалисты развязывали войну. В эту пору мир представлял собой как бы единый пороховой погреб, готовый взорваться от первой искры. Выстрел, раздавшийся 28 июля 1914 г. в Сараеве, оказался этой искрой.

В этот день несколько молодых сербов стреляли в наследного принца австро-венгерского престола Франца-Фердинанда и его жену, убив обоих. Стрелявшие Габринович, Принцип и другие молодые сербские националисты — члены националистической террористической организации «Черная рука» — действовали, как это впоследствии было установлено, по заданию сербской разведки, тесно связанной с «Черной рукой». В выстреле, направленном против ненавистного сербам принца должен был прозвучать гневный протест сербского национального движения против

могущественной Австро-Венгрии и ее союзницы Германии, стремившихся расчленить Сербию и ни в коем случае не допустить объединения всего сербского народа, в том числе и сербов австрийских провинций Боснии, Герцоговины и Хорватии. Правда, молодые террористы, возможно, не отдавали себя отчета во всем страшном значении этого выстрела и его последствиях. Сербская охранка, действовавшая с поощрения русской военной партии, надо думать, это значение себе уясняла.

Месяц, истекший после убийства, прошел в чрезвычайном политическом напряжении. Дело шло явным образом к войне. 23 июля австрийское правительство под прямым давлением Вильгельма предъявило суровый ультиматум Сербии. Германия была очень довольна тем, что наконец представился случай «приструнить» Сербию. Ультиматум был составлен таким образом, чтобы почти исключить возможность принятия его сербским правительством. Еще 14 июля германский посол в Вене Чиршский доносил Вильгельму: «Нота будет так редактирована, что Сербия почти наверняка не сможет ее принять». Вильгельм написал на полях: «Наконец-то имеешь дело с мужчиной». Сербы все же в основном ультиматум приняли. Но Австро-Венгрия в лице своего посланника барона Гизля тут же признала ответ на ультиматум неудовлетворительным. А тридцать минут спустя после вручения Пашичем (министр иностранных дел Сербии) сербского ответа на ультиматум барон Гизль вместе с персоналом посольства покинул Белград. Случилось это 25 июля. Немедленно вслед за тем австрийцами была объявлена всеобщая мобилизация, а 28 июля объявлена война Сербии. 29 июля столица Сербии Белград была уже обстреляна из тяжелых орудий.

Германия в эти дни решительно настаивала на разгроме Сербии, пытаясь военным конфликтом на Балканах вызвать европейскую войну. Германский империализм чувствовал себя уже достаточно сильным в военнотехническом отношении, чтобы помериться силами с Россией и ее союзницей Францией, которые не могли быть безучастными в австро-сербском военном конфликте. Но Германия недоучла главного: она недоучла роли Англии.

В Берлине и Вене царила почти полная уверенность в том, что в случае войны между Германией и Австро-Венгрией с одной стороны и Россией и Францией с другой Англия будет соблюдать нейтралитет. Искусные английские дипломаты, деятельно укреплявшие франко-русский союз,

умевшие вести политику «окружения» Германии, сумели убедить в то же время центральные державы, что до войны, которая ограничится границами европейского континента, им мало дела и что в случае войны нейтралитета они не нарушат. К тому же как-раз почти накануне войны германские и английские дипломаты уладили ряд важных спорных вопросов касательно германских колоний в Африке. Играл свою роль и расчет на то, что Англия не рискнет броситься в войну, опасаясь национально-революционного движения в Ирландии. Но те же английские дипломаты уже дали твердые заверения Франции и России, что Англия будет верна «сердечному согласию», Антанте (Франция, Россия, Англия). И вот, покуда Германия находилась в заблуждении насчет позиции Англии, она поощряла самые резкие шаги Австро-Венгрии против Сербии. Но в самые последние дни перед войной, когда стала проясняться позиция Англии, Вильгельм, надеясь отложить войну, шлет примирительное заявление Николаю II. Однако в это время мобилизация русской армии, объявленная в ответ на австрийское нападение на Сербию, шла уже полным ходом. Колоссальная машина войны пришла в движение. Русская военная партия рвалась в бой и слушать не хотела об отсрочке. Война «на защиту малого братского православного народа», подвергшегося нападению со стороны десятикратно превышавшего его по численности неприятеля, — такая война, думал финансовый капитал, будет очень популярной. К тому же начиная с 1912 г. (Ленский расстрел) в России быстро нарастала мощная волна экономических и политических стачек. Война должна была, по мнению военной партии, устранить непосредственную угрозу революции.

Убедившись, что войны уже не миновать, Германия взяла инициативу в свои руки и объявила 1 августа войну России, а 2 августа — Франции под предлогом того, что французские военные самолеты якобы пролетали над германской территорией. Германия, вполне готовая к событиям, молниеносным ударом двинула свои полки через Бельгию, чтобы проникнуть в северные департаменты Франции, почти не защищенные, пробиться к Гавру и тем отрезать Францию от Англии, затем правым флангом захватить Париж и выйти в тыл французской вооруженной системы, вслед за чем обрушиться на Россию (т. е. выполнить знаменитый «план Шлиффена»). Нарушение нейтралитета Бельгии дало повод Англии объявить 4 августа войну Германии.

Так началась четырехлетняя империалистическая война.

Готовясь к войне, империалисты долго все же не решались вгрызться друг другу в горло. Не решались главным образом потому, что боялись за свой тыл, боялись пролетариата. Социал-демократия несколько раз торжественно выступала против войны. В 1912 г., когда угроза мировой войны резко обострилась, на чрезвычайном конгрессе II интернационала в Базеле была единогласно принята резолюция с решительным осуждением готовящейся войны: «рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия династий и из-за хитросплетений тайных соглашений» — гласила резолюция. Конгресс приветствовал происходившие в то время в России массовые стачки. Но прошло не более двух лет, и партии II интернационала самым циничным образом поддержали империалистическую войну в качестве ее прямых участников. Решающее большинство социал-демократических партий в грозный час объявило войну «оборонительной» и призвало массы к защите капиталистического отечества. Так поступили немецкие социал-демократы в Германии, французские социалисты во Франции, бельгийские в Бельгии, австрийские в Австрии. 4 августа 1914 г. вся социал-демократическая фракция германского рейхстага (за исключением Карла Либкнехта) голосовала за военные кредиты. Английский «социалист» Гендерсон вступил в «правительство обороны» Англии, французы Гэд и Самба во французское, Вандервельде в бельгийское и т. д.

Можно ли назвать эту чудовищную измену с.-д. случайностью, неожиданностью, шедшей вразрез со всей предшествовавшей политикой социал-демократии? Нет. Социал-шовинизм («социализм на словах, шовинизм — на деле», по определению Ленина) явился прямым следствием того оппортунизма, который свил себя прочное гнездо во II интернационале уже на протяжении десятилетий. Обюрократившаяся, обуржуазившаяся верхушка социал-демократии и профдвижения загнивала и срасталась с господствующим классом, хотя и пыталась в то же время внешне сохранять революционное лицо. В минуту исторического решения маска оказалась сброшенной и империалистическая физиономия оппортунистической социал-демократии обнажена. Этой своей «новой» позиции, позиции социал-шовинизма, социал-демократия оставалась верна на протяжении всей войны, помогая буржуазии дурачить массы, гнать их в окопы и отдавать жизнь за интересы капитала.

Одна только партия большевиков последовательно и неуклонно боролась против империалистической войны. Несмотря на жесточайший террор, на запрещение всей легальной рабочей печати и закрытие большинства рабочих организаций, несмотря на аресты, ссылку, каторжные приговоры, на громадные жертвы, которые партия большевиков понесла уже в самом начале войны, большевики ни на минуту не покидали своего боевого поста, продолжая ту революционную линию, которую под руководством Ленина партия вела еще задолго до войны. Уже 1 ноября 1914 г. Центральный комитет партии большевиков выпустил манифест о войне, написанный В. И. Лениным. В этом манифесте говорилось:

«Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны».

Манифест беспощадно разоблачал ложь буржуазии и ее социал-демократических лакеев об «освободительном» характере войны, о защите «отечества». Таким образом партия большевиков, которая сплачивала все подлинно революционные элементы II интернационала, которая добивалась их разрыва с оппортунизмом, была единственной партией, осуществлявшей последовательную борьбу с шовинизмом за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

В момент позорного краха II интернационала Ленин бросил свой пламенный призыв:

«Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый интернационал».

Задачу создания нового, III Интернационала Ленин поставил уже с самого начала войны. Более того, уже в 1915 г. он наметил перспективу победы мировой социалистической революции. Ленин установил, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав ка-

питалистов и организовав у себя социалистическое производство, стал бы **против** остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».

Под знаменем этого ленинского учения, развитого т. Сталиным, партия большевиков создала на руинах царской империи великую Страну советов.

Четыре года с лишним длилась война. 4 года 3 месяца 11 дней трудящееся человечество истекало кровью для того, чтобы ценой неописуемых и безмерных мук своих обогащать шайку империалистических хищников. Это была упорная, жестокая, беспощадная война. Германия рассчитывала справиться с противником в несколько месяцев. Но эти расчеты не оправдались. Четырехлетняя война была войной на истощение. Вопрос о победе сводился к вопросу о том, у кого раньше будет перебита молодежь, истощены все жизненные ресурсы и кто раньше взмолится о пощаде. И стороной, взмолившейся о пощаде, в конце-концов оказалась Германия и ее союзники. Быть может, Германия могла бы продержаться еще некоторое время, хотя ее поражение было предрешено вступлением в строй ее противников—Соединенных штатов Америки (в мае 1917 г.), но вспыхнувшая в Германии революция быстро решила дело.

9 ноября 1918 г. под напором восставших масс кайзер Вильгельм II отрекся от престола и бежал в Голландию, не послушавшись совета, данного ему одним из его бравых генералов — погибнуть на поле сражения, ибо нашел этот совет, по остроумному замечанию Шейдемана, «слишком опасным для своей жизни». 11 ноября было заключено перемирие. Новое правительство, состоявшее из социал-демократов и независимцев (левые социал-демократы), во главе с вождем социал-демократии Эбертом, тем самым, который несколькими днями раньше заявил, что «ненавидит революцию больше чумы», сразу поставило своей целью разбить революцию и спасти буржуазию. Самый постыдный и кабальный мир с Антантой был для германской буржуазии счастьем по сравнению с углублением революции, с советской Германией. Социал-демократия в лице Шейдемана, Носке, Эберта, опираясь на неразложившиеся остатки старой кайзеровской армии, потопила в крови революцию и спасла классовое господство германской буржуазии.

Германия была поставлена Антантой на колени. Она приняла предварительные условия, продиктованные ей главнокомандующим всеми союзными силами Фошем. А условия были ужасны, хотя вероятно и не более свирепы, чем те, которые поставила бы Германия в случае своей победы над Антантой (об этом можно судить хотя бы по грабительскому Брестскому миру).

Четырехлетняя война закончилась. Но закончилась с тем, чтобы создать новую обстановку, чреватую новой войной. Капиталистический мир вышел из войны расшатанным и потрясенным до корней своих. Война дорого обошлась капитализму: она стоила ему шестой части земного шара, той части, на которой родился новый мир, могильщик капитализма.

Современная война, которая в огромной мере есть война техники, требует предельного напряжения всех ресурсов страны, всех отраслей народного хозяйства. Тыл должен бесперебойно снабжать фронт снаряжением всех видов, продовольствием, медикаментами, людьми, металлом, словом всем, что необходимо для организации победы. Всякое нарушение этого потока из тыла на фронт роковым образом отзывается на состоянии фронта. Чтобы этого избежать, требуется единение всех сил народа — на фронте и в тылу,— готовность на жертвы, подъем «патриотических» чувств, забвение всяких внутренних разногласий.

Но как буржуазии обеспечить подобное «единение всех сил народа», особенно во время войны, когда народные массы несут такие необозримые жертвы?

Как заставить эти массы в нужную минуту забыть о глубочайших классовых противоречиях, о пропасти, зияющей между трудящимися и господствующими классами?

Два средства применяет буржуазия, чтобы добиться своей цели: во-первых, необузданный террор по отношению ко всем тем, кто выражает на словах или на деле свое недовольство, свою ненависть к буржуазному государству; во-вторых, величайший обман широчайших народных масс насчет действительных причин войны. С помощью первого средства — террора, преследований, устрашения — можно на время подавить и разгромить недовольные элементы, но этого средства недостаточно, чтобы обеспечить воодушевление и единение «народа». Это может быть достигнуто только при помощи сплошного обмана масс, которые нужно

убедить, что не ты напал, а на тебя напали, что эта война есть война «святая», угодная богу и им благословляемая, война во имя идеалов справедливости и т. д. и т. д. В результате такого обмана может получиться то, что требуется буржуазии: вера в конечную победу, безропотное приятие всех ужасов и невзгод, послушание властям и пр. и пр.

Кто лучше всего был способен сеять эту ложь в массах? Кто мог с наибольшим эфектом проповедывать все эти «истины» в народе, который в огромном большинстве своем, особенно в деревне, еще был во власти религиозных предрассудков?

Конечно, церковь.

На протяжении веков носители религии сумели посеять среди миллионов людей иллюзию, будто религия — «неземного происхождения», будто она независима от мирской суеты, будто она парит над классами, вне классов.

Церковь всегда и всячески убеждала массы, что в ее лице они имеют друга, радетеля, покровителя. На протяжении последних предвоенных десятилетий церковь, поняв новую, огромную политическую роль пролетариата, постаралась укрепиться в его рядах, она стала проявлять большую «социальную» активность в противовес росту и укреплению социал-демократии (тогда еще в основном революционной).

Папа Лев XIII опубликовал даже специальную энциклику (послание) в 1891 г. («Rerum Novarum») о задачах церкви на рабочем фронте. Энциклика эта была продиктована страхом, внушенным церкви, как и буржуазии в целом, могучим ростом социализма в рабочих массах.

В противовес свободным классовым профсоюзам церковь создала свои собственные профсоюзы в целом ряде стран и даже собственный интернационал христианских профсоюзов. В противовес разветвленной сети культурнических организаций социал-демократии церковь создавала свои многочисленные ферейны (союзы) культурнического, спортивного или профессионального типа. В противовес социал-демократической печати церковники стали обзаводится своей собственной католической и евангелической прессой.

Вся эта деятельность церкви поощрялась и направлялась буржуазией, которая обеспечивала ей привилегированное положение. В царской России православная церковь являлась официальным государственным учреждением и, будучи крупнейшим помещиком и крупным коммерсантом-спекулянтом, располагала огромными богатствами, движимыми и

недвижимыми. В Австро-Венгрии правовое и материальное положение церкви было примерно таким же, как и в царской России. Даже в странах «светских», как например во Франции, церковь выдвигалась буржуазией на самые ответственные участки государственной жизни, как гибкое, еще сохранившее громадный авторитет орудие пропаганды.

Уже с самого первого момента мировой войны 1914—18 гг. был мобилизован на ее службу весь гигантский аппарат церкви во всех странах, участвовавших в войне. Церковники всех стран сразу впряглись в военную колесницу, чтобы с помощью своих особых, одной церкви свойственных и присущих средств и методов «работы» помочь империалистам организовать победу и сломить всякое сопротивление войне.

Церковь действовала в тылу и на фронте, среди шедших в атаку солдат и среди раненых. Церковь поставила на дело укрепления отечественного империализма все свои силы. Она выступала в качестве утешителя трудящихся масс, в качестве распределителя подарков и всяких «благ» солдатам, и в роли организатора общественного мнения внутри и вне страны (например в нейтральных странах). Словом, во время самой войны, как и в период подготовки к ней, в лице церкви империалисты располагали наилучшим и универсальным помощником. Настолько расторопным и деятельным помощником, что, по словам немецкого богослова Дрелинга, «трудно себе представить, что произошло бы, не проводись в армии религиозного воспитания солдат» [1].

Рассказать обо всем этом читателю, вскрыть перед ним контрреволюционную сущность религии и церкви, показать их роль в годы первой мировой империалистической войны — такова задача, которую ставит перед собой настоящая книга.

ЦЕРКОВЬ НА ВОЙНЕ

Религия освящает империалистическую войну

В момент объявления войны, в лихорадочные дни всеобщей мобилизации вихрь событий сразу нарушил весь привычный жизненный уклад, вырвал внезапно из сотен тысяч, из миллионов семейных очагов сыновей, мужей, отцов. В эти дни, исполненные смятения и тревоги, первая и главная задача служителей церкви заключалась в том, чтобы успокоить смятенные умы, окружить ужас войны ореолом некоего святого таинства, рисовать участь людей, призванных в армию, как участь, достойную зависти и чести, показать, что совершается великое, богоугодное дело. Церковь, как и все, что шумит и витийствует в эти дни, взвинчивает до самого высокого градуса угар шовинизма и патриотического опьянения. Разжигается вакханалия шовинистического неистовства, в которой агитаторы буржуазии, включая церковь, стремятся потопить всякую, малейшую оппозицию войне. С амвонов и алтарей раздается погромный приказ к расправе с «врагами отечества», призыв к «истреблению крамолы». Так было в июльско-августовские дни 1914 г. Попы **обеих воюющих сторон** с одинаковым рвением, с одинаковой силой «доказательства» отстаивали святость войны, как дела, к которому солдаты призваны богом и от него данной властью.

Эмиль Ферстер, немецкий богослов, в своей работе об отношении евангелической церкви Германии к войне, прямо признал, что «церковь усматривала свою существенную задачу в укреплении чувства патриотического воодушевления и освящении его».

Представители евангелической церкви, в изложении Ферстера, доказывали,

что эта война есть война правая, ибо немцы якобы вовсе не стремятся к новым завоеваниям;

что всех немцев воодушевляет сознание долга перед отечеством, ибо таков «народный дух и духовная сущность германского народа»;

что кайзер и его правительство выполняют свой долг перед богом и народом, призывая народ к оружию;

что они нарушили бы заповеди бога, если бы уклонились от боя и «отдали народ свой на произвол неприятеля»;

что все мужчины, способные носить оружие, обязаны следовать приказанию кайзера и правительства не только с пассивным послушанием, но и с радостью и воодушевлением;

что богу угодно, чтобы немцы защищали свое капиталистическое отечество, не щадя жизни своей;

что теперь или никогда все немцы обязаны «отбросить от себя все дурное, все грешное, должны забыть **о всяких взаимных распрях, недоразумениях, должны подавить в себе классовую ненависть и воссоединиться в благоговейном отношении к богу»** [2].

Это вполне законченная схема одурачивания народа и в тылу и на фронте. В этом именно духе строили свои проповеди попы, возбуждая патриотические чувства, внушая своей пастве такое поведение, которое наиболее полезно и ценно с точки зрения буржуазии. И хотя эта схема, изложенная богословом Ферстером, относится к евангелической церкви, она отображает — с небольшими изменениями — содержание проповеди любой церкви на войне.

Столпы церкви во Франции также подчеркивали «святость» войны. Монсиньор Бодрилар заявил в газете «Матэн» 16 августа 1914 г., что считает развернувшиеся события (т. е. войну) весьма счастливыми. «Сорок лет, — писал он, — я дожидался этого дня... я знал, что Франция возродится и что это возрождение невозможно иначе, как на путях всеочистительной войны» [3].

Тиссье, епископ шалонский, писал:

«Наш триумф несомненно будет стоить еще много крови. Но каждая пролитая капля крови омывает, облагораживает Францию. О, французская кровь, лейся широким потоком из тела наших сыновей, ибо того требует величие родины» [4].

А главный орган французских католиков «Ля Круа» доказывал, что победа Франции есть путь к основанию царствия божия на земле.

В ризы святой религии облекли войну попы всех других воюющих стран. Примеров можно бы привести множество. Ограничимся еще несколькими.

Архиепископ глазговский (Англия) назвал войну против Германии «крестовым походом» против язычества.

«Наш долг,—сказал он,—броситься душой и телом в этот новый крестовый поход христианства против язычества, ибо наша война—это война против язычества, которое презирает чужую человеческую жизнь, собственность, право, справедливость, честь, истину, ребенка, женщину, искусство и науку! И разве называть эту войну прекрасным именем крестового похода значит преувеличивать? Христианство вступило в единоборство с язычеством, крест и его цивилизация — с полумесяцем и его варварством» [5].

Протоиерей Восторгов, настоятель собора Василия Блаженного в Москве, в связи с начавшейся войной говорил:

«Славянскому мировому делу нанесен предательский удар; разбойничий набег сделан на единоверную и единоплеменную, нами освобожденную Сербию; святому православию грозит опасность... Решается вопрос: быть или не быть России великой державой, стоящей на страже правды, быть ей или не быть оплотом и достойной носительницей всеславянских надежд и упований, устоять ли на высоте мирового призвания православно-христианской славянской державы или позорно и трусливо умолчать и отречься от жертв и подвига... » [6].

Но раз это война «за правду», «за православие», то должны умолкнуть голоса междоусобных распрей:

«Все должны объединиться в любви к родине и в желании умереть за нее. Нет теперь места ни для каких укоров за прошлое, ни для каких споров, ни для какого взаимного разделения. Другой великий спор — православия и инославия, славянства и германизма — теперь перед нами» [7].

А потому:

«Совершим же наш подвиг. У кого взяты в армию братья, дети и вообще люди близкие, спокойно благословим их в неведомый путь и не станем разрывать на части их сердца жалостью и слезами. Великому народу подобает в мужественном спокойствии перенести испытание. У кого будут убиты родные и близкие, претерпим и этот ужас... Вскую прискорбна еси, душа моя, и вскую смущаеши мя: уповай на бога. Будем тогда молиться всецерковно о героях-мучениках долга» [8].

Все приведенные нами выступления представителей церкви были рассчитаны на то, чтобы глубочайшим образом запутать верующих, ошеломленных ужасом войны, внушить им ложные представления о причинах войны, вооружить их

слепой яростью к противнику, играть на их религиозных предрассудках, одним словом скрыть от них настоящую причину войны за ширмой всего этого вороха лживой и циничной демагогии.

Имя бога в дни войны было не только на устах представителей церкви. Именем бога освящали бойню все агитаторы буржуазии: от «венценосного» разбойника до последнего уличного крикуна или желтого газетчика, включая именитых писателей, глубокомысленных философов, мудрых лакействующих ученых.

«Высочайшие» манифесты о войне и сопутствовавшие этим манифестам выступления монархов строились по принципу: война от бога, война угодна богу, бог покарает врага, с помощью бога победа будет одержана. С самого первого момента войны буржуазия прикрывала свое величайшее преступление мантией религии; с первой же минуты пустила она в ход все орудия свой пропаганды, чтобы обмануть массы насчет доподлинных причин затеянной ею преступнейшей из войн.

Манифест русского царя гласил:

«...С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на всемогущий промысел мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестное войско наше божие благословение».

Вильгельм в свою очередь ссылается на того же бога. В своей ««всенародной» речи 2 августа 1914 г. Вильгельм ораторствовал:

«Бьет час судьбы Германии. Завистливые народы вынудили нас к самозащите. Меч **насильно** вложен в наши руки. И я надеюсь, что с божьей помощью мы сумеем этим мечом разить врага и вложим его в ножны снова с честью... теперь же я вручаю вас попечению бога. Идите в храмы, преклоните колена перед господом богом и испрашивайте у него помощи для себя и для нашей доблестной армии» [9].

Вильгельм сочинил даже и приказал повсюду произносить особую молитву о даровании победы, о том, чтобы «всемогущий и милосердный бог, господин над владыками», «благословил все германские вооруженные силы, повел их к победе» и пр.

Франц-Иосиф, император австрийский, тоже уповает «на всемогущего бога, что он даст австрийскому оружию победу».

Ссылка на божественность войны, на религиозный ее характер звучала и в устах и в писаниях многочисленных

«мирских» агитаторов буржуазии. Называя войну «священной», «угодной богу» и т. д., эти попы и миряне тем самым стремились **снять** самый вопрос о причинах войны. Из числа таких поповствующих мирян упомянем известного французского писателя Анри Лаведана, который сочинил собственный «символ веры». Лаведановское «верую» — это помесь истерических воплей с тонким политическим расчетом:

«Я верую,—клялся Лаведан,—в мужество солдат и в волю и преданность наших вождей; я верую в силу права и в крестовый поход цивилизации, верую во Францию, вечную, непреходящую... Я верю в кровь и в воду благословения, в огонь артиллерии и в пламя обетной свечи... Я верую в молитву женщин, в незапятнанную славу нашего знамени... Я верю в руки, сжатые для борьбы, я верю в руки, сложенные для молитвы. Я верую в нас самих, я верую в бога. Я верую, я верую» [10].

Дикое шовинистическое возбуждение, захлестывавшее страну, церковь поддерживала своей религиозной фразеологией. Осатанелые попы визгом своим растравляли кровавый психоз. Попы не только «объясняли» войну как дело, угодное богу, они подчеркивали, что тот же бог велит быть беспощадным по отношению к врагу, истреблять его солдат, как истребляют бешеных собак,—без жалости, без оглядки, ибо так хочет бог. Немецкий поп Шельтер извергал неистовую свою ярость в следующих выражениях:

«Солдату в руки дана холодная сталь штыка, и он должен пустить ее в ход безо всякой жалости и снисхождения. Дело солдата убивать, и пусть без колебания вонзит он свой штык поглубже в грудь неприятеля меж ребер. В этом—его **святой долг,** в этом его **долг перед богом.** Великий боже, мы благодарны тебе за то, что ты дал нам в руки меч разящий, меч мести» [11].

Другой поп Шиллинг доказывал, что чем беспощаднее относиться к врагу, тем это богоугоднее, ибо это есть акт милосердия и любви, заповеданный евангелием:

«Мы назвали эту войну священной... Наш народ поднялся подобно исполину, вышедшему сеять уничтожение и чью волю славословит дело. Уже скошена богатая жатва на полях Лотарингии, Изера, у Танненберга, Лодзи, в Мазурских озерах, но отточена еще коса и не устала рука косца... Эта война—святая, и народ наш, сеющий гибель, совершает великое дело любви» [12].

Носители религии «любви и всепрощения» нашли нужный язык, нужный империалистам...

Участие церкви в пропаганде

Монархи, журналисты, генералы, епископы обеих сторон объявили войну священной, угодной богу, а жертвы, принесенные на «алтарь отечества», чем-то вроде прямой путевки в царство вечного блаженства. Надо было однако влить в эту довольно общую формулу конкретное, понятное, живое содержание. И такое содержание было без особого труда найдено.

Дело в том, что немцы, захватывая Бельгию и северные департаменты Франции, так же мало почитали святыни католицизма и самих господ католических «священнослужителей», как мало почитались, к примеру, русскими войсками германские и австро-венгерские святыни в тех городах и селах, которые переходили к русским в руки. Действительно, немецкие войска в пылу борьбы не щадили церквей и попов вражеской стороны. Факты жестокой расправы немецкого командования над отдельными бельгийскими и французскими священниками и разгрома множества церквей послужили замечательным материалом для пропагандистов Антанты. И уже с самых первых недель и месяцев войны множество памфлетов, бесчисленное количество статей, телеграфная информация о разрушении церквей, о казненных священниках, об изнасилованных монахинях наводняли как страны Антанты, так и, особенно, нейтральные страны. Пропаганда на этом материале была поставлена очень широко.

Одним из наиболее активных аппаратов пропаганды такого рода был «католический комитет французской пропаганды за границей». Этот комитет состоял из 50 человек попов и мирян, сплошь виднейших представителей буржуазной Франции. Почетными его председателями состояли кардиналы реймсский и парижский, директором был поп Бодрилар, позже возведенный в сан кардинала.

Комитет вел широкую литературную пропаганду главным образом во Франции, причем специализировался на распространении информации о «германских ужасах». Первый солидный «труд» этого комитета, называвшийся «Германская война и католицизм» [13], был издан одновременно на шести языках: французском, английском, испанском, итальянском, португальском и немецком, и разошелся в количестве 65 тыс. экземпляров. В фонд по изданию этой книги было собрано среди французских католиков 280 тыс. франков.

Деятельность «католического комитета пропаганды» на этом не закончилась. Было создано регулярное бюро, скла-

ды, образована обширная сеть корреспондентов во всех нейтральных странах, главным образом в тех, где имеется значительное католическое население (Испания, Италия, Португалия, США). В Испании и Португалии, например, числилось постоянных 60 групп и 385 индивидуальных корреспондентов.

Комитет часто командировал своих представителей в «турнэ» по нейтральным и союзным странам пропагандировать германские ужасы и попутно превозносить доблесть и благочестие войск Антанты. Комитет поддерживал регулярную связь с 1 100 заграничных газет, которые снабжал информацией и литературой.

Помимо книги «Германская война и католицизм» комитет издал еще ряд книг и брошюр. Один за другим вышли 6 томов под заглавием: «Страдания Лувэна» (Лувэн — город в Бельгии), «Собор Арраса под снарядами», «Пробуждение французской души», «Страдания французского духовенства», «Страдания бельгийского духовенства» и т. д.

Помимо книг и брошюр комитет издавал периодику, в том числе специальный бюллетень (тираж 60 тыс. экз.).

«Католический комитет пропаганды» в своей деятельности был связан с так называемым «библиографическим обществом». Общество это существовало еще задолго до войны, оно занималось распространением католической литературы в массах. Во время войны «библиографическое общество» действовало в полном контакте с «католическим комитетом пропаганды»; две трети комитета состояло одновременно членами правления «библиографического общества».

Существовал во Франции также аналогичный католическому протестантский комитет пропаганды, для обслуживания нейтральных стран с преобладающим или значительным протестантским населением (Швейцария, Скандинавия, Голландия, США) [14].

Если католический комитет утверждал, что война Германии против Франции есть поход германского протестантизма против католицизма, то протестантский комитет рисовал эту войну как поход языческой Германии против христианского мира вообще.

Боясь отстать в патриотическом соревновании, еврейские раввины и националисты создали свой еврейский комитет пропаганды.

Все эти и другие (например мусульманский) комитеты извергали во множестве всякую литературу. Наибольший однако успех выпал на долю первого творения католиче-

Одна из множества иллюстраций, изображавших кощунства немецких войск в Бельгии и Франции. Аналогичные картинки против войск Антанты распространялись и германской печатью.

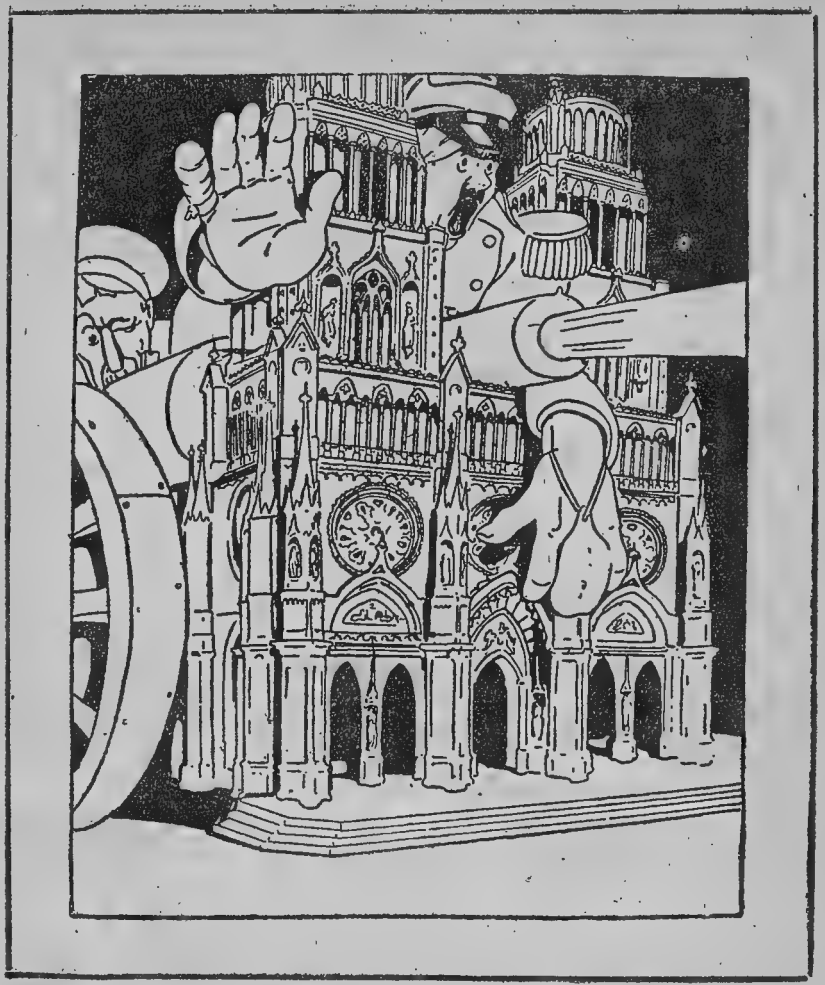
ского комитета «Германская война и католицизм» — о германских зверствах и кощунствах в оккупированных немцами территориях.

Франсуа Вейо, основной автор этой книги, производивший обследование по заданию «католического комитета пропаганды», пишет, что им и его комиссией обнаружены

на территории Бельгии и оккупированных департаментов Франции сотни разрушенных храмов, «разрушенных не только артиллерией и пожаром, но и кощунственным надругательством». Оказывается, «поджигательная ярость тевтонцев направляется главным образом против церквей и против памятников, представляющих ценность художественную или историческую». Приводятся слова епископа верденского, сказавшего, что «бомбардировка (немцами) городов и деревень начинается с обстрела церквей как первой мишени». Между прочим, по Вейо, это старое занятие германцев—разрушать храмы и кощунственно над ними издеваться. Он напоминает, что немецкий генерал Вердер, заняв в 1871 г. Страсбург, приказал снять шпиц с собора и сбить венчавший его крест.

Вейо приводит длинный перечень свидетельских показаний, полученных комиссией на месте, в районе расположения германских войск и в тылу у них. Епископ суассонский, например, сообщил, что в Гайенкуре «кайзерские солдаты, расквартированные в местной церкви, разгромили ризницу, поместили лошадей под алтарем и устроили там разнузданную попойку». Бельгийский кардинал Мерсье заявил, что в одном только его диоцезе (приходе) расстреляно 13 священников. Сообщается в книге о казни 75-летнего кюрэ (попа) из Варедда на Марне, 83-летнего аббата де-Клерка из Бюкена в Бельгии. По словам Нотомба, одного из обследователей, дело происходило следующим образом: «Де-Клерка привязали за ноги к орудию и волокли по мостовой, причем голова его беспрерывно билась и подпрыгивала по булыжной мостовой. Старик, собрав последние силы, промолвил: «убейте меня, убейте меня». Эта милость ему и была оказана»[15]. К книге приложен длинный список убитых немцами кюрэ, монахов и т. д.

Особенно охотно распространялись католические пропагандисты насчет обстрела немцами стариннейшего Реймсского собора, знаменитого памятника готической архитектуры. В отличие от большинства других подобных случаев, этот факт немцами не оспаривался. Немецкое командование лишь утверждало, что Реймсский собор был использован французами в качестве наблюдательной вышки[16]. В берлинской газете «Локаль Анцейгер» были даже помещены стишки в честь обстрела Реймсского собора. Поэт в восторге от того, что «отныне молчит двубашенный собор. Умолкли песнопения. Свинцом снарядов запечатаны врата твои, о, Реймс, храм идолопоклонников»[17].



Немецкая карикатура, цель которой — оправдать обстрел немцами Реймсского собора.

Не все то, что газеты Антанты приписывали немцам, было правдой. «Никогда столько не лгут, как во время войны», — сказал когда-то германский канцлер Бисмарк. Лгут сознательно, чтобы довести до предела звериную, слепую ненависть к противнику; лгут также для того, чтобы сверх меры возвеличить подвиги собственного «доблестного воинства». В книге английского политического деятеля лорда Понсонби «Ложь во время войны» собраны многочисленные образцы такой заведомой лжи, которая является непремен-

ной принадлежностью буржуазной пропаганды. Буржуазные пропагандисты в рясах и без ряс, не стесняясь, использовали все, что способно было укрепить религиозное чувство в народе, обострить темную религиозную ярость к врагу.

Французский историк Фредерик Массон доказывал, пользуясь не всегда достоверными фактами о немецких зверствах, что война Германии против Франции есть прежде всего война хищного протестантизма против мощного, великого, благородного и т. д. католицизма. Так, сожжение и уничтожение немцами знаменитого католического университета в Лувэне (Бельгия) Массон и другие объявили частью широко задуманного похода против католицизма. «Сжигая Лувэн, — говорит Массон, — германские протестанты в действительности хотели уничтожить центр живой и центр исторический католицизма на северо-западе Европы. В Лувэне германцы хотели уничтожить католическую культуру» [18].

Впрочем эту самую «католическую культуру», по словам все того же Массона, сумеют отстоять не кто иные, как царские православные казаки, которые конечно тоже носители божественной благодати. Так как Массон не питал в то время надежды, что франко-англо-бельгийские войска в ближайшем будущем проникнут на территорию Германии, где могли бы соответствующим образом отплатить за Лувэн, то он возлагал надежду на русские войска:

«Есть, — напоминает он, — в восточной Пруссии город, основанный тевтонскими рыцарями, позже захваченный Альбертом Бранденбургским, который не посчитался со своим богом, своим орденом и своими присягами. Там, в этом городе, венчались на царство в течение двух веков короли Пруссии. Там возлагали они на себя эту корону, которая обозначала для их торгашеской, скорее ростовщической, чем солдатской, расы, длинный ряд счастливых походов. Варварскую, языческую церковь этого несчастного города они превратили в свой Реймс, в Реймс, скроенный по их вкусу, в меру их эстетического понимания, их традиций и их истории. Но русские войска продвигаются вперед. Русским не надо говорить об их долге! Они знают, что им сделать надлежит! И если останется у германского императора после этой войны сын, и если жалкий лоскут государства будет за ним сохранен, не в кенигсбергском соборе возложит он на себя свою корону.

Собор в Кенигсберге исчезнет с лица земли!» [19].

Замечательно звучит эта угроза в устах благочестивого профессора. Она только подтверждает, что будь французские войска на германской территории, они с такой же яростью истребляли бы немецких попов и громили немецкие церкви, как то делали немцы на территории Бельгии и Франции. Ибо в конце-концов попы и церкви нужны как материал и средство для политической агитации, для того, чтобы дурачить пушечное мясо, обрекаемое на гибель в интересах капитала.

Морис Баррес, известный французский реакционный писатель, старый и неугомонный глашатай реванша, названный Лениным «архи-реакционером», тоже доказывал, что в Германии царит древнегерманское язычество и что «unser Gott» (наш бог), на которого так часто ссылается в своих речах и документах Вильгельм, есть не кто иной, как «языческий бог Вотан, универсальный отец, восседающий в туманах Севера, окруженный кровавыми девами, возглавляющий бесконечные смертоубийственные бои, перемежающиеся бешенством пьянства», и что это «молот бога Тора бьет по нашим соборам» [20]. Ясно после этого, что сам Вильгельм это не кто иной, как антихрист, сам сатана, или, если хотите, баснословный зверь из апокалипсиса. Это доказано даже документально, с цифрами в руках. Именно с цифрами. Парижская газета «Либерте» [21] привела следующий подсчет, сделанный специалистами: по учению церкви число антихриста составляет 666, и это же число является числом кайзера. Слово «Kaiser» состоит из 6 букв. Если расположить их в колонку и приписывать к каждой букве соответствующую ей цифру (т. е. порядковое место в алфавите) и приписать к каждой из цифр шестерку, затем все эти числа сложить, то получится сумма 666. Чего же более?

Ну, а раз Вильгельм антихрист, то и войско его — антихристово войско, а поэтому истреблять немцев — святое дело.

Точно такую же пропаганду, но направленную против англичан, французов, русских и их союзников, вели в свою очередь германские попы. Печать католического центра и попы не уставали напоминать о старых «грехах» французской буржуазии, которая некогда изгнала из Франции монашеские ордена и отделила церковь от государства. Католическая печать Германии целиком поддерживала официальные донесения германского командования, которое оправдывало разгром французских и бельгийских церквей, а также репрессии по отношению к бельгийским и француз-

ским попам тем, что последние вели шпионскую, диверсионную работу в интересах врагов Германии.

Книгу «Германская война и католицизм» немецкие католики встретили в штыки. Кардиналы фон-Гартман (Кельн) и фон-Беттингер (Мюнхен) в порыве патриотического рвения обратились к своему «обожаемому монарху» со следующей телеграммой:

«Возмущенные клеветой против германского отечества и его доблестного воинства, заключенной в книге «Германская война и католицизм», мы чувствуем в сердце своем потребность передать вам, ваше величество, скорбное негодование от имени всего германского епископата. Мы не преминем передать жалобу высшему вождю церкви».

И немедленно же была издана специальная контркнига под названием «Белой».

Германские католики вели за границей весьма усердную кампанию в интересах германского империализма, как французские католики — в интересах французского.

Один из наиболее выдающихся и активных вождей католического центра Матиас Эрцбергер возглавлял эту пропаганду германских католиков в нейтральных странах, в частности в Швейцарии, где он издавал специальные католические «нейтральные» издания и доказывал антихристианский дух Франции, обвинял бельгийских попов во всех смертных грехах и оправдывал таким образом разрушение церквей и казни попов.

Автор книжки по вопросам германской пропаганды в Швейцарии Хенгги, правда явно сочувствующий французам, пишет, что в католических изданиях Швейцарии решительно преобладали телеграммы бюро Эрцбергера (они обычно назывались «Э-телеграммы»). Еще в 1915 г. Хэнгги обнаружил в одном только, взятом наугад, номере швейцарской католической газеты «Остшвейц» не менее 5 или 6 «Э-телеграмм», не считая 3 статей, написанных явно в духе германской пропаганды.

Занятные подробности об агентуре Эрцбергера сообщала немецкая газета «Кельнише Цейтунг» (8 июня 1918 г.).

«Известно, — писала газета, — что в начале войны Эрцбергер предложил свои силы императорскому правительству для информирования заграничной прессы. С этой целью на средства, отпущенные ему государством, он основал большое агентство информации, в котором целая армия служащих занималась снабжением нейтральной прессы информацией о немецкой политике, об экономическом поло-

жении Германии и т. д. За несколько лет общая сумма, отпущенная Эрцбергеру на эту цель, достигла 30 млн. марок. Кроме того известно, что Эрцбергер имел доступ для целей заграничной пропаганды к таким документам министерства иностранных дел, которые, как общее правило, доводятся до сведения чиновников только самого высшего ранга»[22].

Сила эрцбергеровской пропаганды заключалась в том, что она опиралась, помимо миллионов из государственного казначейства, также на международные связи католицизма, которые она использовала так же, как французские католики использовали соответствующие католические круги за рубежом в интересах Антанты.

Христианские попы, как католические, так и протестантские, вели неустанную пропаганду: одни за защиту Антанты, другие за ее противников.

Германский снаряд с надписью: „с богом за короля и отечество".

Немалую деятельность в годы войны проявили в интересах империалистических правительств и еврейские раввины. С одинаковым усердием молились раввины в России за успехи православного воинства и победу кровавого царя, вождя черносотенного антисемитизма и громил, как и раввины Германии и Австро-Венгрии за ратные подвиги родных им империалистов и т. д. Так, в первых числах августа 1914 г. берлинская печать приводила текст проповеди, произнесенной в синагогах: «Братья и сестры, — говорилось в проповеди, — серьезные надвигаются события на наше дорогое отечество. Именно мы, евреи, должны показать, что в жилах наших течет кровь еврейских героев и что мы не напрасно на протяжении тысячелетий учились приносить жертвы. До сих пор мы находились под защитой страны, теперь, когда страна призвала своих граждан на свою

защиту, мы должны безоговорочно внять ее зову. На это да благословит нас бог, и да поможет нам в этом всевышний. Аминь»[23].

В свою очередь раввины Франции тоже не упускали случая: когда пришла весть об обстреле Реймсского собора, главный раввин города Лилля, он же бывший раввин Реймса, выразил кардиналу Люсону «свою глубокую патриотическую скорбь» в сопровождении подходящего к случаю стиха из пророка Исайи. Кардинал Люсон ответил учтивой благодарностью...

Попы в армии

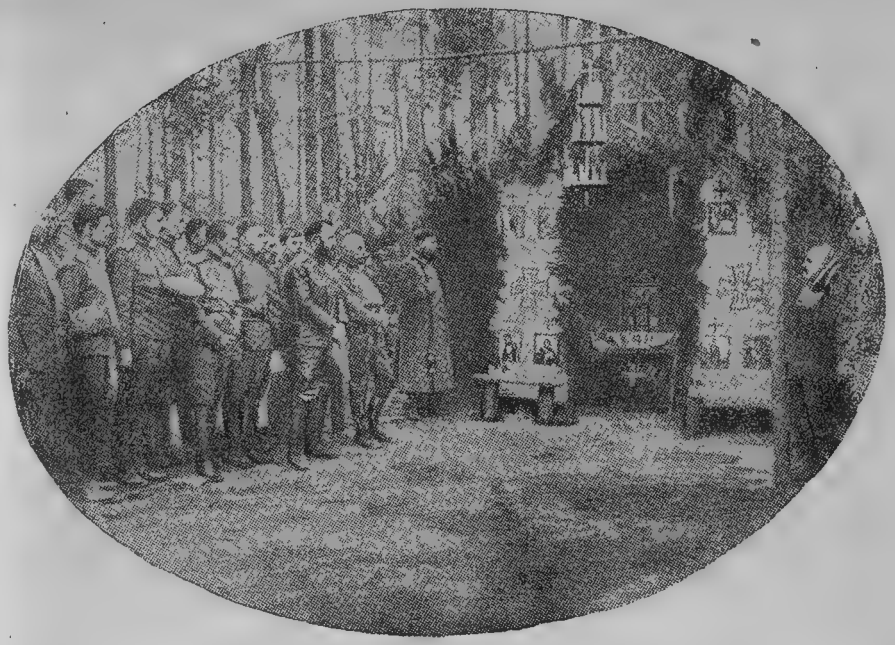
Ни одна буржуазная армия не обходится без попов. Покуда эта армия находится на мирном положении, число полковых священников сравнительно невелико. Полковой пастор, кюрэ, «батюшка» и т. п. проводит по воскресным дням и праздникам молебны, причащает солдат, кутит в обществе офицеров, словом делает все, что полагается по чину.

Во время войны роль армейского попа, этого офицера и жандарма в рясе, значительно усложняется. На войне поп становится одной из центральных фигур, ведущих идеологическую обработку солдат. Ему вверяют души солдат. «Заботой о душах воинов» (Militärseelsorge) называют немцы работу армейских попов. В чем же заключается эта «забота о душах»?

Говоря коротко — в том, чтобы крепить боеспособность армии.

Немецкий католический исследователь, богослов Радемахер, прямо говорит: «Полевая пастырская служба представляет собой **бесценное благо** не только с точки зрения религиозной и моральной, но и **в чисто военном отношении».** Ибо, говорит он, верующий солдат-католик, питающий безоговорочное доверие и послушание к своей церкви и своему духовенству, переносит это доверие и на то дело, которое освящает католическое духовенство[24].

Как видим, задача полкового священника заключается в том, чтобы использовать религиозность солдата в интересах упрочения дисциплины, послушания, покорности. Она, эта задача, состоит и в том, чтобы рассеять всякие сомнения, могущие возникнуть в головах обманутых рабочих, брошенных в траншеи. Вместе с тем не на последнем месте стоит задача тщательно наблюдать за состоянием духа ар-



Православная походная церковь (из журнала „Солнце России" 1915 г.)

мии, вести шпионаж среди солдат и выявлять революционеров в целях их изоляции, а нередко и казни.

Поп воодушевляет солдата перед атакой всякими жульническими посулами потусторонних вечных благ и ссылками на божие милосердие или на божие провидение и мудрость.

Поп занимается не только здоровыми и живыми, но и ранеными и даже мертвыми.

Немецкий военный писатель М. Шварте[25] перечисляет следующие функции армейских попов:

1. На поле сражения:
а) работа среди живых (до, после и во время боя),
б) забота о раненых,
в) забота об убитых.
2. В местах расквартирования солдат:
а) богослужение,
б) причащение и исповедание,
в) погребение,
г) работа в лазаретах,
д) работа в солдатских казармах,

е) распространение литературы,
ж) забота о пленных,
з) забота о гражданском населении.

Как видим, не было той щели, куда не пролез бы поп в своих «заботах о душах воинов».

Ясно, что командование придавало немаловажное значение деятельности этих пастырей и обставляло их пребывание на фронте и в тылу всевозможными удобствами, оно приравнивало их к офицерам, платило большое жалованье и т. д. Ясно также, что ни одно из государств не обходилось без армейского духовенства.

Даже «атеистическая» французская буржуазия, формально отделившая в свое время церковь от государства, отлично понимала значение поповства в условиях войны. Французские правительства разновременно (в 1880 г., 1881 г. и 1913 г.) принимали решения о назначении специальных полковых священников в армию.

Сперва таких попов на мирном положении было 300 человек, однако это число было вскоре признано недостаточным. И один из наиболее видных апостолов воинствующего католицизма во Франции, граф Альбер де-Мэн, добился удвоения этого «явно недостаточного числа». Но основная масса попов во французской армии приходится на долю добровольных «омонье». В самом начале войны усилиями того же де-Мэна и с охотного разрешения военного министерства был организован особый отряд священников, который был распределен по разным воинским частям. В отличие от того, что наблюдается в других армиях, часть низовых французских попов вооружена и непосредственно участвует в боях, одновременно отправляя религиозные функции. Другая часть, основная, ведет исключительно «духовную» работу среди солдат, здоровых и раненых, на фронте и в тылу. Это так называемые «омонье нонкомбаттан» (невоюющие священники); по преимуществу это священники в возрасте от 30 лет и выше. Всего во французской действующей армии числилось свыше 20 000 священников, из которых только небольшая группа в несколько сот человек подвергалась непосредственно тому же риску, что рядовые солдаты и нижние офицерские чины [26].

Русскую церковь война не захватила врасплох. Так называемое «ведомство протопресвитера военного и морского духовенства» было в курсе всех главных мероприятий русского правительства по подготовке войны и загодя деятельно к ней готовилось. И вовсе не случайно еще в марте

Поп в роли гробовщика.

1914 г. это ведомство, по инициативе протопресвитера Шавельского и военного министра Сухомлинова, решает созвать на июль в Петербурге всероссийский съезд военно-морского духовенства. Ибо уже тогда, еще задолго до выстрела в Сараеве, царизм готовился к войне против Германии. (Примерно в это же время происходило тайное совещание русского генерального штаба с представителями английского адмиралтейства о совместных военных действиях против Германии). Съезд продолжался 12 дней, от 1 до 12 июля, и прошел под знаком исключительного внимания к нему со стороны «всей русской общественности». На съезде была зачитана телеграмма военного министра с «пожеланием полного успеха». Много внимания уделил съезду и царь Николай. Протопресвитер Шавельский, председательствовавший на съезде, в следующих словах охарактеризовал задачи военно-морского духовенства:

«Долг, который наложен на нас и нашим посвящением царю небесному, и нашей присягой царю земному, и нашим званием христианина, — не продремать настоящего момента... Я напомню о совершенно исключительном положении военного духовенства: ему вверены души всех защитников царя... Дана возможность, — нет, более того, на него по-

ложена непременная обязанность, — возвышать дух армии. На этом съезде военно-морское духовенство должно показать обществу, что оно понимает важность исторического момента»[27].

Шавельский отлично знал, что этот «исторический момент» уже близок.

Съезд внимательно рассмотрел все вопросы, связанные с предстоящим религиозным «обслуживанием» армии, и принял ряд деловых решений, в том числе и решение, обязывающее полкового попа на войне тщательно следить за настроениями среди солдат и поддерживать тесный контакт с офицерством на предмет уничтожения крамолы:

«Деятельность полкового пастыря должна еще выражаться в особом назидании порочных (!) воинских чинов, сведения о коих должны давать полковому священнику ротные и эскадронные командиры».

Словом, войну царская поповщина встретила во «всеоружии». И сам Николай II, по свидетельству Шавельского, заявил в 1916 г., что «отовсюду он слышит самые восторженные отзывы о работе военного духовенства».

Не менее обильно было представлено племя попов и в армиях других воевавших государств. В английской армии, сухопутной и морской, в момент возникновения войны насчитывалось всего 19 католических священников, из них 4 — во флоте (основная масса священников в английских вооруженных силах — англиканского вероисповедания, но, к сожалению, мы не располагаем соответствующими цифровыми данными). После объявления войны поповские ряды стали быстро разбухать, и уже спустя год число священников-католиков доходило до 455 в сухопутных силах и 31 в морском флоте. О заслугах попов перед британским империализмом говорит тот факт, что к концу 1915 г. 16 священников были награждены знаками отличия и не менее 22 особо отмечены в донесениях высшего командования[28].

Столь же усердно делали свое дело попы в германской и австро-венгерской армиях. К концу войны в германской армии на восточном фронте числилось одних только католических попов 986, из них в полосе боевых действий 581, в занятых областях — 83, на этапах — 322. Кроме того числилось еще 413 католических священников в городах более глубокого тыла. Но это только часть сил духовенства в армии, ибо основная масса приходится на долю священников евангелической церкви, да к тому же не учтены попы-католики на западном и других фронтах.

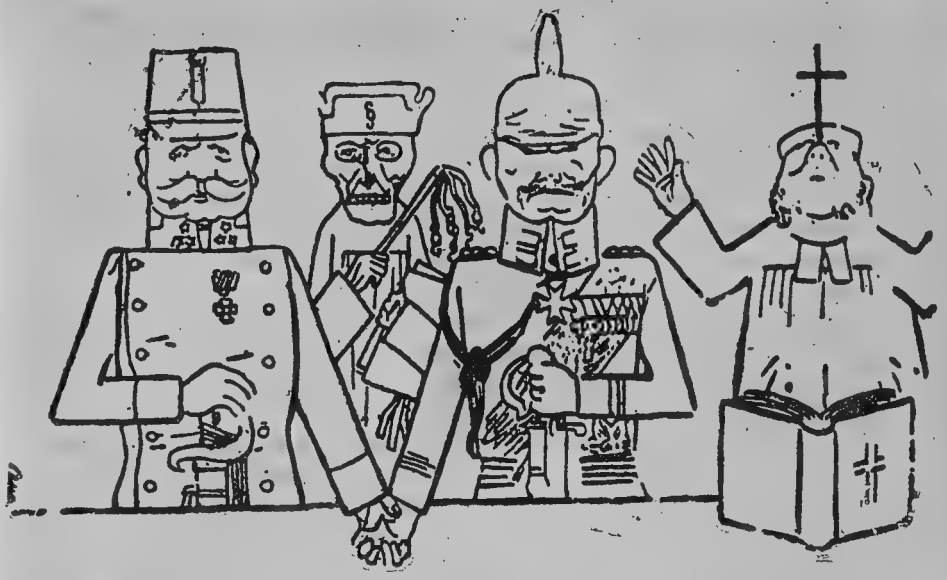


Рисунок знаменитого немецкого революционного художника Георга Гросса „Слушайтесь начальства".

Немецкий богослов Ферстер жалуется на неподготовленность евангелической церкви Германии к «великим событиям» и причиной считает ее раздробленность и отсутствие твердого руководства. И если в Пруссии Militärseelsorge — «военная служба заботы о душах» — была поставлена сносно, то в мелких государствах Германии — из рук вон плохо. Но с первым громом войны началась лихорадочная перестройка этой «службы». Так как наличного состава армейского духовенства оказалось явно недостаточно для нужд военного времени, то были в спешном порядке созданы курсы переподготовки попов соответственно задачам военного времени; был объявлен набор добровольцев-попов (по положению, существовавшему в Германии, лица духовного звания не подлежали мобилизации в армию в качестве военнообязанных). Это требовало денег, добровольных средств нехватало, и все дело срочной подготовки кадров полковых, гарнизонных, полевых и т. д. попов перешло на бюджет военного и морского министерств [29]. Точь-в-точь как это делалось и для обеспечения солдат публичными домами на фронтах: эти две статьи бюджета фигурировали бок-о-бок и порою вполне официально.

Чтобы обеспечить согласованность действий армейских попов в германской армии и достаточный контроль над ними, была проведена полная централизация всего религиозного обслуживания в армии (по евангелической линии). Высшее оперативное руководство находилось в ведении трех Feldoberpfarrer (высший полевой священник), из коих один на восточном фронте и двое — на западном; при штабе каждой армии состоял Armeeoberpfarrer, в задачи которого входило постоянное инструктирование всех попов данной армии, созыв поповских конференций и т. д. Далее числились пасторы дивизионные, эскадронные, полковые. Все эти духовные единицы, особенно высшие, действовали в самом тесном контакте с соответствующим командованием и по прямым его указаниям [30].

С помощью лицемерных поповских «доказательств» кюрэ, пастор, поп, патер и т. д. «доказывал» святость и богоугодность войны. Увещевания словесные этот кюрэ, пастор и т. д. дополнял религиозными церемониями, мессами, исповедями и пр. Военные попы не брезгали и мелкими делами, — только бы придушить малейшие ростки протеста и классовой сознательности в солдатах-пролетариях. «К священнику обращаются за корреспонденцией, за свечкой, за карандашом, но прежде всего за добрым советом, за утешением, за ободряющим словом, за словом господа бога, которого священник представляет» [31]. А военный каноник Ардан не только «утешает, поддерживает, отпускает грехи», но держит при себе всегда флакон одеколона, которым смачивает усы раненого. «Это такая для них радость вдыхать аромат одеколона и в течение хотя бы нескольких минут не ощущать едкого, насквозь пронизывающего запаха крови» [32]. Поповская печать и литература времени войны широко разглашала письма одураченных верующих рядовых с фронта домой со словами упования на бога, с изъявлением благочестивого подчинения судьбе и готовности принять из рук всевышнего положенную им меру пресечения жизни. Подобные письма, перепечатанные в сотнях тысяч экземпляров на страницах специальных изданий, должны были, по мысли попов, создавать соответствующие настроения в рядах армии. Вот например письмо моряка Ж. Б., писавшего своим родным:

«Когда я буду умирать, то в последние минуты своей жизни произнесу следующие слова: «Я умираю с радостью, ибо я умираю за бога и за отечество» [33].

Другой пишет:

«Мы с радостью жертвуем нашей жизнью. Война — ужасная вещь, но она приближает нас к небу».

Третий, безнадежно раненый, пишет в письме к жене:

«Мы соединимся в небесах, а потому не предавайся отчаянию и безутешному горю... Я знаю, что бог тебе поможет; он не может покинуть тебя на твоем жизненном пути. Воспитай наших детей в любви к богу, предайся в руки провидения, которому и я вручаю душу свою» [34].

Немецкий унтер-офицер пишет с фронта:

«Железный крест у меня на груди и скромные деревянные кресты, которые мы сажаем на могилах наших героев, это как тот крест на Голгофе, на котором умер наш спаситель. В жертвах наших на полях брани как бы оживает перед нами жертва Христа» [35].

Истребительная машина войны работала на религию. «Где страдания, там религия...» Настроения, выраженные в подобных письмах верующих солдат, смиренно приемлющих «крест» и «терновый венец», действительно имели место в армии, особенно в первые месяцы и годы войны. Но в дальнейшем, когда в траншеи стала проникать революционная мысль, когда отчаяние масс стало переключаться в активный протест, в братание с врагом, особенно после Февральской и Октябрьской революций 1917 г., попам все труднее удавалось спекулировать на своем боге, и крики мятежа и гнева стали перекрывать жалкий лепет зачумленных религиозным дурманом трудящихся.

В замечательном своем романе «Огонь» Анри Барбюс, один из лучших революционных писателей Франции, с большой художественной силой показал французского летчика, который с самолета наблюдал два совпавших по времени молебна по обе стороны фронта. Летчик потрясен зрелищем этого кровавого фарса, и классовая правда стала пробиваться в его сознание.

Молодой летчик рассказывает окружающим его солдатам:

«— С высоты, с неба, мало что увидишь, как вам известно. Среди квадратов полей и маленьких кучек деревень дороги кажутся белыми нитками. Различаешь также нитевидные впадины, как бы вычерченные булавкой на песке. Эти сети углублений, покрывающих равнину, — это окопы. В воскресенье утром я летел над линией огня. Между нашими и неприятельскими передовыми окопами, между двумя огромными армиями, стоящими друг против друга и друг друга ненавидящими, расстояние невелико, — иногда сорок

метров, иногда шестьдесят. Мне казалось, что между ними только один шаг, так высоко я летал. И вот я разглядел у бошей и у нас на параллельных линиях, которые как бы соприкасались, совершенно одинаковую суету и движение: какую-то массу, напоминавшую живое ядро, а вокруг — нечто, походившее на черные песчинки, рассыпавшиеся на сером песке. Затем все это замерло в неподвижности, не заметно было никаких следов тревоги. Я спустился пониже, чтобы понять, в чем дело. И понял: было воскресенье, и внизу с обеих сторон совершалось воскресное богослужение: алтарь, священник и стадо солдат. Чем больше я спускался, тем яснее я видел, до какой степени все это одинаково, идиотски одинаково. Одна церемония была как бы отражением другой. Мне казалось, что у меня двоится в глазах. Я спустился еще ниже. По мне не стреляли. Почему? Не знаю... И тогда я услыхал... До меня долетала как бы одна общая молитва; один общий гул песнопений возносился к небу, проходя мимо меня. Я летал взад и вперед, чтобы вслушаться в эту смутную смесь церковных напевов,— и, чем больше они силились заглушить друг друга, тем больше они сливались воедино в небесной выси, где я находился. Вокруг меня стала разрываться шрапнель в тот момент, когда, спустившись очень низко, я уловил два крика, слившихся воедино: «Gott mit uns» и «С нами бог»... Я улетел.

Молодой человек покачал своей забинтованной головой. Это воспоминание не давало ему покоя.

— В ту минуту я говорил себе: «я лишился рассудка».

— Это действительность лишилась рассудка, — заметил слушавший его зуав.

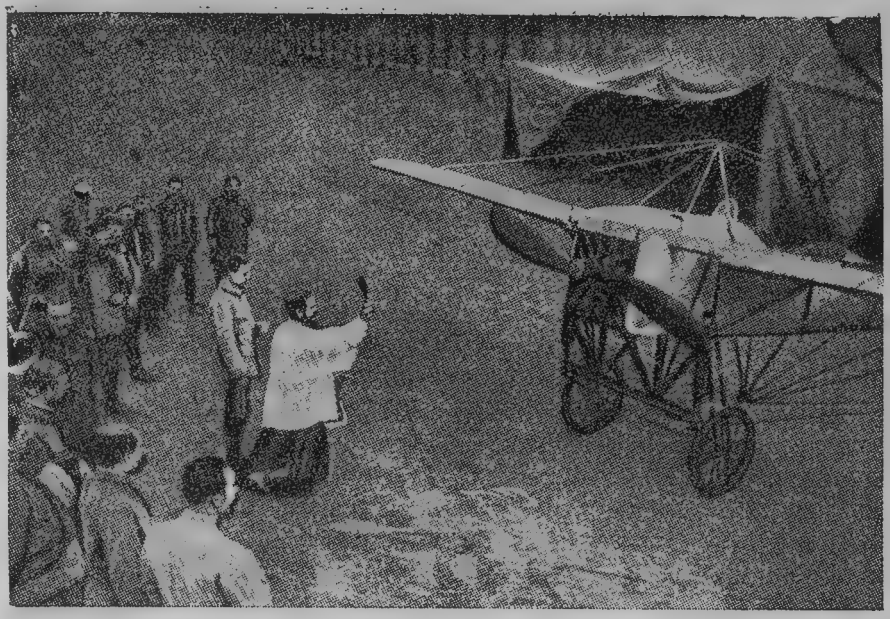
С глазами, сверкающими лихорадочным огнем, рассказчик пытался передать нам то глубокое впечатление, которое произвело на него это зрелище.

— Что же это такое? — восклицал он. — Вообразите себе эти две совершенно одинаковые массы, кричащие совершенно одинаковые слова и все-таки друг другу враждебные, хотя и тождественные по внешнему виду. Что же ответить на это господу богу? Я знаю, что он все знает, но даже, зная все, он не сообразит, что ему делать.

— Вот так история, — воскликнул зуав.

— Успокойся, ему наплевать на нас.

— А затем, что же в этом необыкновенного? Ведь ружья тоже говорят одним языком, а между тем это не мешает народам лезть в драку, да еще в какую.



На западном фронте. Освящение католическим попом французского самолета.

— Да, — согласился летчик. — Но ведь бог только один. Я понимаю, что люди молятся, но как же бог-то может слушать такие молитвы.

Беседа умолкла...

— Но все-таки, как же он смеет, этот бог, позволять всем одинаково думать, что он с ними, а не с другими,— вдруг воскликнул летчик, настойчиво доискивавшийся разгадки войны. — Почему он заставляет всех нас кричать: «С нами бог», «Нет, вы ошибаетесь, бог с нами».

С носилок донесся стон, и некоторое время только он один раздавался в тишине, словно это был ответ на проклятый вопрос».

Летчик, терявший рассудок от дикой нелепости, которую наблюдал с воздуха, сам принадлежал к числу тех, кого отравила поповская ложь о боге.

Но омерзительный поповский фарс, разыгравшийся под ним, обнажил перед его взором подлинную природу религии.

Попы пекутся о раненых

Военные действия на фронте сопровождались колоссальным количеством ранений. Число раненых превышало число убитых и пленных. Раненые в основной своей массе были тем резервом, за счет которого по истечении того или иного срока пополнялись ряды солдат на передовых позициях. Вот почему вопрос о выздоровлении раненых был по существу вопросом об усилении фронта. Но забота о раненых вместе с тем носила как бы характер чистого человеколюбия, — ведь речь шла о спасении людей от смерти, и поэтому церковь уделяла много внимания этому участку своей работы. Церковь устраивала лазареты, собирала средства на обслуживание раненых, предоставляла иногда свои здания и т. д. В этом смысле церковь поступала примерно так же, как многие «высокопоставленные дамы» из общества, в промежутке между балами и театрами ухаживавшие за ранеными.

Но церковь на то и церковь, чтобы заботиться не столько о бренном теле, сколько о «нетленной» душе.

Забота попов о раненых была прежде всего заботой о том, чтобы физические страдания десятков, сотен, тысяч людей, отправленных на лечение в тыл, не вносили смятение в среду населения, не вызывали ропота гнева и возмущения, чтобы вместе с тем телесные муки и увечья не послужили для раненых солдат источником опасных, тревожных мыслей о цели и смысле этих страданий и лишений. Надо было «доказать» и раненому «солдатику» и окружающему населению в тылу богоугодность, глубокую осмысленность принесенной жертвы; надо было с помощью все тех же ссылок на провидение и неисповедимые пути его не только примирить «воина» с его порою жестокой, невыносимой болью, но и поддержать в нем «высокий» дух патриотизма и готовность по выздоровлении снова отправиться в огонь войны (куда, впрочем, его пошлют, и не испрашивая на то его желания). Именно в этом и заключалась прежде всего и главным образом роль попов на этом участке.

Знакомый нам уже поп Восторгов дает поучительные образцы в этой области. Для примера возьмем его речь, произнесенную в присутствии больных солдат и «команд слабосильных», состоящих из бывших раненых, по выздоровлении снова отправляемых в действующую армию [36].

Поп „утешает" раненых.

Восторгов прежде всего напоминает о «кресте христовом», о том, что бог сам, дескать, страдал и «нам велел страдать». Воинам тоже приходится страдать, и поэтому Восторгов предлагает «с добрым христианским чувством и с доброй христианской рассудительностью» рассмотреть все «тяготы креста воинского и увидеть, как он, этот крест, и высок, и необходим, и как подобает его нести достойно и с усердием».

Восторгов «разъясняет» по пунктам.

Крест первый:

«Воин оставляет свой дом, свою семью, бросает поле, бросает налаженный труд, который давал ему и его близким пропитание; он оставляет семью иногда без верных и надежных средств, детей без призора. Тяжело все это,— лицемерно вздыхает поп,— нечего и говорить». Но на помощь является государство, которое, оказывается, по Восторгову, только тем и занято, что опекает верных своих подданных: «И то нужно заметить,— говорит Восторгов,— что с каждой новой войною возрастают заботы государства о семьях призванных на войну воинов, которые получают такие пособия, о которых в прежнее время и помыслить было невозможно».

Этак скоро война превратится в сплошное развлечение за счет государства!

Крест номер два и соответственное утешение:

«Воин, далее, терпит во время войны всевозможные лишения: усталость в пути, дождь, зной, голод, бесприютность, ночлег под открытом небом, лишения в пище, в питье, в сне и отдыхе, в одежде и жилище — всего не перечислишь».

Но опять-таки: «Какое же великое дело совершается без напряжения? Без труда нет плода, без борьбы нет заслуги, нет победы, нет венца и победного конца».

Есть и другие кресты:

«Воин обязан во время войны беспрекословно повиноваться распоряжениям военного начальства, итти, куда прикажут, исполнять всякое порученное дело. Часто воину совершенно непонятно, зачем наступают, зачем, повидимому, без нужды отступают, зачем так называемые диверсии и демонстрации, кажущиеся ненужными сражения, в которых однако люди получают и раны, и увечья, и смерть. Здесь-то и испытание крестоношения воинского: надобно уметь подавить в себе поднимающиеся в душе сомнения и недоумения...»

Здесь Восторгов коснулся уже самого главного. Как бы солдат не стал размышлять о войне, о причинах войны и как бы от этих мыслей не дошел до прямого неповиновения, до бунта против тех, кто обрекает его на бессмысленную гибель. И Восторгов торопится подавить всякие возможные сомнения. Чем? Ссылкой на бога, на религию. Он проповедует:

«Доверие, терпение, решимость исполнить до конца свой долг, — вот что облегчит эту тяжесть креста воинского и даст силу победить соблазн. А соблазнов может быть много, и поводы для жалоб, для ропотов всегда найдутся, особенно у больных и раненых воинов. Естественно, у них может быть уныние, раздражительность, недовольство. Естественно, могут у них быть жалобы на свое положение...

Надобно, чтобы русский воин выдержал это испытание блистательно. И славу богу, так оно и есть: по доходящим сюда немецким газетам мы можем судить, что и враги наши удивляются стойкости русского солдата, его **покорности воле божией,** его терпению и выносливости».

Да, «слава богу» — этой выносливости и покорности хватило на три года. Но и она истощилась.

И наконец самый большой из «крестов воинских» — смерть. Но и то не страшно: что́ жизнь перед величием веры, царя и отечества! И вообще смерть на поле брани —

На солдатских костях.

это просто замечательная оказия без особого труда добиться всякого блаженства, на небесах конечно.

«Ожидать надо и смерти. Но ведь только слабодушные трепещут смерти. Она для воина — приобщение к сонму мучеников. Она для воина — венец его подвига...

...Так и смерть воина вменится вместо второго крещения, а вторым крещением называется покаяние во отпущение грехов. Смерть на поле брани покроет грехи убиенных, и они предстанут пред лицо божие как исполнившие заповедь: «Больше сия любви ничтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоанн, VI, 13)...».

И Восторгов напутствует слушателей своих:

«...Итак, возьми, воин, крест свой и неси благодушно все тяготы его. Донесешь до конца, — примешь венец и души спасенье; бросишь на пути — погубишь душу свою. Так говорит и господь в евангелии своем. Какая польза,— вопрошает он, — какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит. Или какой выкуп даст человек за душу свою? (Мр. VIII, 36—37). Следовательно сохранение земной жизни, сохранение всех выгод земных, покоя, довольствия, — и не только это, но и все сокровища мира, весь мир во всей его совокупности не стоит одной души христианской и ее спасения.

Есть побуждения, есть соображения выше земной жизни, говорящие о боге, о небе, о вечности, о церкви, о родине, родном народе и о благе всего человечества. К ним и призы-

ваёт нас Христос спаситель, к ним и призывается христианский воин-крестоносец. Аминь».

Так раздавала поповщина свои путевки на смерть во славу отечественного империализма.

Поповская литература для солдат

В помощь полковым попам издавалось множество специальных воинских поповских газет и журналов под редакцией ловких, вышколенных журналистов. Издавались журналы даже отдельными общинами, особенно в Германии. Эти общинные издания имели своей целью «поддерживать постоянную связь с рассеянными на полях членами данной общины и благодаря этому являлись главным средством религиозного воздействия на мобилизованных» [37]. В общинных изданиях часто печатались письма этих членов общин с фронта.

Приводим некоторые данные о евангелической печати в австро-венгерской армии (учтем, что солдаты евангелического вероисповедания составляли в этой армии небольшой процент, подавляющее же большинство было католиками). Издавался специальный журнал австрийским евангелическим союзом в Берлине—«Немецкий евангелический народный календарь для Австрии», журналы, еженедельные и ежемесячные, вроде «Вартбург», «Гемейндсботе», «Кирхенцейтунг». Кроме того почти все евангелические периодические издания выпускали специальные «военные номера» и «военные приложения» для солдат. В одном из таких изданий разъяснялась задача поповских журналов для солдат: «В эти серьезные минуты воин в траншеях должен услышать ясное, серьезное набожное слово. Как бальзам, утишающий боль раненого, так и строки «Гемейндеблатт» («Общинная газета») будут действовать облагораживающим образом на душу воина. К тому же наряду с божьим словом эти журналы приносят приветы от дорогого отечества и вселяют утешение, надежду и новую жизнь» [38].

Командование высоко расценивало пользу от этих изданий: этим и объясняется, что, несмотря на острый недостаток бумаги в Германии и Австрии, религиозная литература достигла там колоссального развития.

Такие же газеты религиозного характера издавались во всех армиях. Знаменитый «Дом Крю» (так назывался центральный военный агитпроп в Англии, руководимый газетным магнатом лордом Нортклифом) издавал их в большом

количестве и огромными тиражами. В этих газетах говорилось, что германские военные поражения являются справедливой карой за преступления германского правительства [39]. То-есть то же самое, в чем убеждали немецких и австрийских солдат немецкие и австрийские попы и поповские — да и всякие иные — журналы.

Наряду с поповскими изданиями для солдат выходили и специальные директивные органы печати для военных попов. Так, во Франции, журнал «Эвр де Кампань» («Сельское дело») издавал двухнедельный бюллетень под названием «Петр-Сольда» («Священник-солдат»). Католическое издательство «Бон Пресс» выпускало журнал «Священник в армии» и т. д. Все эти издания находились под шефством епископов, и их содержание согласовывалось с соответствующими инстанциями верховного командования [40].

Все фронты были наводнены религиозной литературой, особенно библиями. Число розданных солдатам библий учету не поддается, во всяком случае немецкий исследователь Радемахер говорит о «бесчисленном множестве экземпляров» [41]. Специальный католический ферейн по распространению религиозной литературы в армии имени «святого Карла Барромеуса» (Германия) разослал буквально миллионы книг и журналов религиозного содержания.

Русские солдаты также были осчастливлены этими «духовными дарами». Нетрудно судить о характере этого чтива хотя бы по следующим заголовкам поповских армейских брошюр:

«Священная война», «Иди на службу, как на зов божий», «Держи присягу до смерти», «Берегитесь смуты», «Под небесной защитой», «Войско — учреждение божественное», «Смерть — воину венец», «Где бог, там и победа», «За веру, царя и отечество», «Несомненность победы милостью божией и заступлением пресвятыя богородицы», «Претерпевший до конца, тот спасется», «Ко дню священного коронования», «Война за мир», «Великая брань», «Мужайтесь», «Вперед, на бой с врагом», «Крест воинский», «Война и библия», «Христианский взгляд на войну» и т. д. и т. п. — чуть не до бесконечности.

Поповская солдатская печать — только разновидность весьма обширной сети буржуазных газет, издававшихся командованием. Эти газеты в свою очередь уделяли весьма почетное место религиозной пропаганде, как одному из наиболее действенных средств насаждения и укрепления патриотического духа в армии. В качестве примера можно

сослаться на весьма распространенную солдатскую газету, выходившую в городе Лилле (на севере Франции) в то время, когда город был оккупирован германцами. «Лиллер Кригсцейтунг» [42] («Лилльская военная газета») печатала статьи, стихотворения наиболее вымуштрованных солдат и унтер-офицеров. Высшие чины редко печатались в «Лиллер Кригсцейтунг». Словом, то была газета «низовая», рассчитанная на окопную массу. Это сказывалось и на содержании и на стиле, нарочито упрощенном, слащавом и прежде всего патриотическом и неизменно проникнутом религиозным духом.

По случаю праздника богоявления «Лилльская военная газета» напечатала например статью некого Кэптеля, из которой солдат, сидевший в окопах, узнавал в тысячный раз о том, что «перед немецким народом стоит еще огромная историческая задача как в смысле религиозном, так и культурном», а именно «распространять и углублять религию и культуру». А это обстоятельство «укрепляет в нас нашу веру в бога, который раньше или позже благословит победой правое дело: наша победа обеспечена... Немецкий народ стал было забывать про бога, но в громе битв мы обрели нашего бога...» [43].

Другой автор, Георг Гюртлер, унтер-офицер, говорит снова о том же:

«Итак тот, кто потерял веру в бога, тот нашел ее вновь на поле сражения. Бородатые солдаты внимают слову божию на полевых богослужениях, а многие из тех, кто дома избегал ходить в церковь, здесь прислушиваются к словам священника», ибо «нужда учит молитве» [44].

В той же «Лилльской газете» печатали свои «сочинения» и полковые попы. Статья одного из них, Ауфгаузера, заслуживает упоминания. Статья напечатана в специальном номере, посвященном дню рождения кайзера Вильгельма, и озаглавлена так: «Наш кайзер как прообраз веры в бога».

«Кайзер,— заявляет поп,— всегда служил своему народу прообразом внутренней преданности богу».

И Ауфгаузер перечисляет различные заслуги кайзера перед религией, перед богом, перед папой, с которым он поддерживал всегда наилучшие отношения, рассказывает о внимании, которое кайзер уделяет церковному строительству, христианским миссиям и т. д. и т. п.

«Исполненный глубокой смиренной веры, его величество в первый же день войны назначил день общего покаяния и молитвы, дабы испросить милость божью на оружие наше».

Ауфгаузер не забывает упомянуть и о том, что все победы немецкого оружия кайзер приписывает «всевышнему руководителю боев», т. е. господу богу [45].

Таким образом кайзер служит образцом благочестия для всех немцев, и это благочестие обеспечит победу Германии.

«Лилльская военная газета», настойчивый проводник этой поповской пропаганды в армии,—одна из многих. Так в недрах окопов, в среде обреченных капиталом трудящихся, в очагах смерти и ужаса сеяли эти поповско-офицерские листки яд религии, боготворения царя, императора, короля, во имя которых призывали убивать и погибать.

В тылу

Задача религии в тылу, говоря коротко, заключалась в том, чтобы укреплять «единение всенародное», разжигать патриотические чувства и вообще по возможности дольше и основательнее обманывать массы насчет действительных причин империалистической войны, которую и мирские и поповские проповедники называли священной, великой, справедливой и т. д.

И следует сказать, что роль церкви облегчалась, особенно в начале войны, т. е. в самый ответственный момент, тем, что под ударами разразившейся катастрофы в широких народных массах, как в городе, так и деревне, резко поднялись религиозные настроения. Вот что писал Ленин в 1915 г., будучи в Женеве:

«Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики...

Какие главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. «Где страдания, там и религия», говорит архиреакционер Баррес. И он прав...» [46].

Буржуазия и поповство широчайшим образом использовали этот подъем религиозной волны, порожденный ужасом и отчаянием масс.

Немецкий евангелист Ферстер говорит, что в первые недели после объявления войны церкви оставались открытыми круглые сутки и не могли вместить всех желающих посетить мессы, так что пришлось даже устраивать молитвенные собрания под открытым небом, чего в Германии никогда еще не наблюдалось. Повсюду было слышно пение лютеровского гимна: «Могучая крепость — наш господь» [47].

О таких же явлениях сообщают и французские, и английские, и итальянские, и австрийские, и русские источники.

Но церковники отнюдь не взирали пассивно на эти неожиданно хлынувшие потоки людей. Церковь попыталась закрепить это движение и расширить его. Церковь использовала все каналы, через которые могла влиять на массы. Ведь надо помнить, что поп был вхож почти в любую семью, в том числе рабочую, где имел верных своих чад, если не в лице отца семейства, то его жены, матери, детей. К попу приходили причащаться. Поп — он же и законоучитель в школе, в гимназии. Поп произносил проповеди. У попа — если воспользоваться словами одного католического писателя — «ключи к человеческой душе».

Все эти и любые другие средства поп использовал, чтобы укреплять позиции отечественного империализма.

Уже с самых первых дней мобилизации и войны поповщина, достаточно к этому подготовленная, начинает разворачивать свою активность.

Покажем это на примере православной церкви.

Повсюду, чуть ли не во всех городах России, особенно вблизи границ, а также в столицах проводились невиданно грандиозные крестные ходы, «всенародные» молебствия. Эти торжественные процессии на улицах, на площадях, под несмолкаемый шум сотен и тысяч колоколов, должны были сразу дать массам патриотическую зарядку, возбуждать благоговейное воодушевление. Выступавшие на этих всенародных «массовках» попы (на это дело мобилизовывали наиболее способных из попов) разжигали фанатическую ярость, ненависть к врагу и слепую веру в царя-батюшку.

Уже вскоре после начала войны по распоряжению царского правительства и синода дни побед — сплошь и рядом мнимых — отмечались подобно церковным праздникам со всеми приличествующими по сему поводу церемониями. В подмогу этим молебнам синод издавал специальные плакаты, которые распространялись на этих поповских демонстрациях в сотнях тысяч экземпляров. Одно из этих посланий синода (отпечатанное, кстати сказать, в количестве не менее 300 тыс. экз.) гласило следующее:

«Будем готовы на всякую жертву... Наша первая обязанность заключается в том, чтобы своей твердостью, мужественным перенесением всех невзгод, приносимых войной, и неуклонным исполнением долга перед царем способствовать успеху военных действий. Направляйте свою жизнь

Кардинал Бурн на борту английского дредноута в августе 1916 г.

так, чтобы не только время труда, но и часы досуга шли на благо и пользу доблестной войны. Не дадим ни при каких обстоятельствах войны в душе нашей место унынию... Мы должны памятовать, что любвеобильное сердце государя нашего объемлет все заботы, сопряженные с войной».

В таком же примерно духе была выдержана огромная, почти необозримая поповская литература, периодическая и

непериодическая, затоплявшая в ту пору страну (как тыл, так и фронт). По распоряжению генерального штаба, с которым церковь поддерживала самый тесный контакт, некоторые издания выпускались тиражами в полтора и более миллиона экземпляров.

Мы находим церковников в числе наиболее активных агитаторов во всякого рода «массовых кампаниях» царского правительства, например в связи с выпуском военных займов. Агитация попов шла под лозунгами если и не очень божественными, то зато вполне конкретными: «Пусть ваши рубли пойдут на войну», «Ваши деньги превратятся в патроны и снаряды», «Лучший ответ русских на германские слова о мире — в усиленной подписке на военный заем». Попы в церквах прямо обязывали прихожан к этому богоугодному делу, «лучших» ставили в пример. Стоит отметить и организацию особых приходских сберегательных касс с целью, как гласит определение Синода, усилить «приток в государственное казначейство средств, столь необходимых для нашего отечества, особенно в настоящее тяжелое время» [48].

Церковь помогала также провести такие мероприятия, как сокращение числа праздничных дней и работа в праздники в целях усиления выпуска военной продукции.

Церковь организовывала добровольные денежные сборы среди населения на нужды армии и войны, причем суммы, собранные таким путем, исчисляются в десятки и сотни миллионов рублей. Более того, в ряде мест церкви и монастыри в порыве патриотических восторгов, а главное с целью вызвать подражание в народе, отдавали на нужды войны часть своих церковных ценностей. Так в № 38 «Церковного вестника» за 1915 г. было помещено следующее сообщение:

«Собрание городского духовенства постановило доложить митрополиту Флавиану о полной готовности киевского духовенства пожертвовать на нужды войны часть церковных ценностей, заключающих в себе золото и серебро... Первый почин сделала Киево-Печерская лавра, пожертвовавшая 12 фунтов золота и 45 фунтов серебра» [49].

То, что было объявлено кощунственным, когда речь шла о спасении голодающих в 1922 г., как видим, оказывалось верхом благочестия, коль скоро было направлено на усиление царизма, на империалистическую войну.

Чтобы покончить с этой стороной деятельности поповщины в тылу, отметим участие церквей в осуществлении кампании по обмену золотой монеты на кредитные билеты,

Монахи „Нового Афона“ (на Кавказе) разбивают старую монастырскую пушку, чтобы перелить ее в снаряды (журн. „Нива“ за 1915 г.)

а также передачу государству старой медной монеты. В частности в сентябре 1915 г. синод предложил епархиальным преосвященным сделать «надлежащее распоряжение о том, чтобы обители и церкви, у коих найдется старая медная монета, представили таковую в виде пожертвований на нужды войны»[50].

Церковь, всегда стремившаяся возможно более прочно утвердиться в среде рабочих масс, тем больше усилий прилагала к этому в годы войны. Правда, в среде старых кадровых рабочих крупной, цензовой промышленности церковь наталкивалась на самое решительное противодействие, но ей все же удавалось привлекать к себе наиболее отсталые слои пролетариата, теснее других связанные с деревней или недавно оттуда пришедшие и совершенно лишенные классовой закалки. На такие именно слои в среде рабочих делала церковь свою ставку в надежде через них проникнуть в более широкие пролетарские массы.

Одним из мероприятий, рассчитанных на завоевание отсталых рабочих, были организованные в самом начале войны в Москве так называемые «чтения фабрично-заводским рабочим». О характере этих чтений можно вполне судить

хотя бы по тому факту, что одним из их вдохновителей и организаторов был протоиерей Восторгов. Речь, произнесенная Восторговым на открытии этих чтений, очень характерна: она показывает, какие слова находили попы, когда обращались к рабочей аудитории. С рабочими Восторгов говорил не на том исступленно-кликушеском языке, которым он пользовался в церкви или на «всенародных» молебствиях. Он говорил почти нормальным языком и больше о будущем, чем о прошлом и настоящем: он предпочитал картинами будущих лазурных перспектив отвлечь внимание пролетариев от кровавой, страшной действительности. Он обещал рабочим — в результате победы и доброго поведения — целый ворох всяких благ и расписывал молочные реки и кисельные берега «новой» России, после победы над супостатом:

«Что-то ждет Россию? Что-то будет с нею? Несомненно, Россию ожидает новая жизнь. Чудесно возродившееся единение и природных русских людей, и населяющих Россию других народностей, единение всех политических и общественных групп.

...Не революцией, не насилием, а свободным волеизъявлением власти, не грубым по-немецки требованием снизу, а христианским порывом сверху, от власти, стоящей перед вечным законом божиим, даны будут необходимые и назревшие реформы жизни и в области церковной, и в области государственной и социальной, главным же образом в отношении к рабочему человеку, земледельцу и фабрично-заводскому труженику» [51].

Три года спустя трудящиеся массы царской России, истерзанные войной, костями своими усеявшие равнины, болота, горы от Карса до Риги, **большевистским** требованием снизу раз и навсегда опрокинули, раздавили царско-буржуазную гадину.

Мы упоминали о той волне религиозного подъема, который наблюдался в первые месяцы и годы мировой войны. Церковь стремилась подогревать это движение и максимально его использовать в интересах того дела, которому она служила. Но поскольку мы говорим о подъеме, необходимо проследить и его дальнейшее развитие.

Немецкий церковный исследователь Ферстер, которого мы уже цитировали, заявляет, что этот подъем оказался недолговечным. По его словам уже спустя несколько месяцев после начала войны религиозная волна стала заметно

Экзарх Грузии Питирим с крестом в руке на Кавказском фронте в обществе царских генералов.

спадать, и в 1915 г. религиозный подъем наблюдался только в совершенно исключительных случаях. А в 1916 г. уже все чаще стали поступать от провинциальных синодов жалобы на падение посещаемости церквей, причем почти повсеместно религиозное настроение в тылу откатилось на уровень ниже довоенного [52]. Некоторые объясняли это «прискорбное» явление тем, что церкви зимой не отапливались в видах экономии топлива, что нехватало пасторов, что все в тылу очень напряженно работали на оборону и в церковь ходить было некогда и т. д. Но сам Ферстер считает эти объяснения несерьезными. Одна из основных причин спада религиозной волны заключалась, говорит он, наряду «с общим одичанием нравов, особенно в среде допризывной молодежи, лишенной отцовского наблюдения и располагавшей деньгами, заработанными на военных предприятиях, **в общем отходе широких рабочих масс от религии».** Фэрстер пишет:

«Один из лучших знатоков рабочей души в Германии, Зигмунд Шультце, констатировал уже в 1915 г. не только возрождение старого равнодушия и враждебности в отношении религии, но даже еще большее, чем прежде, обострение критических нападок на церковь и христианство» [53].

Ферстер вынужден признать даже наличность «пропасти», все шире разверзающейся между церковными кругами

и некоторыми частями народа, особенно рабочей массой, он признает, что эти «не-церковные массы все более открыто и все более ожесточенно осуждали церковь». Гнев этот — замечает все тот же Фэрстер — направлен был как против церкви евангелической, так и, правда в меньшей мере, против католической, ибо последняя «своевременно учла нараставшее в массах стремление к миру» и в конце войны начала выступать в пользу заключения мира [54].

Протрезвление от патриотического угара с неизбежностью наступало в среде пролетариата, хотя германскому пролетарию пришлось пройти еще через горнило тягчайших страданий и испытаний, прежде чем он взялся за оружие, которое однако в результате предательства Носке, Шейдемана и К⁰ не дало ему победы.

Упадок «религиозной жизни» в 1915 и в следующие годы отражал этот еще глухой, заглушенный военной цензурой и военно-полевыми судами ропот, перераставший в протест.

О таком же упадке религиозной волны в тылу свидетельствуют авторы французские, английские, русские.

Но с тем большей энергией развертывали попы свою активную деятельность на фронтах.

Сектанты на „боевом посту“

Церковный фронт неоднороден так же, как неоднородна сама буржуазия. В этом церковном фронте мы находим наряду с церковью официальной, пользующейся всеми привилегиями, богатствами, властью, также и множество различных ответвлений, сект. Чаще всего — но не всегда — эти секты являются как бы выражением мелкобуржуазного протеста против засилия промышленного и финансового капитала и их прямого союзника — официальной государственной церкви.

Царское правительство преследовало сектантов, подрывавших мощь православия и тем самым объективно способствовавших ослаблению устоев царизма. Благодаря враждебности по отношению к официальной церкви и вследствие репрессий, которым сектанты подвергались, им удавалось привлекать к себе отсталые прослойки трудовой интеллигенции, трудящегося крестьянства, рабочего класса, принадлежностью к религиозной секте выражавших как бы свою враждебность царизму.

Но действительная природа сектанства особенно сказалась в час проверки — на войне. С первого же дня войны сектантство в лице его руководителей примкнуло к общему патриотическому фронту, заявило о своих верноподданнических чувствах и даже отправило немало своих «благовестников» для непосредственной патриотической работы среди солдат и раненых. Общее число приверженцев разных сект, не считая старообрядцев, измерялось в России примерно в миллион (старообрядцев же было — несколько миллионов), и уже хотя бы поэтому содействие сектантства царизму явилось существенным, тем более что сектанты орудовали среди элементов, настроенных враждебно по отношению к самодержавию.

Разные сектантские группы выражали свои монархические чувства по-разному, но дух был един. Баптисты например начали с усиленных забот о раненых, организовав особый «фонд милосердного самарянина», и под видом материальной и особенно «моральной» заботы о раненых вносили свою лепту в дело укрепления отечественного империализма. Недаром писал руководящий баптистский журнал «Гость» в статье, посвященной созданию «фонда милосердного самарянина» (в помощь раненым):

«...Весь верноподданный русский народ, несмотря на различие национальностей и исповеданий веры, понял, что от бога зависит охрана любимого государя и народа, и объединился, как один человек, вокруг престола божия с молитвой: «боже, царя храни». И мы веруем, что бог это сделает» [55].

Из специального «послания» руководителей секты баптистов «Ко всем общинам евангелических христиан-баптистов в России» мы узнаем о том, как встретили баптисты объявление войны:

«С высоты престола 20 июля государем императором были сказаны следующие слова высочайшего манифеста: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение царя с народом». И, казалось, со всех концов России поднимались миллионы людей всех слоев и всяких исповеданий веры, окружавших своими молитвами и своей преданностью государев престол и как бы единодушно отвечавших на царский призыв: «Слышим, царь-батюшка, слышим. Мы не отойдем от тебя. Боже, царя храни». Никогда не забудем день 20 июля в Петрограде, когда вместе с многочисленной толпой мы с

певчими Дома евангелия и с друзьями стояли у Зимнего дворца, ожидая выхода государя и государыни».

Узнаем мы дальше, что в баптистских общинах в течение всего этого времени возносились горячие молитвы «за государя и за всю родину» и что в этих общинах «явилась мысль сделать всем вместе нечто сообща, чем могли бы обрадовать сердце любимого государя». Мысль эта заключалась в следующем: «во всех общинах и в отделениях общин собрать членов и их детей и всех прихожан для искреннёй молитвы о государе императоре, государыне императрице, цесаревиче государе наследнике и о всем царствующем доме» [56].

Далее в послании приводится трафарет текста с «выражением верноподданнических чувств по случаю второй отечественной войны». Этот текст рекомендуется переписать, подписать и переслать на имя царя. Особо указывается, что писать следует от руки, подписи должны быть четкие, полные, за неграмотных пусть подпишут грамотные; рекомендуется также ставить подписи грамотных детей. И как бы в подкрепление словесных выражений верноподданнических чувств вожаки баптистов предлагают на собраниях общин производить сборы в «фонд самарянина» и т. д. Все эти листы с «выражением чувств» будут в центре, в Петрограде, «собраны вместе и вложены в особо изготовленную изящную папку с государственным гербом и следующей золотой надписью:

«Их императорским величествам государю императору Николаю Александровичу, государыне императрице Александре Федоровне и наследнику цесаревичу Алексею Николаевичу. Выражение верноподданнических чувств по поводу второй отечественной войны от членов всероссийских общин русских евангельских христиан-баптистов. 1914. Боже, царя храни».

Таков был ответ баптистов на объявление войны, шедшей как-будто решительно вразрез с учением — лицемернейшим учением — сектантов.

То же самое в основном наблюдается и в руководстве других сект. Так, старообрядцы, в лице своего «совета всероссийских съездов старообрядцев» в ответ на объявление войны не только выступили с изъявлением все тех же своих неукоснительных «верноподданнических чувств» по адресу режима, не раз обрекавшего приверженцев их вероучения на тяжелые лишения, но немедленно же позаботились о посылке старообрядческих попов в армию. Один из

них, поп Алексей Журавлев, вызванный для исповеди и причащения казаков, произнес перед ними такую речь:

«...Геройская заслуга отечеству будет занесена на страницы истории, которая обессмертит имена героев. Все павшие на поле сражения при защите родины и своих братьев-славян будут водворены в кровах небесного чертога, о чем говорит в евангелии господь наш Иисус Христос: «Нет больше той добродетели, как если кто положит живот свой за други своя». Также все послушные рабы господа будут в царствии небесном»... [57].

Стая телеграмм патриотического содержания полетела в адрес царя от старообрядческих общин, которые в свою очередь «удостоились» особой царской милости в виде нижеследующей телеграммы:

«Нижний Новгород, старообрядческому епископу Иннокентию.

Государь император повелел мне передать вам и старообрядческим общинам сердечную благодарность его императорского величества за выраженные ими верноподданнические чувства.

Министр императорского двора, генерал-адъютант граф Фредерикс» [58].

Секта молокан, приверженцы которой живут главным образом на Кавказе, не отставала по этой линии от прочих сект, а в особом обращении к царскому наместнику Кавказа графу Воронцову-Дашкову, выражала «мольбу свою, чтобы в нынешнюю тяжелую годину лучшим нашим образованным сынам по принятии присяги, по окончании установленных экзаменов, предоставлено было право служить в рядах армии в офицерских чинах».

«Мольба» эта была вызвана отказом произвести двух молокан в прапорщики.

Деятельность сектантов зарубежных, в частности в Англии и США, где их организации достигли особенно внушительных размеров, просто ничем не отличается от общей воинской деятельности поповщины в целом. В США, например, баптистская церковь охватывала накануне войны до 7—8 миллионов приверженцев; глава английского правительства во время войны (в конце ее) Ллойд-Джордж —

баптист. К разным сектам принадлежали и виднейшие вожди «рабочей партии», например Макдональд, Томас, Гендерсон. Сектантство — во всяком случае в лице наиболее крупных сект за рубежом — давно перестало быть выражением враждебности по отношению к официальным церквам — католицизму или протестантизму. На протяжении столетий эти секты отстоялись во вполне законченные централизованные церковные организмы, находящиеся в наилучших отношениях с властями предержащими. Надо ли в таком случае особо указывать, что сектантские церкви как в странах Антанты, так и в центральных державах целиком и без остатка служили отечественному империализму? Количество сектантских священников, в частности баптистских, методистских, пресвитерианских, в воюющих армиях было весьма значительным. Речи и дела этих попов не оставляли желать ничего лучшего с точки зрения их насыщенности воинственно-религиозным содержанием. Так, прославившийся своей неутомимой деятельностью баптистский проповедник Билли Сэндей (США) составил молитву, в которой имелась такая например фраза: «...Обнажи свою могучую десницу, о господи, и порази голодного, волкоподобного гунна (именем гуннов — дикого народа, опустошившего Европу в IV веке, — называли во время войны немцев), чьи зубы сочатся кровью, и мы будем вечно славить тебя». Кстати, тот же Билли Сэндей и другие вожди американского сектантства являлись крупнейшими организаторами штрейкбрехерства повсюду, где разгоралась классовая борьба [59].

Показателен и такой факт: уже в самом начале войны (30 сентября 1914 г.) президент британского континентального комитета баптистов обратился к русским баптистам с письмом, в котором сообщил, что «мы (т. е. английские баптисты) возносим наши искренние молитвы о даровании успеха и указаний свыше его императорскому величеству русскому царю, его правительству и советникам и его доблестному воинству».

Письмо это было продиктовано явным стремлением устранить какие бы то ни было сомнения среди русских баптистов насчет того, правильную ли они ведут политику, поддерживая русский царизм. Баптисты, как и другие сектанты, не очень нуждались в таких поощрениях: они и без того верно служили российскому империализму и делу борьбы с революцией.

Миссии на службе империализма

Мировая война 1914—18 гг. была войной за передел мира между крупнейшими империалистическими государствами.

Вопрос шел прежде всего о переделе колониального мира, о перераспределении тех огромных заморских земель, из которых европейская буржуазия извлекала колоссальные сверхприбыли. После того как все свободные земли были разобраны разными империалистическими государствами и весь «резервный фонд» земель таким образом исчерпан, всякие дальнейшие изменения и переделы могли произойти только путем войны, потому что добровольно никакое империалистическое государство от своих владений в пользу другого империалистического хищника не откажется (очень редкие случаи продажи колоний за золото — не в счет), и к войне готовились. Каждое из империалистических государств стремилось утвердиться на территории той колонии, которой оно хотело бы завладеть, особенно же в тех странах, которые носят название полуколоний, т. е. таких, которые формально как бы независимы и которые эксплоатирует всякий, кому не лень, которые делят на «сферы влияния» и т. д.

Церковь ближайшим образом помогает империалистам в их колониальной политике, в их колониальном разбое. Миссии — такова форма, в которую облеклось содействие церкви империализму в колониях.

Официальная задача миссионера, казалось бы, безобидна: распространять «свет христов» среди язычников. Но эта официальная задача служит завесой для подлинных задач миссий на службе империализма. Уже сотни лет назад миссионер играл роль авангардного разведчика капиталистов в малоисследованных заморских странах. Вслед за миссионером либо вместе с ним приходил купец, приходило военное судно. Миссионеры, сами нередко проявлявшие недюжинную способность в коммерческом обжуливании и ограблении трудящихся колоний, подробно информировали отечественных купцов о том, какие товары можно сбыть в этой стране с наибольшей пользой и что можно оттуда с выгодой вывезти. Военным судам и десантам миссионеры показывали, каким образом в кратчайший срок захватить земли вытесненных туземцев, а в случае их сопротивления, как их истребить. История сохранила нам многочисленные свидетельства о деятельности миссионеров на службе у господ-

ствующих, эксплоататорских классов. Патер Эрлеман, немецкий миссионер в Цин-дао (Китай), заявил без обиняков: «Величайшие успехи миссия одерживала только там, где мирская рука одалживала церкви свой меч» [60].

В дальнейшем, в эпоху империализма, когда мир был уже в основном поделен между главными империалистическими державами, и поделен, надо сказать, при ближайшем содействии миссий, роль миссионеров как империалистической агентуры в колониях сохраняла всю свою силу. Более того, в обстановке особенно обострившихся межимпериалистических противоречий, а также противоречий между метрополиями и колониями задачи миссионеров значительно усложнились. Как в полуколониальных, т. е. формально независимых, странах, как Китай, Персия, некоторые африканские страны, так и в колониальных владениях на миссионеров возлагалась задача помочь вытеснить конкурентов и противников отечественного империализма. Готовясь к войне, империалисты, владевшие колониями, возлагали особые расчеты на колониальные войска, на использование своих колоний как сырьевых баз для важнейших отраслей военной промышленности и нередко как стратегических плацдармов для наступления на колонии противников либо как военно-морских баз и т. д. Слово божие, проповедуемое миссиями среди туземцев, излагалось таким образом, чтобы с его помощью укреплять отечественный империализм. Но так как каждая из миссий служила форпостом своего империализма, то между ними обычно шла ожесточенная борьба конкурентов за преобладающие позиции в колониях. Так, депутат французского парламента от Алжира Лакьер говорил однажды:

«В Алжире еще до войны 1914 г. некоторые иностранные нации (имеется в виду Германия) учредили религиозные миссии, направленные против наших миссий, с целью проводить свое влияние на туземное население и ослабить наше. Некоторые из этих миссий, смею утверждать, вели дело к тому, чтобы восстановить во время войны против нас мусульманское население».

Армия христианских миссионеров представляла собой накануне войны весьма внушительную величину. Даже «атеистическая Франция», отделившая церковь от государства, очень щедро подкармливала своих заморских попов как за счет казны, так и всяких общественных фондов. Нашумевшая в 1915 г., изданная католическим французским комитетом пропаганды книга «Германская война и католицизм»

(о которой мы уже говорили) приводит длинный список сумм, собранных в 1913 г. на дело «распространения веры» (propagation de foi).

Хотя цифры, приведенные в книге в части, касающейся других стран, кроме Франции, определенно преуменьшены, все же таблица эта весьма выразительна. Воспроизводим ее по важнейшим странам.

Франция	2 950 959	франков
Эльзас-Лотарингия (принадлежала тогда Германии)	380 402	»
Германия	626 883	»
Бельгия	363 383	»
Италия	296 818	»
Англия (с Ирландией)	234 709	»
Австро-Венгрия (колоний не имела)	77 405	»
Соединенные штаты Америки	2 196 053	»

Цифры эти показывают только **часть** сумм, шедших на развитие «пропаганды веры» в колониях. Имелся еще так называемый фонд «святого детства», специальная задача которого — «вырывать детей из объятий язычества» (за 1913/14 гг. фонд израсходовал на это богоугодное дело 872 тыс. франков). Кроме того собирали средства на дело французской миссии «Французский альянс», «Общество борьбы с рабством», «Апостолическое действие святых жен евангелия» и т. д. и т. п. [61].

Что касается численности самих миссионеров, то можно руководствоваться следующими цифрами, приводимыми теми же источниками. К моменту Всемирной парижской выставки (1900 г.) числилось всего 18 500 французских миссионеров, в том числе: 4 500 священников, 3 300 монахов, 10 500 монахинь. В дальнейшем число быстро возрастает, достигнув по самым осторожным подсчетам 25 000 накануне войны (впрочем, по непроверенным данным, число их в действительности доходило до 65 000). Французских миссионеров мы встречаем на Ближнем Востоке — в Сирии, Месопотамии, Палестине, Армении (в турецкой ее части), в Персии (монахи ордена лазаристов), в Аравии (капуцины), в Индостане, в Бирме, в Сиаме, в Лаосе, на Малайских островах, в Камбодже, Кохинхине, Тонкине, в большинстве районов Китая, в Тибете, в Манчжурии, Корее, Японии, далее в Америке, на океанских островах, и, само собой разумеется, — в Африке, особенно Северной.

Интересные данные о положении миссий дает мировой атлас миссий за 1922 г. Правда, эти цифры относятся к периоду, непосредственно следовавшему за войной, так что

по линии евангелической миссии несомненно произошло сокращение по сравнению с довоенным уровнем. Оказывается: на 1 408 главных миссионерских станциях в Африке числилось 6 289 европейских протестантских работников миссии, при них помощников из числа туземцев 43 181 (мужчин и женщин); в 10 592 протестантских общинах числилось 2 629 437 христиан-туземцев.

Из католических миссионеров (цифры за 1916 г., данные Kirchliches Handbuch): 2 457 миссионеров-священников, 1 195 монахов и 3 908 монахинь, и 7 116 учителей-катехизаторов.

Миссионерские станции, о которых идет здесь речь, представляют собой обычно ряд миссионерских предприятий, собранных в одном месте. Сюда входит в первую очередь церковь, затем школа, иногда больница, нередко здесь же и фактория (торговая контора) и т. п. Миссионеры попредприимчивее совершают также объезды своих владений. Работа станций сводится к занятиям в школе, где туземные дети получают процеженные сквозь религиозный фильтр скудные «познания» правил грамматики и арифметики, зато огромную дозу патриотическо-религиозного духа. Организуются также хоры из новообращенных туземцев, распевающие литургические песнопения. Там, где есть больница, наиболее отличившиеся в послушании и вере туземцы, заболев, получают лечение.

Такова прямая деятельность миссионеров.

А попутная — это та, о которой мы уже говорили. Это прежде всего упрочение влияния отечественного империализма в колонии либо политика вытеснения конкурента и расчищения пути для продвижения своих отечественных империалистов.

В регламенте, определяющем взаимоотношения между французским военным командованием в колониях и миссионерами, имеется следующий пункт:

«Если миссионеры находятся в данной колонии продолжительное время, то с них следует конфиденциально (секретно) требовать необходимую информацию и даже испрашивать советов. Однако следует тщательно следить за тем, чтобы не компрометировать миссионеров в глазах туземцев-воспитанников, а также в глазах прочего колониального населения, ибо слишком близкая связь церкви с политикой может не только роковым образом отразиться на интересах церкви, но и расстроить планы командования».

Благочестивые литераторы, рассказывающие о миссионерской работе, не скупятся на всяческие мифические описания подвигов святых мужей, питающихся исключительно акридами, одетых чуть ли не в плащаницу и каждочасно рискующих головой своей. Этим вдохновенным лгунам-литераторам неплохо отвечает американский профессор Борнгаузен: «Миссия,— говорит он,— превратилась в буржуазную профессию, хорошо подкармливающую ее служащих. Что касается мученического венца, то надо сказать, что миссионеры не питают к нему решительно никакого влечения. Число тех миссионеров, которых столь часто окружают ореолом morituri (идущих на смерть), право, слишком, слишком преувеличено».

Зато, прибавим мы, вряд ли можно преувеличить число туземцев, погибших в результате «культуртрегерской» деятельности миссий,— погибших на плантациях, на прокладке железных дорог, наконец на фронтах, куда империалисты при помощи миссионеров направляют эшелоны «шоколадных солдат» (названных так по цвету кожи). Ведь это факт, что за 40 лет хозяйничания империалистов в Южной Африке число туземного населения там сократилось с 12 миллионов до 2 с половиной! Неслыханная эксплоатация привела к вымиранию целых племен.

Наряду с миссиями как агентурами империалистов в колониальных и зависимых странах действуют и другие организации религиозного и полурелигиозного характера, которые, не будучи подчинены церковным центрам, все же ведут по-своему религиозную пропаганду среди туземцев, укрепляя при этом позиции своего отечественного империализма в далекой зависимой стране. В ряду таких организаций первое место занимает несомненно так называемая «христианская ассоциация молодых людей», которую будем называть для краткости ХАМЛ (по-английски YMCA). ХАМЛ — организация интернациональная: ее отделения имеются во всем мире, как в метрополиях, так и в колониях. Но ее центр — исполком, пребывающий в Женеве,— имеет чисто формальное значение, а во время войны просто распался. Таким образом ХАМЛ каждого государства действует фактически самостоятельно, сообразовывая свою деятельность внутри и вне страны с интересами данного империалистического государства.

Наиболее характерна американская ХАМЛ; она достигла

колоссального финансового могущества (организация открыто пользуется субсидиями Рокфеллера, Форда, Розенвальда и других миллиардеров). Одно только недвижимое имущество ХАМЛ в Америке оценивается в 280 млн. долларов.

ХАМЛ окончательно оформилась в 1865 г. на первом парижском конгрессе, где была принята обширная программа, подтвержденная безоговорочно и всеми дальнейшими конгрессами. Эта программа в основной части гласит:

«Христианская ассоциация молодых людей имеет своей целью объединить юношей, признающих на основе священного писания Иисуса Христа своим богом и спасителем, являющихся по вере и поступкам его последователями и сообща стремящихся к утверждению его царствия среди молодежи».

ХАМЛ ведет свою работу главным образом среди мелких служащих, учащихся, а также и среди рабочих. Под видом занятий спортом и общеобразовательными предметами ХАМЛ проводит религиозное воспитание. Особенно интенсивную деятельность проявила ХАМЛ американская и английская в колониях и полуколониях, являясь в этом отношении как бы разновидностью миссий.

Само собой разумеется, весь огромный аппарат ассоциации был целиком мобилизован на службу империализма.

Во всех частях света, где существовали отделения ассоциации, они принимали активное участие в «духовном» обслуживании солдат.

Империалисты особенно часто и охотно использовали ХАМЛ в колониальных и полуколониальных странах. Так, весьма заметную роль играла ассоциация (английская) в Египте среди многочисленных расположенных там войск, прибывших главным образом из британских владений — Австралии, Новозеландии, Южной Африки и т. д. и предназначавшихся для операции на Галлиполийском полуострове (Дарданеллы) и на палестинском фронте. Один из активных работников ХАМЛ в Египте Джемс Баррет издал даже специальную книгу о «Военной работе ХАМЛ» в Египте [62]. Баррет рассказывает о ряде «театров», «клубов», «домов» для солдат в Египте. В этих клубах, шатрах и т. п. давались регулярно концерты, проводились спортивные игры, вроде бокса, футбола, бега. Баррет подчеркивает: «Заслуживает особого упоминания религиозный характер работы. В Гелиополисе (город в Египте, где было расположено большое число солдат новозеландских и австралийских войск. —

И. Э.) ежевечерно происходили молитвенные собрания под открытым небом, рядом с шатром ХАМЛ, в присутствии тысяч солдат. В течение этого периода (речь идет о 1915 г.) было роздано 2 500 карманных библий и 500 особых обетных карточек, причем каждый подписавшийся брал на себя обязательство вести христианский образ жизни. Вслед затем было распределено 3 500 библий в бараках и лагерях». Командование по заслугам оценило плодотворную деятельность ХАМЛ. Баррет цитирует ряд блистательных отзывов, данных офицерами, вроде например следующего:

«Прекрасная забота, проявленная вашим учреждением о наших войсках в лагерях Цейтуна и Гелиополиса, настолько высоко оценивается нашим командованием, что командующий был бы рад узнать, что деятельность вашей ассоциации будет продолжаться и впредь и что он найдет вас в среде войск, когда те выступят на фронт».

Между прочим, предприимчивая, проникнутая духом американского бизнеса (делячества) ассоциация в лице ее воротил занималась частенько усиленными спекуляциями при снабжении солда продуктами. Недаром в Канаде, где такая спекулятивная активность проявилась особенно заметно, само слово ХАМЛ стало, как говорит Ф. Грант, презрительной кличкой [63]...

Социал-шовинизм и церковь

Уже задолго до войны между социал-демократией и церковью установились добрососедские отношения. Вместо разоблачения религии оппортунистическая социал-демократия все больше становилась на путь сближения с церковью. В своей книге «Государство и революция», написанной накануне Октябрьской революции, Ленин говорил:

«...германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Именно: эта формула истолковывалась так, будто **и для партии** революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 г. наблюдал только самые **слабые зачатки** оппортунизма в своей партии...» [64].

Вполне «естественно», что вожди социал-демократии, превращаясь в социал-шовинистов, поддерживавших империалистов в преступнейшей войне, весьма дружески относились к церкви, разделявшей с ними труд по одурачиванию пушечного мяса. Какая бы то ни была критика церкви и ее вождей целиком исчезает со страниц социал-демократической прессы. Руководящие фигуры социал-демократии всячески демонстрировали свое сближение с сановными попами, тем самым как бы подчеркивая перед рабочими массами «бескорыстную», возвышенную деятельность церкви. Социал-демократы принимали участие в различных патриотическо-религиозных предприятиях. Так например, французские социалисты деятельно участвовали в «комитете национальной безопасности», созданном в самом начале войны по ближайшей инициативе французских католиков. В состав комитета входили наряду с известными католическими деятелями и писателями, как Денис Кошен, Морис Баррес, Шарль Моррас и др., также Дюбрейль, секретарь социалистической партии, и Леон Жуо, секретарь генеральной конференции труда (реформистские профсоюзы). И в этом было нечто большее, нежели случайное присутствие под одной кровлей. Католик Поль Делэй, автор книги «Католики на службе Франции», писал:

«Социалистам, членам комитета, весьма возможно, никогда до сих пор не приходилось находиться в присутствии члена священной коллегии. Один из социалистов, господин Блед, секретарь союза синдикатов (профсоюзов) департамента Сены нашел наилучший выход из положения, подойдя к кардиналу Аметту и свободно протянув ему руку» [65].

Символическое рукопожатие! Когда на одном из собраний комитета национальной безопасности (рассказывает другой католик-литератор Ланглуа) монсиньор Оделэн, делегат кардинала Аметта, в торжественной форме вручал чек на 2 200 франков, собранных среди детей, учеников католических школ, на нужды войны, то господин Науссон, редактор «Юманите» (в ту пору «Юманите» была газетой социалистической партии) и другие члены комитета выступили с изъявлением признательности по адресу монсиньора Оделэна, а «господин Бюиссон (весьма видный социалистический деятель) подошел, чтобы пожать руку представителю его преосвященства и поздравить его по поводу трогательного поступка маленьких французских школьников» [66].

Об этих штришках широко оповещала печать; это были демонстративные рукопожатия. Глядите, мол, массы, берите с нас пример: перед лицом опасности, нависшей над нашей доблестной и святой родиной, нет места каким бы то ни было распрям и ссорам. А потому да здравствует единение поповщины и социализма!

Католик-писатель Морис Баррес, этот по выражению Ленина архиреакционер, описывал в одной из своих статей торжественную мессу за упокой души другого воинствующего архиреакционера и мракобеса графа Альбера де-Мэн (умер в октябре 1914 г.).

И вот Морис Баррес, позавчера еще метавший громы и молнии в социалистов, эпически повествует:

«Торжественное богослужение в Париже объединило друзей графа де-Мэн. На протяжении всей возвышенной церемонии, в течение всей проповеди кардинала Аметта, исполненной подъема и справедливости, меня преследовала одна фраза, все время стучавшаяся в мое сознание, волнующая фраза, написанная господином Реноделем, социалистическим депутатом и главным редактором «Юманите»:

— Жорес был бы в числе тех, кто оплакивает графа де-Мэн» [67].

Эта фраза взволновала Барреса, потому что она «свидетельствует, что перед лицом врага мы сомкнулись в едином союзе и что мы понимаем друг друга и можем достигнуть наилучшего согласия между нами».

В самом деле:

«Альбер де-Мэн,— продолжает Баррес, — посвятил свою жизнь защите католицизма и армии. Жорес возглавлял тех, кто хотел разрушить католицизм и армию. Тот и другой открыто вели свою политику. И все же: «Жорес был бы в числе тех, кто оплакивает Альбера де-Мэн». Какая прекрасная победа сердец, которые узнают друг друга и братски сближаются в то время, как интеллекты еще борются друг с другом!» [68].

Как известно, Жорес, страстно громивший французский империализм с парламентской трибуны и со страниц печати, был убит наемным убийцей милитаристов в первый же день войны. Вряд ли Жорес оплакивал бы графа де-Мэн, но одно несомненно: Жорес конечно был бы в числе законченных оборонцев,—об этом с уверенностью можно судить как по его собственным выступлениям накануне трагической смерти, так и по выступлениям всех его ближайших политических соратников.

Германские социал-демократы шли теми же путями сотрудничества с церковью в обслуживании войны, как впрочем и русские и всякие иные оборонцы. Очень показательно, что русская поповская пресса усиленно цитировала некое письмо Плеханова к Чхеидзе, в котором Плеханов всячески приветствует Чхеидзе за его вступление в комитет содействия обороне. Не менее показательно и то, что та же поповская печать охотно цитировала манифест меньшевиков и эсеров за «национальную самооборону».

Не случайно также германская социал-демократия использовала свою печать для укрепления религиозного мировоззрения в массах. Любопытный пример приводится в книге В. Гросса «Война и искусство».

В журнале «Правдивый Яков» («Der wahre Jakob») в номере от 29 октября 1916 г. был напечатан рисунок следующего содержания: фигура главнокомандующего Гинденбурга венчает карусель, по кругу которой мчатся немецкие кавалеристы, поражающие врагов, окруживших карусель густыми толпами со всех сторон. А над каруселью в небе апостол Петр прижал телефонные трубки к ушам и с негодованием слушает вопли и жалобы поражаемых немцами «врагов». Стихотворение под этой картинкой поясняет: «Святой Петр со всех сторон слышит крики: «Помоги, мы совсем погибли». Но Петр им отвечает: «Я свалки не начинал. Выпутывайтесь сами, а я вам ничем помочь не могу» [69]. Святой Петр стал тоже аргументом в руках социал-шовинизма.

Рисунок в популярнейшем журнале германской социал-демократии — один из тех многочисленных штришков, из совокупности которых складывается картина прямого и косвенного сотрудничества этих двух агентур империализма — социал-шовинизма и церкви.

ВАТИКАН И ВОЙНА

Католическая церковь насчитывает до 300 миллионов сторонников во всех частях света. Она представляет собой огромную **централизованную** организацию с ответвлениями во всех государствах мира; руководит этой организацией центр, именуемый Ватиканом, во главе с папой римским, «наместником Христа на земле».

Католическая церковь владеет величайшими богатствами, накопленными в течение многих веков. Она располагает чрезвычайно многочисленной армией попов, монахов, монахинь во всем мире. Католическая церковь ведает многочисленными организациями самого различного типа — профессиональными, культурническими, спортивными, филантропическими; она издает тысячи газет, многие из которых пользуются значительным и даже решающим политическим влиянием в своих странах. Католическая церковь посылает своих миссионеров в колониальные и полуколониальные страны; выполняя задачи империалистов, миссионеры одновременно стремятся упрочить позиции католицизма в этих странах.

Католическая церковь являлась (и является по сей день) организацией международного характера. Когда грянула война, то оказалось, что в каждой из обеих воюющих коалиций числятся десятки миллионов католиков, т. е. сынов одной и той же церкви. Мы видели, что католические церкви каждой страны не замедлили «выполнить свой священный долг», освятили войну, благословили солдат на убийство и гибель, включились в религиозное обслуживание армии в целях укрепления ее боеспособности. Так поступили католические попы каждой стороны и страны, — равно как попы евангелической, православной и всякой иной религии. Однако возникает следующий вопрос: какую политику вел сам глава **международного** католицизма, папа римский, как в дни, предшествовавшие военному взрыву, так и на протя-

жении всей войны? Как сумел папа римский сочетать свое звание и положение верховного отца всех католиков мира с тем фактом, что эти самые добрые и верные чада с благословения самой же католической церкви убивали друг друга во имя одного и того же бога, чьим земным наместником считается «святейший отец», папа?

А ведь надо сказать, что папа обладал огромным авторитетом в среде сотен миллионов верующих католиков во всех странах мира и слово его звучало для этих верующих, как великая истина.

Итак, какой же тактики держался в тревожные месяцы и недели, предшествовавшие войне, Ватикан, этот оплот христианства и блюститель всяких «христианских доблестей», вроде «любви к ближнему», «милосердия», «не убий» и пр. и пр., как он использовал свою власть над сотнями миллионов верующих? Что было им сделано, чтобы рассеять грозовые тучи и помешать войне?

Ответ и прост и заранее ясен: ничего! Церковь перестала бы быть тем, что она есть, если бы вдруг изменила своей главной и по существу единственной функции: служить эксплоататорам орудием эксплоатации, угнетателям — орудием угнетения, империалистам — орудием истребления миллионов во имя барышей и захвата новых территорий.

И тогда, когда вспыхнувшая искра войны еще только разгоралась в пламя, и тогда, когда это пламя уже бушевало миллиардами снарядов, сеявших гибель, Ватикан был озабочен чем угодно, но только не тем, чтобы предотвратить или ликвидировать бойню народов. Другие мысли тревожили голову папы. Он был озабочен прежде всего тем, чтобы успокоить любое могущее возникнуть у верующих сомнение в том, согласуется ли война с евангелием и следует ли подчиниться приказам от бога данной власти. Ватикан был озабочен и тем, чтобы в огне войны не расплавился и не исчез, как дым, авторитет религии вообще, католической же в частности и в особенности. И этим двум задачам подчинены были в конечном счете все «труды» Ватикана на протяжении четырех лет войны.

Ватикан подвергался во время войны многочисленным нападкам с разных сторон. Его обвиняли в бездействии, ему ставили в вину то, что он не использовал своего авторитета для предотвращения великой бойни. Эти упреки исходили из некоторых кругов буржуазии или оппортунистической социал-демократии: классово-сознательные пролетарии уже тогда понимали, что Ватикан, как и всякая церковь, есть

орудие империалистической политики буржуазии. Но очень многие вожди церкви и самой буржуазии становились на защиту папы от таких нападок.

Епископ из Тарантэза (Франция) Лакруа, один из таких защитников, следующим образом излагает точку зрения тех, кто осуждал Ватикан за его бездействие:

«У нас, во Франции или Бельгии, многие полагают, что папа должен был действовать против зачинщиков войны предполагается—Германия и Австро-Венгрия.—**И. Э.**) с той же решительностью, с какой он действовал некогда против некоторых новаторов-еретиков в случаях, чреватых несомненно меньшей опасностью; они осуждают папу за то, что он не опубликовал одного из тех торжественных и трагических отлучений (предполагается — по адресу австрийского императора-католика Франца-Иосифа.—**И. Э.**), которые некогда бросали в трепет души совершивших вину монархов и объявляли недействительной присягу верности подданных таким монархам... И разве—говорят они—не мог папа всей силой и величием своего авторитета вмешаться, чтобы воспрепятствовать объявлению войны Австро-Венгрией Сербии»? [70].

Лакруа становится на защиту папы и объясняет, почему Ватикан не вмешивался в австро-сербский конфликт, чтобы предотвратить военный пожар. Оказывается, «святейший» Пий X ни на минуту не забывал, что он «является всемирным пастырем, общим отцом всех верующих, что перед ним стоят задачи интернационального порядка и что, вмешавшись таким образом в конфликт, продиктованный исключительно преходящими интересами, он рисковал потерять не только почтительное преклонение со стороны Франца-Иосифа и Вильгельма II, но и приверженность и послушание 50 или 60 миллионов католиков, живущих в обеих империях (т. е. Германии и Австро-Венгрии). И вот почему он, папа, предпочел мистическое оружие молитвы, это высшее убежище смиренных и слабых... и, отвергнутый императорами, обратился к богу» [71].

Слова Лакруа поистине достойны вечности: ну, можно ли допустить, чтобы вселенский пастырь, общий отец всех верующих, взял бы вдруг и всерьез стал препятствовать взаимному истреблению своих драгоценнейших чад во Христе? Или допустим другое невероятное предположение: пусть императоры отвергли вмешательство папы, а папа взял бы вдруг и обратился через головы императоров к подданным, к дорогим чадам? Ведь воевать и гибнуть призваны были

не императоры, а миллионы благочестивых подданных. Ведь вот обращались же папы непосредственно к пасомому стаду с множеством всевозможнейших своих энциклик по всяким церковным и «социальным» вопросам, не испрашивая на то санкции императоров! А что если бы папа, к голосу которого прислушивались десятки миллионов, издал буллу, приказывающую всем верным католикам сопротивляться войне и не поднимать оружия на «братьев» по ту сторону границ и т. д.? Нелепое предположение! Предположить нечто подобное значит думать, что Ватикан переродился, что католическая церковь из союзника империалистической буржуазии превратилась в друга трудящихся. Можно ли допустить что-нибудь нелепее этого предположения? И случилось так, как должно было случиться. Папа никаких страшных энциклик сочинять и издавать не стал, он предпочел уединиться в своем «высшем убежище—молитве» и предоставил своим верным католикам истреблять друг друга под благословением католических попов, коих достаточно по одну и другую сторону границ.

Но была еще одна причина, заставлявшая папу не только примириться с войной, но даже (конечно негласно) приветствовать ее. Дело в том, что папа давно—и по-своему—готовился к войне, ждал ее. Ватикан уже давно вел сложные международные политические интриги и твердо рассчитывал в результате войны добиться восстановления прав светского монарха, которых го лишила Италия еще в 1870 г., в период объединения. Ватикан делал ставку на войну еще задолго до 1914 г. Одно время папа, считая своим главным врагом протестантизм, возлагал надежды на победу франко-русского союза в будущей войне против протестантской Германии *. Позже однако в папской политике наблюдается поворот в сторону сближения с Германией, которую папа стал расценивать как сильнейшее государство Европы, а Ватикан всегда ориентировался на сильнейшего. В ватикан-

* «Во времена Извольского (представитель царя Александра III при папе. — *И. Э.*) ватиканская дипломатия считала европейскую войну неизбежной и стремилась принять в ее подготовке деятельное участие. Но и Чарыкову (преемнику Извольского при Ватикане) в июле 1898 г. кардинал статс-секретарь (Рамполла) говорил о том, что предвидит «страшную борьбу рас», «борьбу между славянской и германской расами». При этом он указывал на полное подчинение католической Австрии протестантской Германии, опасность, объединяющую «славянскую расу» с «латинской расой». Эту же мысль Рамполла излагал, естественно, французскому послу при Ватикане Монбелю, который сообщил об этом Чарыкову с пояснением, что св. престол готов примкнуть к

ской печати все чаще появляются хвалебные гимны в честь Вильгельма II и его благочестия. Иезуитская «Voce della verità» («Голос истины») называла например путешествие Вильгельма в Палестину (в 1898 г.) «триумфом христианства» и «великим благом для католиков» [72].

Заигрывая с Германией, Ватикан старался использовать в своих целях противоречия между империалистами, ориентируясь на самых сильных из них и надеясь в результате будущей войны добиться осуществления своих политических вожделений. Вот почему в месяцы, предшествовавшие войне, когда военная опасность надвинулась на мир вплотную, папа не предпринял никаких реальных шагов для ее предотвращения.

Когда же война разразилась, папа Пий X, умыв руки, объявил себя «абсолютно нейтральным» и устранился в свое «убежище» — молитву, спокойно кончив жизненный путь свой месяц и пять дней спустя после начала войны, в возрасте весьма почтенном — восьмидесятилетнем (это не мешает иным «историкам» называть эту смерть «первой жертвой войны среди благороднейших»).

Новый папа, Бенедикт XV, «отпрыск благородного Генуэзского дома делла Кьеза» [73], продолжал усвоенную Ватиканом линию «нейтральности», зато проявлял на протяжении 4 лет войны изрядную активность, пацифистскую и филантропическую, с очевидной целью усилить резко пошатнувшийся под ударами войны престиж «интернационального» католицизма.

Благотворительную деятельность свою Бенедикт XV проводил в контакте с Красным крестом. Она заключалась в некоторых мероприятиях, направленных на улучшение положения пленных, прежде всего пленных священников, причем папа добился приравнения их в смысле режима к офицерам. Благодаря содействию Бенедикта XV были сделаны некоторые шаги по обмену военнопленными, потерявшими боеспособность. Несколько раз папа ходатайствовал о помиловании присужденных военно-полевым судом к смертной казни шпионов. Раза два-три папа высказывал пожелание, чтобы при воздушных налетах на города щадились церкви и монастыри.

Франции, даже к Италии и без всяких колебаний к России, если эти державы вступят в борьбу с Германией, ибо главную опасность для себя римская курия видит, мол, в протестантизме, следовательно в Германии (Е. А д а м о в—Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма).

Но Бенедикт XV не отказался и от разных дипломатических выступлений. Дипломатическая деятельность Ватикана за годы войны выразилась в нескольких общих декларациях в пользу мира и в одном более или менее обстоятельном предложении воюющим странам заключить мир на базе предлагаемых им, папой, условий [74].

Первое послание папы, от 8 сентября 1914 г., выражает в общих словах скорбь по поводу того, что уже «слишком много пришло горя и печали, чтобы умножить его».

В послании от 1 ноября 1914 г. папа уже не ограничивается горестными всплесками рук: он обращает внимание управителей на опасности, с которыми сопряжено «для основ государственного порядка» дальнейшее продолжение войны, а именно опасность «неповиновения властям», угроза «борьбы классов» и пр.

В декабре того же года папа сделал очередной лицемернейший жест: он предложил воюющим государствам заключить на время рождественских праздников перемирие. Командования обеих сторон оказались более прямолинейными: они отклонили предложение папы, справедливо решив, в соответствии с проповедью самой же церкви, что такое богоугодное дело, как война, не может осквернить «светлого праздника христова рождества»...

22 января 1915 г., выступая в совете кардиналов, папа повторил, что церковь сохраняет «нейтралитет» и отказывается ради «высших интересов церкви от вмешательства в споры воюющих сторон», поскольку таковое неминуемо привело бы к «великим потрясениям внутреннего спокойствия и согласия церкви». Пусть дерутся: я тут, дескать, не при чем!

Из прочих выступлений папы остановимся еще на наиболее значительном и существенном из них. 1 августа 1917 г. папа обратился с особым посланием к главам всех воюющих держав с предложением прекратить войну. В послании своем папа, подчеркнув свое «беспристрастие» и обрисовав ужасы войны, делает несколько конкретных предложений «в качестве необходимых оснований для справедливого и длительного мира».

Разные страны ответили на приглашение Ватикана по-разному.

Центральные державы, особенно Австро-Венгрия, положение которой становилось совершенно трагическим, ответили в основном согласием. Что касается стран Антанты,

то они, только-что получившие нового мощного, решающего союзника—Соединенные штаты Америки (во главе которых стоял тогда президент Вильсон), под теми или другими предлогами уклонились от положительного ответа.

О деятельности Ватикана во время войны, об его отношении к войне имеется целая литература. Ряд книг, не считая множества статей, появился в странах обеих воюющих сторон в самом начале военных действий, и на их протяжении, и после заключения мира. Даже по сей день появляются изредка работы на эту тему. Любопытно, что в подавляющем большинстве своем эти работы, особенно опубликованные непосредственно в годы войны, остро полемичны. Очень часто немецкие, главным образом евангелические, авторы нападают на папу за его пристрастие к странам Антанты. Но немало и произведений, заступающихся за «честь» папы. При этом французские, английские или итальянские авторы восхваляют папу за его симпатии к странам Антанты, и немецко-австрийские авторы в свою очередь доказывают, что папа стоял на стороне центральных держав. Чем вызван такой полемический задор? Причина ясна: каждой из сторон хотелось именем «святейшего отца» освятить дело отечественного империализма — раз сам папа за нас, стало быть правда и бог на нашей стороне! Вместе с тем нападки на папу исходили очень часто из не-католических кругов и имели своей целью подорвать авторитет папы и укрепить позиции своей собственной (например евангелической) веры. Словом, на религиозно-политической бирже ажиотаж был очень велик. И надо отдать Бенедикту XV справедливость: он, как опытный кормчий, вел корабль ватиканской политики между Сциллой Антанты и Харибдой центральных держав с таким расчетом, чтобы не мешать католическому духовенству ни той ни другой стороны бесперебойно вести свою работу по поддержке своих империалистических правительств.

Это раз. Во-вторых, политика «строжайшей внепартийности» была продиктована тем самоочевидным соображением, что исход войны вплоть до 1918 г. был еще неясен, и папа отнюдь не собирался связывать своих судеб с судьбами одной из воюющих коалиций. Отсюда и ловкая, чисто иезуитская политика Ватикана, политика ставки на сильнейшую в данный момент группировку, но с перестраховкой на противную сторону.

Но в таком случае возникает вопрос: чем вызвано было внезапное предложение папы о мире от 1 августа 1917 г.? Три года подряд его святейшество, блюдя «строжайший нейтралитет», взирал с высоты своего «святейшего престола» на великое кровопролитие, на ужасы войны. А к 1 августа 1917 г., видите ли, на исходе третьего года войны, вдруг прозрел и объявился миротворцем! В чем тут дело?

За разгадкой ходить недалеко.

В России революция, армия ее разлагается, временное правительство бессильно приостановить нарастающую пролетарскую революцию; более того, **волны революции уже начинают перехлестывать через границы России, они подкатываются к армиям обеих воюющих сторон.** Братание принимает угрожающие размеры. А папа человек дальновидный, он пуще смерти боится дальнейшего углубления революции. И вот он бьет тревогу, он призывает империалистов одуматься, пока не поздно, и предлагает заключить **компромиссный мир за счет России,** явно выбывавшей из строя, и тем самым в корне раздавить, как думалось папе, очаг революции.

Вот почему Бенедикт XV, этот «верховный пастырь», три года ждал, прежде чем выступил с серьезным предложением о мире. В этом и только в этом смысл выступления папы от 1 августа 1917 г., на исходе трех лет страшной бойни, для предотвращения которой папа не ударил палец о палец.

Но, может быть, уже самые речи о «мире» могут подорвать рвение солдат, запутать головы правоверных католиков — попов и мирян?

О, отнюдь нет. Когда папа призывает к «миру», к «братству народов», то он знает, что в каждой из воюющих сторон имеется достаточное количество опытных кардиналов и епископов, которые так сумеют истолковать эти призывы к миру, чтобы не подрывать добрых патриотических чувств.

Папа выступил в пользу мира? Отлично. Архиепископ парижской, кардинал Аметт, тоже за мир. Как же иначе?

«Нет ничего естественнее слов папы о мире,—говорит Аметт.—И сейчас, как и всегда, вы можете выполнить ваш долг покорных и послушных сынов церкви и святого престола, в то же время оставаясь пламенными, преданными патриотами, и ни малейшего нет противоречия между этими двумя великими долгами. Действительно, поскольку мир обозначает спокойствие и порядок, поскольку порядок покоится на справедливости, поскольку справедливость предполагает полное восстановление поруганных прав, поскольку

это восстановление поруганных прав не может быть достигнуто иначе, как победой нашего оружия, поскольку все это так, а это именно так,—постольку мы, молясь за мир, молимся за победу» [75].

Эта иезуитская цепочка, сводящая молитву за мир к молитве за войну, не есть изобретение кардинала Аметта. Но у Аметта она действительно дана не без блеска: и папа, и французское командование могут быть довольны.

Архиепископ руанский выражается по этому поводу так:

«Единственный мир, который мы можем испросить у бога, это не мир, купленный ценой капитуляции, а мир, достигнутый победой нашего оружия, величием дела, за которое мы воюем, триумфом права над его осквернителями» [76].

А монсиньор Тиссье, архиепископ шалонский, в ответ на папский призыв о мире, снарядил всех детей своего округа на молитву, напутствовав их такими словами:

«Этот мир, дети мои, может заключаться только и исключительно в полной победе права и в полном реванше за совершенные несправедливости. В молитвах, которые вы будете возносить к небу, вы не будете требовать, чтобы все кончилось завтра же, но чтобы все закончилось полной и обеспеченной победой» [77].

И такие же, с соответствующими изменениями, комментарии были даны папскому посланию о мире и епископами противной стороны.

Двурушническая политика папы вызвала, как было уже указано, многочисленные нападки на него с обеих сторон— и германской и антантовской. Нападки эти были продиктованы прямым стремлением каждой стороны перетянуть папу и весь католицизм на свою сторону целиком. Папа же, как мы уже видели, предпочитал поддерживать одинаково хорошие отношения с «нашими» и с «вашими», ибо исхода войны долго нельзя было предвидеть. Для того чтобы показать механизм папской политики в годы войны, сведем на очную ставку двух анонимных авторов — француза и немца, осыпающих папу укорами, каждый со своей точки зрения.

Французский автор, правоверный католик, вменяет папе в вину, что тот окружил себя германскими или близкими к Германии советниками. «Нельзя больше допускать, чтобы святой престол находился под исключительным немецким

влиянием. Недавно опубликованное в «Либерте» интервью * папы бросает внушающий глубокую тревогу свет на состояние умов в Ватикане. Там сочувственно прислушиваются к германским жалобам. Там позволяют себя убеждать циническими опровержениями немцев» [78].

Но Ватикан, допустим, может сослаться на отсутствие официальной информации из Франции, поскольку последняя не поддерживает дипломатических отношений с Ватиканом. Однако, доказывает француз, отсутствие посла Франции при Ватикане, «о чем мы сожалеем больше кого бы то ни было», не может служить доводом: ведь католическая-то Бельгия имеет своего представителя при святом престоле, и не видать, чтобы это помогало делу. И вообще, если у правительства Франции не нашлось человека, который смог бы сказать правду папе, тем более обязаны епископы Франции говорить папе во весь голос правду от имени верующих» [79].

В следующем своем меморандуме (записке) французский аноним старается доказать, что выступления папы о мире продиктованы исключительно его желанием спасти центральные державы от разгрома. Папа ссылается на «великое утомление, охватившее воюющие стороны», но «именно эти слова,—говорит французский автор,—показывают, как односторонне информирован папа, ибо исчерпаны силы немцев, а не наши,—нас поддерживает чувство долга и нашего права. И потому выступать за мир сейчас значит сознательно или бессознательно становиться на сторону немцев, действовать в качестве их союзника» [80].

Французский автор хочет, чтобы папа без обиняков объявил дело германцев — нечестивым, а дело Антанты — правым. Все прочее, говорит он, слишком напоминает «недостойные комбинации дипломатии, которые не к лицу его святейшеству». Он хочет этого потому, что выступление папы в пользу союзников усилило бы боеспособность армий Антанты.

Недоволен французский безыменный автор и выступлением папы на кардинальской консистории 6 декабря 1915 г., когда Бенедикт XV между прочим жаловался на «все растущие затруднения в общении между нами (т. е. папой) и католическим миром» (т. е. католиками Германии и Австро-Венгрии). Аноним усматривает в этом незаслуженный упрек,

* В этом интервью папа выразил сожаление по поводу тактики блокады, применявшейся английским флотом и обрекавшей на голод и вымирание гражданское население Германии.

брошенный папой по адресу дружественного итальянского правительства. Между тем, утверждает аноним, это заявление неверно: доказательство — «присутствие на этой же консистории кардинала фон-Гартмана, прибывшего с берегов Рейна (Кельн) к берегам Тибра (Рим) без малейшей помехи со стороны итальянцев».

Словом, француз вконец недоволен позицией Ватикана, который слишком явно склоняется в пользу «германских язычников».

Заметим попутно, что такие же нападки, и порою очень резкие, раздавались со страниц английской, бельгийской и др. прессы Антанты. Так, автор статьи в известном консервативном ежемесячнике «Контемпорери Ревью» не побоялся даже бросить папе в лицо обвинение вроде следующего:

«Ватикан — это гнездо самых отвратительных заговоров; папский дворец использован точно в таких же целях, в каких граф Люнебург использовал дипломатические привилегии шведского посольства в Аргентинской республике» [81].

Такие же нотки звучат в бельгийской газете «Эндепанданс Бельж» [82] (выходившей в то время в Гавре, во Франции), где можно было вычитать например следующие слова:

«Бенедикт XV сделал все, что мог, для того, чтобы потерять доверие католиков стран Антанты... Мы хотим просто констатировать, что этого доверия больше не существует и что до сих пор все говорит за то, что его политика доброжелательна центральным державам».

Итак французский аноним высказался. Он резко, как видим, обвиняет папу в германофильских уклонах.

Теперь дадим слово немецкому анониму. Опять упреки, и даже в большем количестве и с большей силой: на этот раз упреки в любви к Антанте.

Немецкий аноним предъявляет папе длинный список упреков в симпатиях к странам Антанты.

Например, когда пришла пора избрать новых кардиналов, то папа отобрал их исключительно из числа иерархов стран Антанты и нейтральных, обойдя немцев и австрийцев, хотя имелись все формальные основания для избрания именно немцев и австрийцев. Это тем более удручает немца, что из 64 кардиналов, составляющих курию, 53 приходится на страны Антанты, 6 на нейтральные страны и только 5 на центральные державы.

Тот же аноним доказывает, что Ватикан помог Антанте привлечь Италию на ее сторону. Недаром почти накануне вступления Италии в войну Англия учредила при Ватикане

постоянное посольство, которое вместе с бельгийским посольством при Ватикане соответствующим образом «обрабатывало» папу. Когда же Италия, совершив «клятвопреступление», вступила в войну против своих бывших союзников, Ватикан сохранял абсолютное молчание. Автор делает интересное признание: «противодействие дипломатов центральных держав при Ватикане, к которым в последнюю минуту явился на помощь облеченный особой миссией депутат Эрцбергер, оказалось безрезультатным» [83].

Об этом Эрцбергере и этой «особой миссии» надо поговорить сейчас особо.

Германское правительство принимало всяческие меры, чтобы привлечь на свою сторону Ватикан, и вопреки заявлению анонима «надпартийный папа», в начале войны во всяком случае, проявлял благожелательное отношение к Германии и Австрии. К числу методов, посредством которых действовали центральные державы, относится и **подкуп** его святейшества. Депутат рейхстага, член католической партии центра Матиас Эрцбергер являлся неофициальным уполномоченным германского правительства по подкупу папы: «на политический нажим стран Антанты они (т. е. немецкие католики) решили ответить финансовым воздействием Германии на Ватикан» [84].

Вождям германского католицизма оно виднее — чем можно брать папу. И вот, 13 марта 1915 г. Матиас Эрцбергер обратился со следующим письмом к целому ряду «платежеспособных» и «влиятельных» (слова нашего весьма осведомленного анонима) католиков:

«Весьма уважаемый милостивый государь!

Нижеподписавшийся осмеливается адресоваться к вам с обращением, выражая при этом просьбу ознакомиться с этим обращением в совершенно доверительном порядке. Германские католики должны считать своим долгом чести как в качестве немцев, так и в качестве католиков. обязанность принять меры к обеспечению финансовой независимости апостолического престола (т. е. папы.—**И. Э.**). Я был бы поэтому весьма вам признателен, если бы вы сделали возможно более значительный взнос на текущий счет, указанный в нижеследующей декларации.

С совершенным почтением Матиас Эрцбергер, член рейхстага».

К письму был приложен самый текст «доверительной декларации». Он настолько красочен, этот текст, что мы решаемся процитировать его целиком:

«Нижеподписавшиеся осмеливаются обратить ваше внимание на финансовое положение апостолического престола. По причинам военных пертурбаций католики различных стран оказались не в состоянии собирать и посылать святому отцу пфеннига св. Петра в прежних размерах. Почти целиком выпадают два миллиона, которые ежегодно собирала католическая бельгийская пресса. Франция почти вовсе прекратила посылку отчислений святому престолу. Из Соединенных штатов и из Южной Америки поступают весьма скромные суммы. И перед немецкими католиками стоит религиозный и национальный долг чести поставить святого отца на протяжении всей войны в абсолютно независимое в финансовом отношении положение. Глава католической церкви не должен находиться ни под каким политическим давлением, с какой бы то ни было стороны. Как католики и как немцы, мы должны были бы глубоко скорбеть, если бы какая-нибудь держава вздумала в этом направлении сделать хотя бы малейшую попытку. Господин рейхсканцлер и министерство иностранных дел солидарны в этом отношении с нижеподписавшимися. Вот почему мы и ожидаем от вас не маленького подношения, а какой-нибудь внушительной суммы. Крупные единовременные денежные взносы столь же должны служить цели, как и меньшие суммы, которые были бы точно расписаны по месяцам на всем протяжении текущего года. Деньги следует вносить на текущий счет «Рим» в немецком банке, Берлин. Снятие со счета и перевод денег производится за подписями следующих лиц: его сиятельство князь Гацфельд, его превосходительство барон фон-Шорлемер-Лизер, депутат Эрцбергер».

Следуют подписи князей, герцогов, баронов, графов, тайных советников, коммерческих советников, обер-бургомистров, министров и пр. и пр.[85].

Призыв Эрцбергера не был гласом вопиющего в пустыне. Близко стоявшая к Эрцбергеру швейцарская газета «Нейе Цюрихер Нахрихтен» (в другом месте мы уже говорили о деятельности Эрцбергера в качестве руководителя католической пропаганды в Швейцарии в пользу Германии) сообщала в номере от 20 января 1916 г. любопытные вещи: незадолго до того папа принял в аудиенции кардинала — архиепископа парижского Аметта, который, по словам газеты, «пытался убедить его святейшество в неизбежности полного политического и хозяйственного краха Германии». Папа,—продолжает газета, ссылаясь на «очень авторитетные источники»,—трепетливо выслушал соображения кардина-

ла Аметта, но все же не признал себя убежденным его словами. Он заметил, что уже хотя бы потому не может согласиться с мнением кардинала о хозяйственной катастрофе Германии, что немецкие католики внесли в его кассу с начала войны 7 млн. марок в качестве пфеннигов св. Петра, каковая сумма значительно превышает суммы всех остальных стран, вместе взятых.

Таким образом папа очень хорошо уяснил себе назначение посланных ему денег. А суммы довольно быстро росли. Уже к концу 1918 г. общая сумма «пфеннигов» (мы видели, кто именно вносил эти пфенниги святого Петра) выросла до 12 млн. марок. В общей же сложности, по данным нашего анонима, за годы войны было переведено в кассу св. престола не менее 18 млн. золотых марок [86].

Добрый пастырь, будучи в восторге от деятельности неутомимого депутата партии центра, осчастливил его подарком и отличием, какового удостоиваются редчайшие смертные, да и то почти исключительно из числа «венценосцев». Бенедикт XV написал Эрцбергеру собственноручное письмо, в котором «в высоко похвальных выражениях признает рвение и труды Эрцбергера в интересах св. отца и св. престола». И еще несколько лет спустя, именно в мае 1918 г., газета «Кельнише Фольксцейтунг» отмечала, что «Эрцбергер был и остается поныне доверенным лицом римской курии и мюнхенского нунция».

Вся эта «эрцбергериада» настолько сама по себе красноречива и живописна, что вряд ли нуждается в дополнительных комментариях. Она выпукло отображает систему ватиканской и околоватиканской политики и дипломатии, методы воздействия на святого отца, возню вокруг святого престола и на самом святом престоле, именем которого ослепляли несчастное пушечное мясо, уничтожаемое снарядами, химическими газами и минами во вящшую славу империализма и бога.

Нам однако следует вернуться к списку упреков, посылаемых немецким анонимом папе римскому. Повидимому немецкие католики рассчитывали за свои миллионы все же получить от папы больше, нежели они получили. Но папа, прошедший высшую дипломатическую школу при Ватикане (так называемая Academia dei nobili ecclesiastici — Академия благородных священников), слишком хорошо ориенти-

ровался в политических взаимоотношениях, чтобы рисковать встать на путь откровенной связи с той или другой стороной. Папа предпочитал продолжать свою дипломатическую линию «и нашим и вашим» и между прочим деньги брать, откуда бы они ни шли.

Аноним обвиняет Ватикан и в том, что «Оссерваторе Романо» (газета папы) систематически печатает информацию, недоброжелательную центральным державам, и непочтительно отзывается о кайзере.

Поставлено папе на вид и то, что папа выразил телеграфно свое поздравление румынской королеве по поводу «чудесного» ее спасения во время налета германских бомбовозов на Бухарест, между тем как папа ни словом не обмолвился, когда французские самолеты бомбардировали немецкий город Карлсруэ, где в ту пору находилась шведская королева.

Раздражает анонима и то, что, едва только австро-венгерские войска переступили северные границы Италии, папа тут же вмешался и через своих мюнхенского и венского нунциев обратился к соответствующим правительствам с «настоятельной просьбой» предписать наступающим войскам щадить больницы, церкви и епископские резиденции.

Усматривает обиду для центральных держав аноним и в радости, выраженной Ватиканом по поводу взятия английскими войсками Иерусалима.

Даже в филантропической своей деятельности, говорит все тот же «прокурор», папа проявлял заботливость больше всего тогда, когда речь шла о пленных, взятых у англичан, а не наоборот. Папа просил у немцев и австрийцев о помиловании шпионов Антанты, а не наоборот, и т. д. и т. д.

Таким же образом расценивает аноним и все выступления папы в пользу мира.

Ватиканская печать и разные кардиналы возражали и опровергали категорическим образом подобные обвинения. Ватикан настаивал на своей «внепартийности». Вожди германского и австрийского католицизма не давали своего папу в обиду. Против каждого такого обвинения они выдвигали свои доказательства обратного порядка.

Но точно то же делали и папские защитники во Франции или Англии. Они тоже опровергали папских хулителей и приводили достаточное количество доводов в пользу своего тезиса, всячески доказывая, что папа за французов, что он славословит «Gesta Dei per francos» («Дела господни деются руками франков»), что он сказал про Францию пред-

ставителю журнала «Ревю Эбдомадэр» — «J'aime la France tout court» («люблю Францию») и так далее в этом же роде [87].

О чем же говорят в конце-концов эти довольно своеобразные иезуитские споры?

Они говорят о том, что Ватикан тонко сумел провести свою линию, что он дал каждой из сторон достаточно доводов, чтобы считать папу сторонником именно ее дела (а каждая из сторон заверяла массы, что только ее дело есть правое дело), что он ни на минуту не связал рук десятков тысяч католических священников, действовавших в тылу и на фронтах обеих воюющих коалиций.

Ватикан оказался «на высоте»: он не только не помешал развертыванию войны, он не только не ставил палок в колеса военных колесниц империализма, давивших миллионы, он не только не будоражил совесть католиков «ненужной болтовней» о несовместимости войны с учением христианства,—но, наоборот, сделал все возможное, чтобы дать обеим коалициям истреблять друг друга, и всю свою черную рать благословил на помощь и содействие отечественным империалистам.

И только недальновидные буржуазные политики могли ставить папе каждое лыко в строку, не понимая его «гениальной» дипломатии, дипломатии иезуитизма, состоящего на службе у империализма, а вместе с тем использующего обе стороны в своих целях.

ЦЕРКОВЬ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

11 ноября 1918 г. смолкли пушки на полях сражений. Немцы подписали перемирие, а спустя несколько месяцев подписали и кабальнейший Версальский договор. Вслед за Версальским договором был заключен ряд других договоров — Сен-Жерменский, Трианонский, Севрский и другие; вместе взятые, они коренным образом перекраивали карту Европы и колониального мира, разоружали Германию и ее бывших союзников, предусматривали миллиардные репарации и т. д. При помощи войны и заключения мирных договоров буржуазия намеревалась разрешить накопившиеся в империалистическом мире противоречия. Однако война не только не разрешила старые противоречия, но углубила их и создала новые.

Уже назавтра после подписания мирных договоров разгорелась жестокая борьба между победителями. Если до мировой империалистической войны главным соперником Англии являлась Германия, то после этой войны на арену мировой политики выступили во всеоружии своей необозримой экономической мощи, накопленной за время войны, Соединенные штаты Америки. Отсюда весьма обостренные противоречия между Англией и США. Вскоре после войны усилились также противоречия между США и Японией, между Францией и Италией, между Англией и Францией и т. д. Предмет этих противоречий — все те же вопросы владычества на морях, захвата рынков для сбыта товаров, новых рынков сырья, новых сфер приложения капиталов.

Кабальные мирные договоры породили противоречия между странами-победительницами и странами побежденными, прежде всего Германией. Первые доводили свой нажим до предела и требовали платы по навязанным Германии обязательствам. Германская буржуазия грабила, сколько могла, свой пролетариат и платила по счетам, торговалась, обес-

ценивала свою марку. Но, чем дальше, тем меньше была склонна германская буржуазия платить державам, предпочитая грабить трудящиеся массы в свою пользу. Ясно, что все это обостряло противоречия между победителями и побежденными.

После мировой войны все более жестоко обострялись также противоречия между империалистическими государствами и их колониями. В докладе на XVI съезде партии т. Сталин указал:

«Это факт, что европейская буржуазия находится теперь в состоянии войны со «своими» колониями в Индии, в Индо-Китае, в Индонезии, в Северной Африке. Это факт, что «независимый» Китай уже поделен фактически на сферы влияния, а генеральские клики контрреволюционных гоминдановцев, воюя между собою и разоряя китайский народ, выполняют волю своих хозяев из империалистического лагеря... Что касается Индии, Индо-Китая, Индонезии, Африки и т. д., то нарастание революционного движения в этих странах, принимающее порой формы национальной войны за освобождение, не подлежит никакому сомнению».

Война породила также величайшее из всех противоречий современности: противоречие между капиталистическим миром и СССР. «Правда,—говорит т. Сталин,—это противоречие не есть противоречие **внутрикапиталистического** порядка. Оно есть противоречие между капитализмом в целом и между страной строящегося социализма. Но это не мешает ему разлагать и расшатывать самые основы капитализма. Более того, оно вскрывает до корней все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков».

Не нужно также забывать, что война необычайно сильно ухудшила положение трудящихся во всех странах капитала, одновременно она пробудила к активной политической жизни даже самые отсталые слои рабочего класса и трудящегося крестьянства. Война не уменьшила, а наоборот, усилила вековое противоречие капиталистического строя — противоречие между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией.

Отягощенный всеми этими противоречиями, вышел империализм из мировой войны. Не ясно ли, что он вышел, таким образом, не окрепшим, а напротив того, сильно подорванным и ослабевшим?

Действительно, война привела к **всеобщему кризису ка-**

питализма, к ускорению всех процессов, ведущих к гниению капитализма, к его гибели. Вот почему, когда после нескольких лет «процветания», относительного благополучия, осенью 1929 г. разразился во всем капиталистическом мире экономический кризис, то он принял такой небывало жестокий и небывало затяжной характер, явившись самым серьезным из всех когда-либо происходивших кризисов. Нынешний «промышленный кризис,—говорит т. Сталин,—разыгрался в условиях **общего** кризиса капитализма, когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и Октябрьской революции»... (доклад на XVII партсъезде).

Мировой экономический кризис с огромной силой обострил и обнажил все противоречия капитализма. В первые годы после войны, в период относительной стабилизации капитализма, когда еще живы были в памяти у людей ужасы последней войны, буржуазные государства придерживались пацифистской «миролюбивой» политики. Война как бы подвергалась анафеме, все воспевали мир, был даже подписан особый договор между всеми странами мира, запрещающий прибегать к помощи оружия для разрешения споров (пакт Келлога—Бриана). Надо ли говорить, что буржуазные дипломаты, декламируя о мире и клянясь им, в действительности отнюдь не изменяли своей капиталистической природе? Они оставались, как и прежде, вполне законченными империалистическими хищниками. Но в ту пору именно тактика пацифизма была наиболее подходящей. Почему? На это отвечает т. Литвинов в своей речи на сессии Центрального исполнительного комитета в декабре 1933 г. Тов. Литвинов сказал:

«После мировой войны, в которой участвовало около 40 государств, в том числе все без исключения крупные державы, весь капиталистический мир стал на время пацифистским. Пацифизм побежденных стран, у которых отняли почти все средства для ведения войн, объяснять не приходится, но и страны-победительницы, удовлетворив в значительной степени свои империалистические вожделения, не были до поры до времени заинтересованы в дальнейших войнах... К тому же в капиталистических государствах стал приходить в себя от военного гашиша пролетариат и предъявлять к оплате векселя, выданные ему буржуазией во время войны. Война вызвала сильную реакцию и антивоенные настроения и среди мелкой буржуазии. Далее явилась необ-

ходимость привести в порядок расшатанные войною финансы и экономику.

Все это вместе взятое и создало эру буржуазного пацифизма и пацифистской дипломатии, длившуюся до самого последнего времени. Имело место бесчисленное количество международных встреч и конференций, была создана Лига наций, организовавшая встречи министров иностранных дел и премьер-министров по нескольку раз в году».

Мировой экономический кризис, с такой силой обнаживший и обострivший все противоречия империализма, положил конец эре пацифизма. Вместо разговоров о мире стали все громче раздаваться речи о войне. Само собой разумеется, что и раньше, в период пацифистских всяких выступлений и клятв, военные министры в порядке «разделения труда» не бездействовали, а энергично пополняли свои арсеналы, совершенствовали орудия смерти, ибо они-то во всяком случае знали, что раньше или позже новая война неминуема. Они, эти военные вожди буржуазии, предоставляли пацифистам разглагольствовать о вечном мире, они охотно поощряли социал-демократических вожаков, когда те убеждали рабочие массы, что войны не будет, что против войны существует такое замечательное орудие, как Лига наций. Сами же загружали военные заводы заказами, реорганизовали армию, проводили стратегические железные дороги, давали изобретателям и конструкторам все новые задания по части изобретений усовершенствованного оружия всяких родов и т. д. Словом за дымовой завесой пацифистской болтовни, дурачившей массы, буржуазия готовилась к войне, и прежде всего к войне против Страны советов.

Мировой экономический кризис привел к концу этот пацифизм.

«Результатом затяжного экономического кризиса явилось небывалое доселе обострение политического положения капиталистических стран, как внутри этих стран, так и между ними.

Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний **национализм** в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств.

Война Японии с Китаем, оккупация Манчжурии, выход Японии из Лиги наций и продвижение в Северный Китай — еще больше обострили положение. Усиление борьбы за Великий океан и рост военно-морских вооружений в Японии, САСШ, Англии, Франции представляют результат этого обострения.

Выход Германии из Лиги наций и призрак реванша дали новый толчок к обострению положения и росту вооружений в Европе.

Не удивительно, что буржуазный пацифизм влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении.

Опять, как и в 1914 г., на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне» (Сталин — доклад на XVII партсъезде).

Но нельзя воевать, не будучи уверенным в своем тыле. Буржуазия с тревогой наблюдает рост революционного движения. Она не настолько слепа, чтобы не понимать, как глубоко в массах пролетариата назревает решимость бороться против грабительской капиталистической системы. Поэтому те буржуазные государства, которые рвутся к войне, в целях обеспечения своего тыла становятся на путь жесточайшего открытого террора против рабочих масс, на путь запрещения всех классовых их организаций, на путь ликвидации последних остатков парламентаризма и буржуазной демократии, «которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей» (Сталин).

«Шовинизм и подготовка войны как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов — вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков» (Сталин).

Фашизм, его приход к власти в ряде буржуазных государств, прежде всего в Германии, с огромной силой увеличивает опасность новой войны.

Буржуазные исследователи все чаще делают многозначительное сравнение между сегодняшним днем и 1914 годом,

Стихия войны в любую минуту готова сорваться с привязи, на которой ее еще держит, выжидая момента, буржуазная дипломатия. А тем временем с большой стремительностью идет гонка в вооружениях, растоптаны различные ограничительные договоры, идет повсеместное укрепление военных баз, флоты — морские и воздушные — приводятся в боевую готовность. И таким же полным ходом идет мобилизация всего огромного аппарата буржуазной идеологической пропаганды на службе войны и интервенции, включая, конечно, и церковь.

В условиях мира, наступившего после войны, церковь продолжала выполнять свои функции в качестве агента империализма.

Церковь обладает замечательной способностью держать нос по политическому ветру. Она не станет проповедывать мира тогда, когда это может повредить империалистам, но она воздерживается от воинственных речей, если буржуазия делает временно ставку на пацифизм.

Когда после окончания войны пошла эра пацифизма, то вожди церкви, вчера еще освящавшие взаимное истребление, начали ворковать о мире и милосердии как высшем идеале христианства. Но это отнюдь не мешало французским, бельгийским, английским и американским кардиналам и епископам поддерживать все самые крайние требования держав Антанты к поставленным на колени побежденным странам и освящать версальские цепи. Церковный пацифизм не хуже социал-демократического или любого другого служил дымовой завесой для вооружений и подготовки будущих войн.

Внезапно обнаружилось, что «нельзя примирить Иисуса Христа с войной» (американский пастор Гарри Эмерсон Фосдик), что «война как таковая противоречит духу любви Иисуса и его последователи должны стремиться к установлению мира на земле» (немецкий поп Вейнель), что «война во всяком случае обозначает грубое нарушение евангельской морали» (проф. богословия Тиммэ, Германия) и т. д.

Совсем недавно те же самые и другие достаточно авторитетные попы доказывали как-раз обратное, что война — от бога и пр. Ибо того требовали тогда интересы империалистов. А теперь эти попы заговорили языком мира — опять-таки в интересах тех же империалистов. В этот период пацифистские вожди буржуазии приглашают церковь

содействовать делу мира. Английский лорд Пармур, вице-президент палаты лордов, «рассчитывает на сотрудничество христианского идеализма со стороны церквей». Шведский премьер, социал-демократ Брантинг, надеется, что «христианская этика укрепит мир и основы государств». Рамзай Макдональд, тогда еще вождь «рабочей» партии, называет христианский дух — водителем и «ожидает от церкви внутреннего света, который бог прольет на трудности практической жизни». Король Англии приветствовал конференцию церквей в Стокгольме (см. ниже) и «выразил надежду, что она послужит делу международного мира» и т. д. и т. п. [88].

В это именно время церковь проявляла большую активность по линии созыва всяких конференций, конгрессов, организации разных комиссий, устройства митингов по вопросам установления всеобщего мира и т. д. Всевозможные церкви, как основные, так и секты, особенно в Америке, стали обзывать войну всякими укоризненными наименованиями вроде «бича», «проклятия» и т. п. Издавались манифесты, в периодической литературе появлялись пацифистские статьи поповского толка, выходили книжки соответствующего содержания.

Военный парад в честь английского кардинала Бурна.

В ряду поповских мероприятий в эпоху пацифизма выделяется так называемая **всемирная конференция евангелических церквей в Стокгольме.** Она выделяется по двум признакам. Во - первых, своей внешней количественной внушительностью и пышностью. А во-вторых, тем, что она невольно разоблачила тесную связь пацифиствующей церкви с политикой империализма. Выступали на конференции попы разных стран. Выступали в том числе попы французские, английские, американские и германские. И вот, в то

время как представители церквей стран-победительниц распинались за мир, по той простой причине, что их хозяин, финансовый капитал этих стран, был тоже за мир, за Версальский конечно мир, с контрибуциями и аннексиями,—попы, прибывшие из Германии, не согласились с формулой «мир во что бы то ни стало». Немецкие представители — генерал-суперинтендент (церковный чин) Клингеман и поп Вольф — пустились доказывать, что «христианская церковь имеет перед собой только пророческие задания», а потому «было бы искушением для христианской церкви излагать божий закон на языке человеческих понятий о международных отношениях». Когда же на конференции дошло до голосования резолюции, осуждающей войну, как богопротивное дело, то из-за немецких пасторов пришлось отказаться от предложенной ими сией резолюции, которая «объявляла войну как средство разрешения международных споров посредством грубой физической силы и лжи, несовместимой с духом и делом христовой церкви».

Вместо этого осуждения войны стокгольмская конференция приняла пространную туманную резолюцию, за которую голосовали и немцы. В резолюции говорилось о «справедливости», о «верности», о «мудрости», о чем угодно, но избегалось решительное осуждение войны [89].

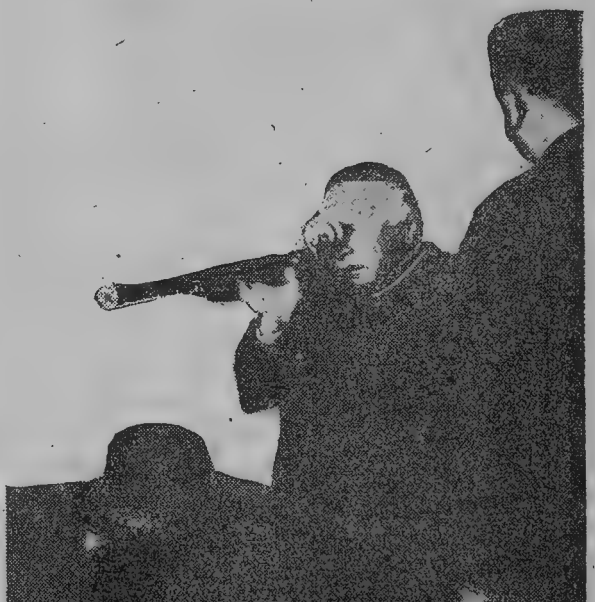
Примерно такая же картина наблюдалась и в вопросе об отношении к Лиге наций. Церковь тщательно справлялась у политиков. Церкви Англии, Франции безоговорочно встали на защиту Лиги наций с самого первого дня ее существования. Епископ винчестерский (Англия) заявил даже так: «Мы верим в то, что дух Лиги наций есть дух господний». Немцы выступали тогда против Лиги наций. Адольф Келлер, автор книги «Церковь и мир», так прямо и пишет: «Лига наций встретила в церковном мире Европы различное к себе отношение — **каждый раз соответственно политическому положению и отношению** (очевидно буржуазии данного государства. — **И. Э.**) к Лиге наций».

В Германии представители церкви отвергли Лигу наций по вполне понятным мотивам.

И лишь позже, после Локарно, после вступления Германии в Лигу наций, когда под маской пацифизма державы привлекли Германию в свой круг на предмет будущих антисоветских авантюр, другим языком заговорила и церковь. Весьма видный поп, генерал-суперинтендент Дибелиус, писал в официальном органе немецкого евангелического церковного союза (объединение евангелических церквей Гер-

мании): «Итак, Германия вступила в Лигу наций. Германия заявила перед лицом всего мира о своем решении работать с другими государствами на базе этой организации (т. е. Лиги наций) над переделкой мира. Тем самым создается совершенно новое положение для Германии. При этом Германия нуждается в тесном сотрудничестве с церковью. А для этого евангелические церкви Германии должны изъявить свое согласие с основными идеями Лиги наций».

И, как бы в подтверждение слов Дибелиуса, вскоре при германском обществе «За Лигу наций» была создана особая комиссия в составе ведущих евангелических богословов, представителей разных немецких церквей[90].



Австрийский епископ Ридер обучается стрельбе.

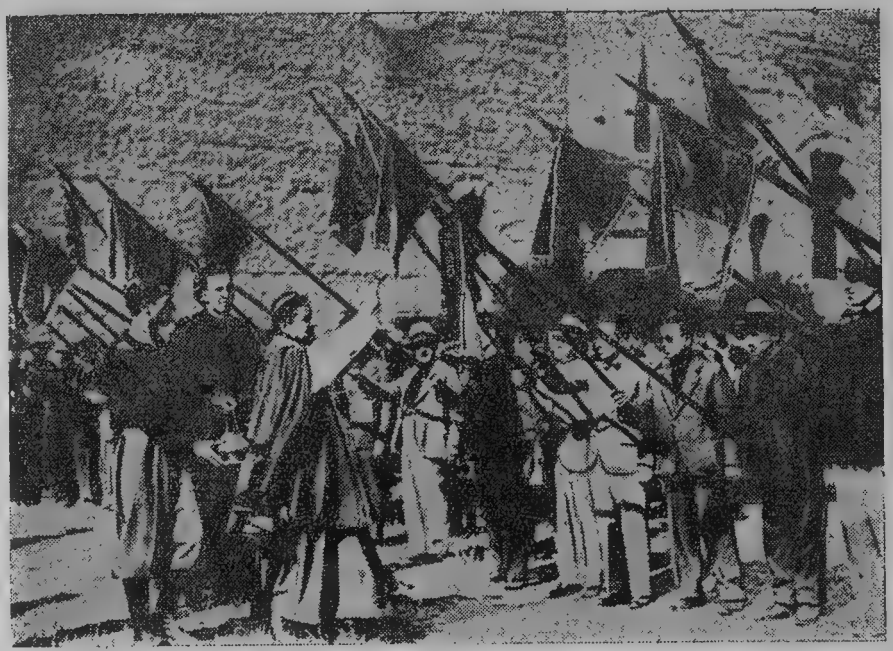
Таким образом, покуда империалистская буржуазия считала для себя целесообразным играть в пацифизм, церковь, забыв недавнюю свою воинственность, тоже благословляла мир. Но позже, когда буржуазия в ряде стран взяла курс на отказ от пацифизма, когда, вернее, она сбросила с себя маску мира и более или менее открыто стала готовиться к войне и интервенции, то и церковь не замедлила соответственно перестроить свои резервы и свою позицию.

Конечно и сейчас, когда эра пацифизма кончилась и капиталистический мир полным ходом двинулся навстречу новой мировой войне, буржуазные идеологи разных стран все еще продолжают сеять в массах иллюзии о том, что их правительства о войне не помышляют, что вооружаются они только в целях самозащиты. В такой обста-

новке роль церкви усложняется. Она уже не смеет пропагандировать голый пацифизм и огульно осуждать войну, как она это делала еще так недавно, в эру пацифизма. Осудить целиком войну, признать ее несовместимой с велениями Христа и т. д. значит подорвать боеспособность армии; нет, этого решительно не намерена делать церковь. Но она в то же время не может вернуться к фразеологии времен войны, когда какой-нибудь поп Шельтер не стеснялся именем Христа инструктировать, как именно всадить штык между ребер противника, чтобы причинить ему возможно бо́льшие физические муки. Свою помощь империализму церковь облекает теперь, во-первых, в форму **открытой или полуоткрытой поддержки фашизма,** а во-вторых — в форму **идеологической подготовки войны против Советского союза.** Конечно оба эти способа помощи империализму неотрывны друг от друга, дополняют один другой, точно так же как и в политике буржуазии фашизм и подготовка войны и антисоветской интервенции между собой теснейшим образом переплетены.

Тезисы XIII пленума ИККИ указывают, что «фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и в частности к деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс». Церковь, как известно, пользуется значительным влиянием именно среди этих слоев, в том числе и в среде значительных прослоек фабрично-заводского и сельскохозяйственного пролетариата. Этим и определяется та реальная помощь, которую церковь может оказать и оказывает фашизму как в качестве активного пропагандиста фашизма, так и путем срыва антифашистской борьбы масс. Но, поскольку главная задача фашизма есть «обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов» (Сталин), постольку **поддержка церковью фашизма есть прежде всего содействие империалистическим вожделениям монополистического капитала, становящегося на путь фашизма.**

В наиболее «чистом» виде это отстоялось в силу ряда причин в фашистской Италии (одна из этих причин — монопольное положение католической церкви в этой стране).



Католический священник окропляет знамена итальянских чернорубашечников.

Ликвидация старого, длившегося 60 лет, спора Ватикана с итальянским государством и заключение между ними союза (латеранский конкордат 1929 г.) произошли не случайно в самый канун мирового экономического кризиса, в тот период, когда эра пацифизма приближалась к концу. Задача латеранского конкордата заключалась в том, чтобы поставить католическую церковь на службу итальянскому фашизму и империализму. Когда год спустя возник серьезный конфликт между итальянским империализмом и империализмом английским по поводу острова Мальта (важный в стратегическом отношении островок, расположенный вблизи итальянского государства, но принадлежащий Англии), то католическая церковь мобилизовала все свои силы для поддержки итальянского империализма как на самом острове, так и вне его [91]. Итальянская церковь и Ватикан помогают Муссолини в его политических маневрах на Балканском полуострове. Весьма заметно сотрудничество Ватикана в австрийской политике Муссолини (о чем ниже). Католицизм оказывает прямое содействие колониальной

экспансии итальянского империализма. В то же время в области внутренней политики церковь поощряет и поддерживает все милитаристические мероприятия фашизма, выделяет специальных попов в юношеские военизированные организации и т. п.

С большой четкостью обнажился союз церкви и фашизма в фашистской Австрии, где так называемый корпоративный строй, списан с основных положений, фашистской конституция, составляющий «дух» новой, фашистской конституции, списан с основных положений папской энциклики «40 лет спустя» (от 1931 г.), которая в свою очередь построена в значительной мере на подражании итальянскому фашизму. Сработанность австро-фашизма и церкви идеальная [92]. Ватикан самым непосредственным образом поддерживает австро-фашизм во всех его внутри- и внешнеполитических комбинациях и т. д., в частности и в особенности в борьбе против аншлюса (присоединение Австрии к Германии). Ибо, во-первых, в лице католическо-фашистской Австрии Ватикан видит важнейший оплот для своего политического наступления в Европе и крупнейший козырь в игре, которую ведет с национал-социалистической Германией, а во-вторых, потому, что в данном случае он выступает также в качестве прямого агента итальянского фашизма, как известно, решительно отстаивающего «независимость» Австрии.

Особенно ярко сказался союз католической церкви с вождями австро-фашизма в дни баррикадных боев австрийского пролетариата (февраль 1934 г.). В эти дни церковь мобилизовала все свои силы, в их числе христианские профсоюзы, для того, чтобы подорвать в массах пролетариата доверие к шуцбунду (вооруженные рабочие отряды, дравшиеся в февральские дни на баррикадах), чтобы сорвать всеобщую забастовку, внести смятение и разложение в ряды колеблющихся, призывать к полной и безоговорочной капитуляции. Церковь освятила дикий террор австро-фашизма и не чинила никаких препятствий кровавой расправе с пленниками фашизма. И лишь тогда выступила с циничнейшими по лицемерию речами о «милосердии», когда наиболее активные руководители восстания уже были казнены по суду или растерзаны в застенках.

А десять дней спустя после кровавого подавления февральского восстания папа римский принял вешателя Дольфуса, обласкал его и осыпал всяческими знаками милости и признательности. После убийства Дольфуса австрийскими

национал-социалистами пап самолично отслужил панихиду по Дольфусу и послал специальное соболезнование австрийскому президенту.

Гармонически слажена «работа» церкви и фашизма и в Польше, и в Болгарии, и в Румынии, и в других странах, где господствуют разновидности фашизма.

Что касается Германии, то о ней необходимо сказать более подробно [93]. Существует как-будто противоречие между декларациями Гитлера о том, что «национальное правительство рассматривает обе христианские религии как факторы первостепенного значения для сохранения нашего величия как нации», и тем «конфликтом» между германским фашизмом и церковью, который длится уже в течение 7—8 месяцев и порой протекает в резкой форме.

Отряд германских штурмовиков-фашистов в церкви, где получает зарядку для своих кровавых подвигов.

В чем тут дело? Прежде всего нужно твердо установить следующий факт: **церкви обоих вероисповеданий, евангелическая и католическая, безусловно и безоговорочно приветствовали приход Гитлера к власти. На этот счет никаких сомнений быть не может.** Лучших свидетелей, чем кардиналы Фаульгабер, Бертрам (по линии католицизма) не сыскать. И вот мы видим:

14 мая 1933 г. кардинал Фаульгабер в речи, произнесенной в Рупертвинкеле, выразил восторг по поводу

«счастливой перемены, происшедшей в умах после того, как стало известно, что новое правительство (т. е. Гитлера) осуждает либерализм, марксизм, коммунизм».

20 мая кардинал Бертрам пригласил верующих «решительно и с полным доверием в сердце участвовать в национальном восстановлении под руководством нового режима».

31 мая католические епископы провозгласили по вопросу о воспитании молодежи:

«Епископат приветствует стремление внутренне объединить молодежь германской нации, воспитать ее в духе подлинной германской народности, сделать ее готовой на любую жертву во имя интересов государства. В осуществлении этой национальной задачи церковь готова в любое время и изо всех своих сил к сотрудничеству».

10 июня епископы заявили: «Мы, немецкие епископы, видим в нации и в отечестве великолепные природные богатства, а в упорядоченном патриотизме — творческую силу, данную господом богом».

В июле состоялось подписание ватикано-германского конкордата, о чем папа мечтал уже много лет. А в августе епископ фрейбургский сказал:

«Империя (Германия) заключила со святым престолом договор, который не останется клочком бумаги: он становится живым католическим и народно-немецким благом. Одно из первых торжественных заявлений вождя было проникнуто духом христианства. Он поднял руку свою против тех, кто вздумал посягнуть на святой крест».

Нет недостатка в столь же восторженных заявлениях со стороны представителей церкви евангелической. Таким образом перед нами тот совершенно неоспоримый факт, что церковь восторженно приветствовала Гитлера и национал-социализм. И именно этот факт имеет решающее значение.

Но в дальнейшем между фашистами и церковью (как евангелической, так и католической) назрел конфликт. Не будем вдаваться в тонкости спора, который порою принимал довольно бурные формы. Отметим только, что в силу особенностей построения евангелической церкви Германии конфликт явился отображением внутрикапиталистических противоречий, которых фашизм отнюдь не разрешил. «Стремление фашизма к политической монополии усиливает в рядах господствующих классов раздоры и конфликты, которые проистекают из внутренней противоречивости положения фашизирующейся буржуазии» (тезисы XIII пленума ИККИ).

„ALLES RECHT GEHT VON GOTT AUS"

Сцена расстрела 6 австрийских революционеров, участников февральских баррикадных боев в Австрии. Надпись сверху гласит: „Всякое право исходит от бога". Таковы начальные слова новой австрийской, фашистской, конституции

Если конфликт с евангелической церковью есть, так сказать, дело внутригерманское, то антагонизм с католицизмом перерастает границы германского государства, ибо сама католическая церковь имеет международный характер. А это обстоятельство вынуждает вождя католицизма, папу, помнить о своих международных связях, маневрировать и не связывать себя безоговорочно с национал-социализмом.

Церковно-фашистский конфликт отражает собой также величайшее противоречие капиталистического строя, а именно противоречие между буржуазией и пролетариатом. Церковь достаточно прозорлива, чтобы видеть отношение рабочих масс к фашистскому режиму. Церковь в основном поддерживает фашизм, но в то же время хочет перестраховать себя на случай крушения этого режима. И, очень-очень далекая от каких бы то ни было демократических целей, церковь объективно, под напором обстоятельств оказывается в двойственной роли по отношению к фашизму в Германии. Гитлер и К⁰ это видят, приходят в ярость и нередко обрушиваются репрессиями на отдельных «увлекшихся» представителей церкви, кое-кого сажая даже в тюрьму. Эти репрессии вызывают еще большее недовольство, и в результате конфликт обостряется. Но ни та, ни

другая сторона в этом обострении конфликта ни в какой мере не заинтересована. Они заинтересованы как-раз в обратном. Вот почему конфликт пошел на убыль, и несомненно, компромисс будет найден. И церковь и фашисты не хотят допустить, чтобы их спор был использован для борьбы против фашистского режима, против католицизма, который попам так дорог. Тем более, что правительство Гитлера придает огромное значение содействию церкви и всеми мерами поддерживает религию в быту, в школе, во всех отраслях фашистской системы. Маркой религии отмечена вся фашистская культура. Трения и конфликт между представителями церквей и фашизма—это не принципиальные разногласия между двумя силами черной реакции о том, грабить или не грабить трудящихся, истреблять или не истреблять революционных рабочих, воевать или не воевать, а лишь вопрос о **тактике,** вопрос о том, какими **методами** все это осуществлять.

Разгром революционного рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии является одним из важнейших с точки зрения империализма предварительных условий успешности войны и особенно антисоветской интервенции. Войну ведет не только фронт, но и тыл; в войну, когда она возникает, оказывается вовлеченной вся страна. Фашистская буржуазия боится не только вооруженных рабочих и крестьян, она боится и тыла, зараженного революционным движением. Фашизм и есть то средство, с помощью которого буржуазия намерена расчистить тыл от опасных элементов, предохранить себя от революционных бурь в тылу. Вместе с тем, обрушиваясь жесточайшими гонениями на сознательных рабочих и на коммунистические партии, **фашизм надеется предохранить тем самым и армию от красной опасности.**

И церковь, поддерживая фашизм всеми имеющимися в ее распоряжении силами, помогает этой открытой кровавой диктатуре империализма готовить новую грандиозную бойню народов, и прежде всего войну против Советского союза.

Уничтожение СССР всегда являлось важнейшим пунктом программы империализма и его церковной агентуры. Уже назавтра после окончания мировой войны, как известно, империалисты взялись за «ликвидацию» советской власти. Огромные средства были израсходованы империалистами на поддержку белых генералов на юге, севере, западе

Министры германского фашизма на поповской церемонии в Берлине.

и востоке Советской страны. Более того, империалисты сами снарядили войска против большевиков. Вдохновитель интервенции 1918—19 гг., знаменитый твердолобый Черчиль, организовал даже союз 14 держав, но это «нашествие 14 государств», как известно, потерпело крах, как и все прочие попытки раздавить советскую власть. Надо ли говорить, что в этом нашествии империализма на молодую социалистическую республику бок-о-бок с царским и западноевропейским офицерьем шло и поповство, зарубежное и отечественное?

Вожди православия лобзали сапог интервентов, моля о помощи, о спасении от большевиков; им было глубоко безразлично, кто будет владеть Россией — Англия или Япония, ньей колонией станет Россия, чьим рабом станет «православный» русский народ: только бы уничтожить большевиков.

Одесский митрополит Платон, достаточно известный черносотенец, в одном из своих многочисленных обращений к союзникам униженно молил о спасении (в 1919 г.):

«Вот я стал перед вами на колени и со слезами своей измученной души обращаюсь к вам: помогите русскому народу. Есть еще силы для борьбы с большевиками в России, и имеются в ее организме такие здоровые и крепкие ячейки, как например добровольческая армия. Возьмите эту армию как исходную опорную точку для своих операций, поддержите ее, дайте ей все, в чем она нуждается, она изнемогает — подкрепите ее...»[94].

Другой, не менее любопытный документ — обращение Забайкальской епархии во главе с епископом Мелетием к Японии:

«Протокол общего собрания приходских советов градочитинских церквей Забайкальской епархии.

Общее собрание приходских советов градочитинских церквей, состоящееся 30 апреля 1920 г. в г. Чите под председательством его высокопреосвященства преосвященнейшего Мелетия, епископа забайкальского и нерчинского, обсудив выступление Японии против большевистской тирании и анархии, верит, что это выступление дружественной нам великой державы имеет своей целью оказать искреннюю помощь в восстановлении и поддержании государственного единства нашей родины, установлении в ней государственного строя, отвечающего интересам подавляющего большинства русского народа, его национальным и бытовым особенностям, и восстановлении экономической и культурной жизни России. Служители православной церкви и ее верные сыны приветствуют этот шаг Японии, как направленный на защиту и охрану сущности жизни русского народа — веры отцов — против гонений и притеснений.

Настоящее постановление довести до сведения императорского японского правительства через местную японскую военную миссию.

Председатель собрания епископ Мелетий»[95].

Когда в ноябре 1918 г. в Новочеркасск, тогда находившийся в руках белых, прибыли несколько английских и французских офицеров с дредноутов «Ливерпуль» и «Эрнест Ренан» на предмет усиления белых армий, то местное духовенство организовало в их честь торжественную встречу с крестным ходом, с «малиновым перезвоном» всех колоколов города, с молебном в соборе и пр. и пр.

И надо сказать, что даже генералы интервентов, и те быстро усвоили поповский стиль речи и не раз подчеркивали, что явились в Россию не затем, чтобы, упаси боже,

поработить трудящиеся массы России, а с великой, возвышенной целью — спасать христианство от антихриста.

Английский военный представитель при штабе армии Деникина, генерал Хольман, так и заявил в своем обращении к казакам станицы Тихорецкой, тогдашнего оплота контрреволюции:

«Казаки! Меня послал сюда его величество король Англии для того, чтобы помочь вам в вашей борьбе против врагов Христа. Я доложу его величеству, что вы все решили во что бы то ни стало уничтожить этих людей... Казаки! В сердце вашем помоги вам бог. Вы беретесь за славное, святое дело. С вами генерал Деникин. Если бы таких людей, как он, было больше в России, вы бы давно победили. Верьте ему... Не допустите, казаки, чтобы вас проклияли потомки ваши. Лучше заслужить вечную славу в бою за родину. Помоги вам бог.

Генерал-майор Хольман.

Начальник его величества английской военной миссии, почетный казак станицы Незамаевской и Старочеркасской» [96].

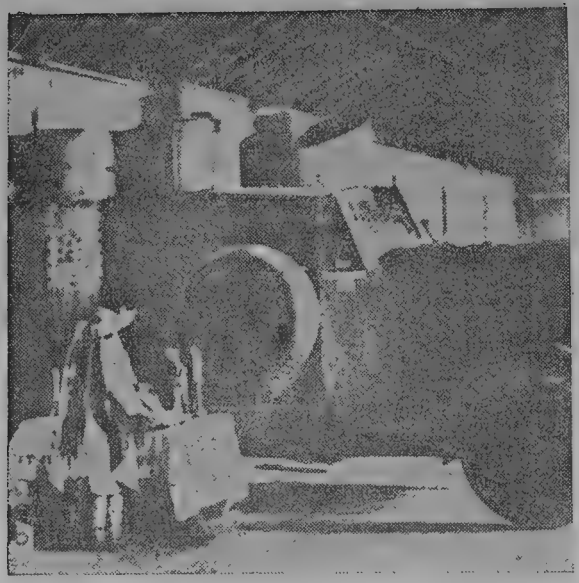
Попутно в этом же воззвании «почетный казак», английский генерал, наобещал казакам мануфактуры и всяких благ—только бы те не прекращали борьбы против большевиков.

Между прочим Хольманы и прочие опирались не только на британский милитаризм (в ту пору, впрочем, по словам того же Хольмана, «сильно потрепанный в результате пяти лет войны»), но и на благословляющую длань английской церкви, в частности ее главы—архиепископа кентерберийского. Ведь вот писал же этот кентерберийский поп в ответ колчаковским попам, молившим о помощи:

«Пастыри и паствы, от имени которых вы взываете ко мне, могут быть уверены, что мы не пощадим усилий к тому, чтобы внушить нашим соотечественникам ясное сознание о всех переживаемых вами ужасах, и усердно будем содействовать всем мерам помощи, которые будут союзными правительствами признаны осуществимыми» [97].

Эти «меры» нам знакомы: они носят звучное, поэтическое название «нашествие 14 государств», нашествие, которое сопровождалось, во славу капитала и бога, гибелью новых сотен тысяч трудящихся.

Если прибавим к этому и то, что в рядах белых армий поповство играло выдающуюся роль в качестве шпионов,



Освящение полицейско-фашистского бронепоезда.

диверсионистов, доносчиков, организаторов всяких «иисусовых полков», и если вспомним роль основной массы поповства в кулацких мятежах того времени, то перед нами в законченном виде предстанет роль церкви в первые годы существования советской власти.

И в дальнейшем в каждой попытке империалистов окружить Советский союз и в каждом их усилии блокировать его, взять измором, мы видим благословляющую руку церкви, мы слышим ее поощрительные слова. Одновременно церковь стремится чинить препятствия признанию СССР капиталистическими державами. Так, еще во время генуэзской конференции в 1922 г., когда впервые советские представители встретились с представителями буржуазии по приглашению последних, папа римский поторопился выступить с торжественным призывом не заключать никакого соглашения с безбожными большевиками. Не было недостатка в антисоветских выпадах в течение всех дальнейших лет «эры пацифизма». Но эти выпады все же делались, так сказать, под сурдинку. Вопрос о войне и об антисоветской интервенции еще не ставился открыто: за завесой всяческих мирных конференций и болтовни о разоружении шла покамест еще только тайная подготовка к будущей войне. Коренные изменения внесли, с одной стороны, мировой экономический кризис, разразившийся осенью 1929 г., а с другой — начало осуществления великого плана пятилетних работ и наше генеральное наступление на остатки капиталистических элементов в стране, ликвидация кулачества как класса. Разгром, уничтожение кулачества подрывали все надежды международного капитала на контрреволюци-

онное восстание внутри, а между тем империалисты возлагали большие надежды на такое контрреволюционное восстание и готовили его из-за границы (как показали процессы меньшевиков и инженеров-вредителей). Вместе с тем грандиозный план новой пятилетки, хотя и встреченный множеством всяких недоверчивых возгласов, все же не мог не убедить капиталистический мир, уже охваченный судорогами кризиса, что, чем дальше, тем труднее будет справиться с большевиками. Рушились последние лелеемые многими надежды на буржуазное перерождение советской власти.

В это именно время в ответ на наше великое наступление на остатки капиталистических классов, в ответ на гигантское развертывание социалистического строительства международная церковь решила провести поход против Советского союза и развязать интервенцию. Церковь не решилась бы на свой пресловутый «крестовый поход» без соответствующих указаний со стороны определенных империалистических групп. Она не решилась бы на него, не получив заверений, что такой поход своевременен. «Крестовый поход» 1930 г. был примечателен тем, что он начался сразу, как бы по щучьему велению, в разных странах и разными церквами.

Общепризнанным вождем его явился апостол мракобесия — папа Пий XI, опубликовавший тогда свое послание кардиналу Помпилию, до краев полное клеветнических измышлений и недвусмысленных призывов к международным действиям. Включились в поход и вожди евангелической церкви и всяких христианских сект. Не отставали и еврейские раввины и муллы. «Крестовый поход» выразился в форме небывало яростной антисоветской кампании во всей мировой печати. Широким потоком текла клевета о «рабстве» в Советской стране, о «голоде» и особенно о «преследовании религии», «убийствах тысяч и десятков тысяч священников» и т. д. и т. п. Повсюду созывались митинги, конференции, слеты. Устраивались молебны «за спасение России от большевиков». Гнуснейшая клеветническая кампания церковников велась однако не изолированно, не сама по себе. Она вливалась широкой мутной струей в общий грязный поток яростнейшей антисоветской кампании, которую вела вся мировая печать, выполняя директивы финансового капитала. А клевета переключалась в прямые призывы к интервенции. Дикие вопли попов, призывы к расправе с безбожным большевизмом, наглейшие

Парад штурмовиков под аркой с надписью: „С нами бог".

измышления и пр.— все это должно было служить прямым орудием идеологической подготовки антисоветской интервенции. Таков и только таков был смысл «крестового похода», как и других параллельных клеветнических походов. Ураганным огнем клеветы церковь расчищала дорогу военной интервенции. Церковь хотела уничтожить великую преданность масс мирового пролетариата Советскому союзу, она стремилась гнусной ложью своей опозорить Советскую страну в глазах миллионов. Верная приказам генеральных штабов, она захотела освятить военный поход, который империализм уже готовил. Называя свой поход «крестовым», церковь хотела скрыть от масс, что война против Советского союза есть война загнивающего, околевающего мира против нового мира социализма, несущего свободу и раскрепощение трудящемуся человечеству. Вот в чем был смысл «крестового похода», всей этой затеи международного империализма в блоке с поповщиной. И не «вина», а беда этого блока, если кроваво-черная клевета не достигла своей цели, если в ответ на ложь врага поднялась мощная волна пролетарской солидарности с Советским союзом, а вместе с тем и мощная волна революционного безбожия, обрушившаяся на поповство и его союзников.

«Крестовый поход» закончился, как известно, крахом;

его сокрушила и спокойная выдержка Советского союза, неуклонная и последовательная политика мира, и мощный отпор, данный мировым пролетариатом клеветникам в рясе.

Но церковь отнюдь не смотала удочек, она отнюдь не отказалась от важнейшей возложенной на нее империализмом задачи—помогать в подготовке новой войны, и в частности новой антисоветской интервенции. И в дальнейшем и по сей день мы находим церковь на передовых участках всех и всяческих мероприятий, направленных против Советского союза. Блок церкви с фашизмом главным своим острием направлен против международного большевизма и его великого оплота — Советского союза. Буржуазная французская газета «Тан» писала в 1933 г. по поводу заключения конкордата между фашистской Германией и Ватиканом, что сближение Ватикана с фашизмом вызвано тем, что **«папа видит в Гитлере единственную политическую силу, склонную по-настоящему и до конца бороться с большевизмом».** А вскоре после подписания этого конкордата представитель Германии, заместитель Гитлера католик фон-Папен заявил в одной речи, что «священная германская империя является защитницей христианской цивилизации, призванной повести религиозную борьбу против большевизма, идущего с востока».

И точно те же мотивы звучат в речах вождей католической церкви в любой другой стране, как фашистской, так и идущей к фашизму. Так, глава католической церкви в Австрии кардинал Инницер прямо призывал поддержать новое фашистское государство, ибо оно может помочь осуществить **«новый, подлинно священный союз государств»** для отражения **«опасности, идущей с востока».** Орган христианско-социальной партии и католической церкви Австрии «Рейхспост» писал тогда же:

«Важнейший и величайший вопрос, перед которым стоит христианская Европа, и, может быть, в первую очередь мы, немцы, — это вопрос о том, окажется ли у христианских народов достаточно силы и солидарности, чтобы устранить нависшую над ними страшную опасность безбожного большевизма, и осознает ли немецкий народ свою культурную миссию в Европе» [98].

Когда же летом 1934 г. в некоторых капиталистических государствах, ныне по определенным причинам заинтересованных в сохранении мира, в частности во Франции, стали

раздаваться голоса за приглашение СССР, этого могучего оплота мира, к сотрудничеству в рядах Лиги наций, то церковники, как и следовало ожидать, оказались в лагере самых крайних империалистических элементов, возражавших против этого акта. Так, Ватикан в лице своего официального органа «Оссерваторе Романо» завопил о том, что «допущение СССР в Лигу наций откроет советским делегатам возможность создать в Женеве новый международный центр коммунистической пропаганды, которая разрушит европейскую цивилизацию», и что вообще «Россия лишена необходимых моральных и юридических оснований для того, чтобы быть допущенной в среду цивилизованных народов». Ватикан был очень доволен позицией Швейцарии, «не признавшей» Советов и возражавшей против приглашения СССР.

Одновременно по этому же вопросу выступила самая авторитетная инстанция евангелических церквей, вселенский конгресс евангелических церквей, заседавший в Фано (Дания) в августе — сентябре 1934 г. Первая из принятых конгрессом резолюций выражает «протест против допущения России в Лигу наций». Резолюция эта была по постановлению того же конгресса разослана всем государствам, членам Лиги наций.

Как видим, в любой обстановке, всегда, везде и неизменно церковь оказывается в рядах самых неистовых и непримиримых вдохновителей и организаторов войны и похода против Страны советов.

И, как и следовало ожидать, Ватикан и все прочие церкви с огромным воодушевлением приветствовали японскую интервенцию в Китае, на юге и на севере, как пролог антисоветской войны. Поповщина как бы встрепенулась от гула войны, от близости осуществления старой мечты о походе против Советов. Еще в январе 1932 г. газета французских католиков «Ля Круа» писала:

«Япония бесспорно имеет специальные интересы в Манчжурии» (20 января), а несколько позже: «Япония представляет собой элемент порядка на Дальнем Востоке» (8 марта 1932 г.).

В подготовке войны против Советского союза деятельное участие принимает и буддийская церковь в Японии. Она действует и в тылу и на фронте. Японские фашистские, милитаристические круги широко используют религию, как официальную буддийскую церковь, так и многочисленные в Японии религиозные секты.

Это можно в частности показать на примере связи фа-

шистского общества «Красная свастика» с религиозной сектой «Омото Кио» («Дружба человечества»). Устав «Красной свастики» прямо говорит, что японское общество «Красная свастика» идет рука-об-руку с обществом «Дружба человечества». Правление «Свастики» помещается в главном храме секты «Дружба человечества» в г. Камиока (префектура Киото); председателем правления «Красной свастики» является не кто иной, как глава этой секты Дегуци Ванисабурго. Секта ведет, по словам побывавшего в г. Камиока в 1933 г. русского белогвардейца П. Сибирякова, свою работу не только в Японии, но и среди японцев за границей, в особенности в Китае, на Филиппинах, в Бразилии. Широкая религиозная пропаганда проникнута насквозь фашистско-воинским духом; так, секта организует военно-спортивные игры для молодежи, проводит сборы на нужды армии и вообще объявляет своей целью следующую задачу:

«Создать единый фронт против безбожников, уничтожить их и установить равное во всем мире право, закон и порядок».

Не приходится сомневаться, пишут по этому поводу авторы книги «Военно-фашистское движение в Японии» [99], что этот порядок принадлежит к тому разряду, который теперь устанавливается японцами в Манчжурии, хотя о нем и повествуется нам туманным языком японского сектанта, украшенным к тому же церковно-славянскими оборотами П. Сибирякова. В частности из этой же статьи мы узнаем, что руководители секты горячо интересуются «правами сибирского народа на самоуправление и возможностями создания самостоятельного сибирского государства».

Если прибавить к этому и тот факт, что другая крупнейшая военно-фашистская организация «Черный дракон», получающая субсидии от белогвардейской группы «сибиряков-автономистов» (группа белогвардейца Головачева), уже установила тесный контакт с сектой «Омото Кио», то прямой антисоветский характер ее деятельности станет до очевидности ясным.

Впрочем «Омото Кио» — далеко не исключение. Другая секта «Донин» свою деятельность ведет в том же направлении, что и родственная ей «Омото Кио». Секта «Донин» объявила себя призванной «объединить даосизм, буддизм, магометанство, христианство, конфуцианство и вообще учения всех героев, мудрецов и философов, известных в мировой истории и почитаемых в качестве богов» [100]. А под прикрытием этой широковещательной программы главари сек-

ты, близкие к одному из вождей японского фашизма, Уцида Рехей, ведут свою контрреволюционную, антисоветскую пропаганду как внутри, как и вне Японии.

Наряду с сектами ведут свою большую работу как основная японская церковь, буддийская, безоговорочно поддерживающая все начинания и авантюры японского империализма, так и христианские церкви в Японии, прежде всего православная. Недаром один из наиболее известных вождей японской военной партии, пресловутый генерал Араки, принявший православие, в одной из программных своих статей писал, что Япония «по указанию бога сделала первый шаг», забрав Манчжурию, и, очевидно по тому же указанию, собирается проделать и следующие шаги...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировая война кончилась под нараставший грозный гул революционного брожения и протеста, шедшего из глубины траншей обеих воюющих сторон и рабочих кварталов.

Крик «довольно!» все явственнее стал доноситься с фронтов, и командиры буржуазии с яростью и тревогой заносили в свои дневники признания, которые не предназначались для гласности. Огромная машина одурачивания пушечного мяса — поповская, социал-демократическая и всякая иная — при всех бесспорных ее достижениях была бессильна до конца заглушить классовое сознание в умах многих и многих пролетариев. Ленин, который задолго до войны и во время войны глубочайшим образом вскрыл ее империалистическую природу и призывал вооруженные массы к превращению войны империалистической в войну гражданскую, отразил эти чувства и мысли. Факты братания солдат на фронтах наблюдались уже в первые месяцы, но они все же оставались в ту пору еще явлением случайным. Железная дисциплина была еще значительно сильнее тех разрозненных проявлений революционного сознания, которые вспыхивали на том или ином участке фронтов. Но 1917 год внес серьезный перелом. Огромную роль сыграла русская революция, сперва февральская, а затем решающую— Октябрьская. Весть о победе рабочих и крестьян, сломав все кордоны цензуры и пропаганды лжи, проникла в окопы всех фронтов. Эта весть была воспринята с величайшим воодушевлением и привела к прямым революционным выступлениям солдат, измученных и истерзанных бойней, она открыла глаза трудящимся и показала путь к миру. А так как пламя революции стало разгораться по обе стороны фронта, то командования обеих воюющих сторон принимали меры

не только к безжалостному, согласно «законам военного времени», подавлению малейших проявлений недовольства, но и к форсированию окончания войны, к ее ликвидации. Тот факт, что при этом командование германскими вооруженными силами с особой настойчивостью стремилось к ликвидации войны и спасению того, что еще можно было спасти, в первую очередь монархии и власти буржуазии, объясняется тем, что революционное брожение в Германии, сильнее истощенной в войне, явно терявшей какие бы то ни было шансы на победу, приняло необычайно острые формы, особенно после Октябрьской революции в России. Угроза пролетарской революции в тылу — вот что осенью 1918 г. заставило германскую буржуазию безоговорочно принять условия перемирия, а союзников — отказаться от дальнейшего продвижения вглубь Германии: революционная, советская Германия была для Франции опаснее, нежели в какой-то мере, быть может, недобитая, но все же буржуазная Германия.

Еще на апрельской конференции большевиков (1917 г.) Ленин говорил: «Чего недостает в братании — это ясной политической мысли».

Но события нарастали в таком темпе, что уже в июне того же года на Всероссийском съезде советов Ленин мог подчеркнуть:

«Переход от братания на одном фронте к братанию на всех фронтах, от братания стихийного, когда люди обменивались коркой хлеба с голодным немецким пролетарием за перочинный ножичек, за что им грозят каторгой, к братанию сознательному — вот какой путь намечался».

В 1918 г., к периоду агонизирования войны, это сознательное братание — высший показатель степени революционизирования армии — становилось грозным и очень распространенным явлением. И империалисты явно спешили разделаться с войной, хотя бы для того, чтобы разоружить миллионы трудящихся: винтовка в рабочих руках становилась опасной для **всех** эксплоататоров. Все и всякие вспышки революционного гнева буржуазия топила в крови революционных солдат. А так как военный аппарат принуждения и аппарат социал-шовинистской пропаганды из повиновения не выходили, то буржуазии удалось добиться своих целей и раздавить нараставшую в странах Западной Европы революцию. И было это возможно потому только, что во главе революционных масс не стояли еще коммунистические партии, которых еще эти страны не имели.

Уже весной 1917 г. на западном фронте вспыхивали зарницы революционных гроз. Вот о чем рапортовал генерал (ныне маршал) Петэн генеральному штабу в мае 1917 г.:

«Акты коллективного нарушения дисциплины учащаются в последние дни, вызывая сильнейшее беспокойство. Рота, которая должна была принять участие в новых атаках на Мулен-де-Лафо, отказалась выступить на фронт. В частях можно везде найти листовки следующего содержания: «Долой войну! Смерть виновникам!» Солдаты громко заявляют, что они не желают драться в то время, как их товарищи зарабатывают 15—20 франков в день.

19 мая. Батальон, который должен быть пойти в бой, разбежался по лесу.

20 мая. Часть, высланная на пополнение полка, прошла по улицам с пением «Интернационала», проникла в дом командира части и послала трех делегатов со своими требованиями.

26 мая. Солдаты 4 батальонов, которые должны были занять участок фронта, устроили собрание в помещении штаба дивизии. Все усилия майора и офицера добиться роспуска собрания остались безрезультатными».

Замечательные факты приводит в девятом томе своих мемуаров, названном «Смутный год», Пуанкаре:

«...Стэг (тогда министр просвещения) очень озабочен настроениями в Париже, стачками, народными скоплениями, шествиями последних дней. Полковник Эрбийон сообщил мне о симптомах неповиновения в армии. Моральное состояние армии портится. 1917 год омрачается... В Дормансе солдаты на-днях кричали: «Да здравствует революция!», «Долой войну!». Рота отказалась выйти из окопов.

1 июня: «Стачки в Париже...»

2 июня: «Я узнал, что «Сюртэ Женераль» (охранка) вчера готова была заставить меня изменить маршрут, так как шествие из 2—3 тысяч женщин-стачечниц направлялось в Елисейский дворец. Я услыхал со стороны Гранд-Пале крики, продолжавшиеся около двух часов. Около 2—3 тысяч стачечниц вчера прошли по авеню Александра III, по Елисейским полям и направились к военному министерству, куда они послали делегацию. Они несли знамена и шумно кричали. Полковник Эрбийон сообщил мне о новых бунтах, на этот раз в 21-м армейском корпусе. Люди отказались итти в окопы. Порядок всюду находится под угрозой. Лихорадка распространяется...»

4 июня. «Пенлеве (военный министр) мне сообщил ночью

по телефону по поводу двух солдат, принявших активное участие в недавних бунтах. Один из них — бывший учитель, а затем разжалованный сержант. Повидимому стоял вопрос о помиловании этих солдат. Я указал Пенлеве, что сейчас не время для послаблений. Армия портится. Эти великолепные солдаты, полные горячности, доверия, героизма, испорчены постепенно тылом...»

19 июня. «Пенлеве сообщил совету министров, что кроме 11 осужденных, которые уже казнены ввиду отклонения их просьб о помиловании, главнокомандующий приказал расстрелять семерых, ходатайство о помиловании которых он задержал. Таким образом казнено 18, и остается еще предать суду солдат из наиболее замешанных в деле полков».

26 июня. «По слова Фурнье, еще один полк прошел Шален с революционными возгласами и криками: «Да здравствует мир». Болезнь таким образом еще не излечена. 5 новых казней последуют в результате отклонения просьб о помиловании».

Итак, почва, на которой стоял Пуанкаре, жгла пятки: армия бунтовала. А ведь Пуанкаре утаивает очень много весьма существенных подробностей.

Что эти факты не являются случайностью, что они имели место и в английской армии, тому свидетель не кто иной как Черчиль, вождь и вдохновитель пресловутого союза 14 государств против Советской страны. В своей книге «Мировой кризис» Черчиль рассказывает о солдатских волнениях в 1918 г., которые называет самым тяжелым испытанием, выпавшим на долю английского командования.

«За одну неделю из различных пунктов поступили сведения о более чем тридцати случаях неповиновения среди войск. Почти всюду беспорядки были прекращены репрессивными мерами или увещаниями офицеров. Но в нескольких случаях значительные отряды солдат в течение нескольких дней не признавали над собой никакой власти. Наиболее тяжкие нарушения дисциплины произошли в подсобном армейском корпусе в Гров-парке и в депо механического транспорта, находившемся в Темптонском парке. Несколько рот объявили своим офицерам, что они организовали совет солдатских депутатов и намереваются итти в ближайший город брататься с рабочими...

Настоящий мятеж разразился в Кале. Между 27 и 31 января отказались повиноваться приказаниям отряды службы связи и отряды механического транспорта. В течение двад-

цати четырех часов вожаки имели в своем распоряжении от трех до четырех тысяч вооруженных людей и держали в руках весь город.

...Одновременно с этим пришло известие о серьезных беспорядках в Глазго и Бельфасте. В обоих случаях подстрекателями были коммунисты. Гражданские власти потребовали у армии помощи, и в Глазго были двинуты две бригады. Это были войска второй линии, состоявшие по большей части из наименее пригодных солдат и молодых рекрутов. Они не были закалены в боях, подобно фронтовым войскам, и не испробовали, что значит победа. Тем не менее и офицеры, и солдаты безукоризненно выполнили свой долг. Порядок был восстановлен. Лишь очень немногие поплатились жизнью».

Если Антанте удалось путем кровавых репрессий и увещаний — не без активного участия конечно социал-демократии и поповщины — локализовать конфликт и громом конечной «победы» заглушить революционный протест, то по ту сторону фронта, в лагерях центральных держав, на фронте и в тылу в 1917 и 1918 годах революционное движение нарастало последовательно и настойчиво, завершившись Ноябрьской революцией 1918 г. Революционный дух заразил в первую очередь флот. Ранней осенью 1917 г. в крепости Ванн близ Кельна по приговору военно-полевого суда были расстреляны молодые матросы Рейхпич и Кебес, руководители революционной организации в германском флоте. Расстрел двух героев не поколебал духа матросов. И именно матросы и кочегары военных судов начали своим выступлением Ноябрьскую революцию в Германии. (Буржуазия боится революционеров не только живых, но и мертвых, ею же убитых: правительство Гитлера распорядилось уничтожить надгробные памятники на могилах Рейхпича и Кебеса и сравнять их могилы с землей).

Рейхпич и Кебес — это только две фигуры, ставшие широко известными. Но они воплотили в себе волю и стремления широких вооруженных масс пролетариев. В материалах следственной комиссии германского рейхстага мы находим весьма показательный документ. Речь идет о письме католика-матроса (по фамилии Лютер), адресованном им своему духовнику. Письмо это приводим в выдержках:

«Борт корабля.
23 июля 1917 г.

Высокочтимый отец,
я снова должен обратиться к вам в крайне серьезный

момент. Лишь с глубокой печалью сообщаю вам обо всем этом, но вместе с тем снова позволю себе указать, что если не будут приняты незамедлительные меры к тому, чтобы приостановить распространение этого зла, то весьма возможно, что потом окажется слишком поздно.

Теперь к делу: недалеко от нашего судна стоит флагманское судно командующего флотом «Фридрих Великий», а за ним флагманское судно «Принц-регент Луитпольд», а рядом с нами судно «Пиллау».

На всех этих судах за последнее время вспыхнули серьезные бунты. Так например, на флагманском судне командующего матросы перерезали большую часть канатов для причала и для спуска шлюпок, а вместо военного флага подняли швабру, употребляемую для уборки. Отсюда до угрозы выбросить за борт важнейшие части орудий оставался лишь небольшой шаг.

На судне «Принц-регент Луитпольд» матросы сообща и открыто отказались от повиновения начальству.

На «Пиллау» на прошлой неделе утром должно было происходить распределение работ, но явилось только 3—4 человека, а все остальные матросы гуртом отправились на плотину и все утро занимались играми и прочими глупостями.

Для курьеза упомяну случай, имевший место позавчера на «Тюрингии». Там в офицеров, сидевших за обедом в кают-компании, вдруг пустили сильную струю воды из рукава, так что всех окатило водой, а обед был испорчен. Установить виновного не удалось.

Каковы же печальные последствия таких примеров? Они отравляющим образом действуют на состояние духа других команд, те тоже начинают играть с огнем и будут это делать до тех пор, пока раньше или позже все великолепное здание нашего флота не запылает ярким пламенем. Можно прямо заметить, как подобные вести передаются с одного судна на другое, и вообще у меня впечатление, что среди матросов различных линейных кораблей уже существуют тайные организации, которые собираются для совместных совещаний на суше, а также сговариваются между собой и на море.

Думаю, что нет надобности специально указывать вам, высокочтимый отец, на ужасную опасность, которая угрожает при таких обстоятельствах».

Католик-матрос, доносивший священнику об этих фактах, очевидно рассчитывал, что поп сумеет помочь беде,

угрожающей «великолепному зданию флота», что он сумеет с кем следует договориться о принятии надлежащих мер. Это тоже один из видов деятельности поповщины.

Революционное движение не было подавлено. Оно продолжалось и во флоте, и в армии, и в тылу. Оно вылилось спустя год на поверхность могучим стремительным потоком, смывшим кайзера и готовым, но еще бессильным смыть вместе с кайзером буржуазно-помещичью свору. Бессильным потому, что на помощь буржуазии явилась спасительница социал-демократия, и еще потому, что у германского пролетариата не было той партии, которая единственно была способна организовать победу революции, не было коммунистической партии, только зародышем которой был прекрасный и боевой, созданный Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, «Союз Спартака».

20 лет назад началась мировая война. Она закончилась в мощном вихре революции. Из мировой империалистической войны выросла революция. Она победила, правда, только в одной стране, только на одной шестой части земного шара.

Новая империалистическая война, которую буржуазия готовит, будет стоить не менее дешево. Еще во время прошлой войны Ленин писал:

«Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,— не во время теперешней войны, так после нее, не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран».

В первую мировую войну пролетариат не имел своей революционной партии, не имел крепких интернациональных связей, огромные массы в начале войны шли за социал-шовинистами и отдали свою жизнь за буржуазное отечество. Пробуждение стало приходить позже, но оно было стихийным и было лишено настоящей организационной базы.

В новой империалистической войне буржуазии придется иметь дело с мощной мировой пролетарской партией — **Коммунистическим интернационалом.** Буржуазия это учиты-

вает, и, готовясь к войне, она методами фашистского насилия пытается разгромить коммунистические партии, очистить тыл от самой грозной опасности — от опасности пролетарской революции. Но усилия буржуазии в этом направлении терпят крах. Если взять две капиталистические державы, которые решительнее других ведут политику военных провокаций,— Японию и Германию, то воочию можно убедиться, что усилия фашизма выкорчевать там марксизм остаются бесплодными. «Чтобы уничтожить марксизм, — говорит т. Сталин, — надо уничтожить рабочий класс. А уничтожить рабочий класс невозможно». И конечно не «вина», а беда фашистской опричнины, если весь арсенал ее террора—плаха, виселица, расстрел, концлагерь, сжигание книг, пытка, пропаганда бредовой теории расизма, блок с поповщиной и многое другое — не в силах уничтожить то, что уничтожить нельзя. И с пеной истерической ярости у рта генерал Геринг вынужден был выдавить из себя слова, оброненные им в интервью с представителем иностранной газеты: «коммунизм не уничтожен, ибо его вообще уничтожить нельзя».

А многого ли добилась японская буржуазия, засадив за решетку 15 тысяч коммунистов, подвергая вождей компартии физическому истреблению и применяя особый «утонченный» метод борьбы — метод гнуснейших полицейских провокаций? Компартия Японии жива, могуча, она борется с японским империализмом с такой силой и решительностью, что вожди японской военщины проявляют весьма и весьма серьезную озабоченность. При этом борьба компартии Японии ведется не только на предприятиях, хотя бы и военных, не только в японской деревне, задавленной чудовищной феодальной эксплоатацией, нищетой, голодом, но и в самом сердце вооруженных сил, в армии и во флоте. Газета японских коммунистов, героическая «Секки» («Красное знамя»), которая, несмотря на все преследования, выходит массовым тиражом регулярно раз в пять дней в большом формате, приводит неоднократно сообщения о замечательных боевых, революционных выступлениях в рядах японской армии.

Но коммунистические партии живы не только в Германии и в Японии, они живы повсюду, где есть пролетариат. Коммунизм из заводов и сел проникает и в армию. Десятки регулярных периодических изданий, абсолютно нелегальных, не поддающееся учету множество листовок издаются революционными солдатами, порою солдатскими комитетами

в недрах буржуазных армий, читаются тысячами и десятками тысяч солдат, рискующих при этом свободой и, быть может, жизнью. Эти пламенные листки — сгусток великой воли пролетария-солдата и крестьянина-солдата к борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

Во французской «Казерн», в польских «Кошары» («Казарма») или «Поборовец» («Призывник»), в итальянских «Казерма» или «Премилитаре Россо» («Красный допризывник»), в румынской «Кувынтул Солдатулуй» («Голос солдата»), в чехо-словацких «Руды вояк», «Ротер Зольдат» и и «Вереш катона» (что значит «Красный солдат» на чешском, немецком и венгерском языках), в испанской «Вос дель Куартель» («Голос казармы»), в болгарской «Червен воин», в японской «Хейсино томо» («Друг солдата»), в мексиканской «Эль Маузер», в американской «Содьерс Войс» («Голос солдата») и т. д. и т. п. — во всех этих газетах наряду с призывами к борьбе, с разоблачением классовой сущности буржуазной армии, с показом Красной армии, с директивными указаниями, как объединяться для борьбы, как ее вести, встречаются замечательные эпизоды той героической борьбы, которую ведут революционные солдаты уже сейчас, в самых различных формах и масштабах, от выражения недовольства плохой пищей и грубым обращением до настоящих революционных выступлений, вроде братания солдат с забастовщиками-рабочими, против которых солдат послали. Правда, за эту борьбу дорого платит рабочий-солдат. Военно-полевой суд в Болгарии недавно приговорил десятерых солдат к смертной казни, и приговор был приведен в исполнение: факт отнюдь не единичный. Военный министр фашистской Болгарии Коссов заявил: «Десять смертных приговоров выносится для того, чтобы ликвидировать коммунистическую агитацию в армии».

Революционное движение в армии — великая сила.

Была ли налицо эта сила в войну 1914 г.? Нет, ее не было. Теперь эта сила, как видим, есть. При всех недостатках работы коммунистов в армии эта сила уже внушает буржуазии не только ярость, но и страх. Ибо она знает, что движение, которое покамест охватывает небольшие еще группы солдат, в час войны примет грозные размеры.

В 1914 г. не было и другого, столь же колоссально важного фактора в международных отношениях: мировой фронт капитализма не был прорван, не было еще **Советского союза,** этого великого оплота мировой революции.

Страна советов, руководимая партией Ленина и Сталина, неуклонно проводит мудрую мирную политику.

В своей мирной политике СССР опирается:

«а) На свою растущую хозяйственную и политическую мощь.

б) На моральную поддержку миллионных масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира.

в) На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным мотивам в нарушении мира и которые хотят развить торговые отношения с таким исправным контрагентом, как СССР.

г) Наконец — на нашу славную армию, готовую оборонять страну от наскоков извне» (Сталин).

Именно опираясь на все это, СССР мог добиться того, что стал важнейшим политическим фактором и важнейшим оплотом мира.

Мирная позиция СССР ничего общего не имеет с тем буржуазным пацифизмом, под маской которого империалистические государства прикрывали и все меньше и реже продолжают прикрывать свою империалистическую политику, свои военные приготовления. Наша политика мира есть революционная политика мира, проникнутая духом интернациональной солидарности трудящихся всего мира.

Она продиктована стальной волей стасемидесятимиллионного коллектива не покушаться ни на чью территорию, но и не отдавать ни единой пяди земли своей великой социалистической родины.

Этим определяется и сущность нашей Красной армии, которая является «армией братства между народами, армией освобождения угнетенных народов, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны» (Сталин). И это делает Красную армию бесконечно могучей и непобедимой, способной отразить любое нападение врага и разгромить его.

Итак, в мировую войну 1914 года не было еще Коминтерна с его секциями, не было еще могучего Советского союза и его Красной армии. И тем не менее война стоила капиталистическому миру одной шестой его части. Буржуазия понимает, что сейчас времена иные. Но она мечется в поисках выхода из тупика всеобщего кризиса капитализма. «Буржуазия, — говорил Ленин, — ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель». Она

становится на путь фашизма, т. е. на путь открытой террористической диктатуры своих наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов. Она надеется с помощью фашизма истребить революцию в тылу и тем обеспечить победу своему оружию вовне. Ибо только в новой империалистической войне — в конечном счете — видит фашистская буржуазия выход из нынешнего ее положения.

Тов. Сталин в докладе своем на XVII съезде партии дал ярчайший анализ всех возможных «выходов» на путях войны. Тов. Сталин показал четыре возможных варианта тех планов «организации войны, которые вынашиваются теперь в кругах буржуазных политиков», и доказал, что каждый из этих вариантов в той или иной мере ведет к разгрому самой же буржуазии. Таков план организации войны «против одной из великих держав», таков, далее, план организации войны «против одной из слабых в военном отношении, но обширных в смысле рынка стран, например,— против Китая», таков, в-третьих, план войны «высшей расы» против «низшей расы». Наконец, говорит т. Сталин:

«Четвертые думают, что войну надо организовать против СССР. Они думают разбить СССР, поделить его территорию и поживиться за его счет. Ошибочно было бы полагать, что так думают только некоторые военные круги в Японии. Нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы. Допустим, что эти господа перешли от слов к делу. Что из этого может получиться? Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на-смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией».

А вместе с этими «ныне благополучно царствующими» «милостью божией» правительствами рухнет могущество

церкви и ее власть над умами трудящихся,—рухнет та сила, которая на протяжении веков помогала капиталистам держать миллионные массы в оковах идеологического и экономического рабства, которая помогала им во всех разбойничьих войнах и набегах. Союзница капитала, она, раньше или позже, разделит с ним его судьбу, она рухнет, как рухнула церковь православная вслед за гибелью освященного ею царизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

(Указатель использованной литературы)

1. Dreiling — Das religiöse u. sittliche Leben der Armee unter dem Einfluss des Weltkrieges. Paderborn, 1922. S. 115.

2. Geistige u. sittliche Wirkungen des Krieges in Deutschland. 1927, S. 117—118.

3. Levasseur — L'église et la guerre. Paris 1933, p. 11.

4. Там же, p. 11—12.

5. „Les catholiques et la guerre", Londres, p. 64. Год издания не указан. Повидимому 1916. Речь архиепископа была произнесена 29 февраля 1916 г.

6. Протоиерей Иоанн Восторгов — Во дни войны. „Голос пастыря-патриота". Выпуск I. Москва, 1914, стр. 3.

7. Там же, стр. 9.

8. Там же, стр. 10.

9. Harold Lasswell — Propaganda technique in war time, p. 56—57.

10. Там же, стр. 57. — Лаведан — видный французский драматург и романист. Род. в 1859 г. В ряде своих произведений он подвергает довольно резкой и злой критике буржуазное общество, хотя иной социальной действительности, помимо буржуазной, себе не представляет. Во время войны, как видим, был глашатаем отечественного империализма.

11. „Für Gott". 1915. Приводится в книге Ernst Friedrich „Krieg dem Kriege", альбоме иллюстраций ужасов войны с текстом на 4 языках, стр. 150—151.

12. Otto Everling — Ostergruss für Deutschlands Krieger (из серии „Volksschriften zum grossen Krieg") S. 18—19.

13. „La guerre allemande et le catholicisme" „La guerra tedeca e il cattolicismo" и др. Pari, 1915.

14. Georg Huber — Die französische Propaganda, S. 37—41, 127—128.

15. Там же, стр. 117, 119.

16. „Обстрел собора был вызван только тем, что французы использовали его как опорный пункт для своих операций. Вопли отчаяния „цивилизованных наций" по поводу разрушительных действий варваров поэтому столь же глупы, сколь и бесстыдны". См. „Illustrierte Geschichte des europäischen Krieges" von Karl Aspern. I. Band, 1914. S. 509—510.

17. Langlois — Le clergé, les catholiques et la guerre, p. 153.

18. Газета „Gaulois" от 20 сентября 1914 г. Статья перепечатана в книге Массона „Guerre des religions", p. 18—19.

19. „Echo de Paris" от 23 сентября 1914 г. См. Masson — „Guerre des religions", p. 23.

20. Maurice Barrés — Pages choisies. Paris 1915, p. 145-146.

21. „Liberté" от 24 ноября 1916 г. См. Laswell, p. 90.

22. Hänggi — La propagande allemande et la presse suisse. 1918, p. 20.

23. Ф. Блументаль. — Буржуазная, политработа в мировую войну. М. 1928, стр. 166.

24. „Geistige u. sittliche Wirkungen des Krieges. S. 171.
25. „Der grosse Krieg". 1914—1918 B. X.
26. „La guerre allemande et le catholicisme", p. 145.
27. Б. Кандидов—Церковный фронт во время войны. Москва, «Атеист», стр. 11.
28. „Les catholiques et l'empire Britannique" p. 20.
29. „Geistige u. sittliche Wirkungen des Krieges, S. 111.
30. Там же, 112.
31. „La guerre allemande et le catholicisme", p. 153.
32. Там же, стр. 173.
33. Там же, стр. 196.
34. Там же, стр. 204.
35. Otto Everling — Ostergruss, etc. S. 11.
36. Восторгов, стр. 125—129.
37. „Geistige u. sittliche Wirkungen des Krieges". S. 129.
38. Winkler — Aus dem Leben der evangelischen Kirche Österreichs S. 7.
39. К. Стюарт — Тайны дома Крю. Москва, стр. 73.
40. „La guerre allemande" etc. p. 148—149.
41. „Geistige u. sittliche, Wirkungen etc. S. 171.
42. „Liller Krigszeitung". — Геккером и Омптеда был издан большой том, состоящий из статей, рассказов, стихотворений, рисунков и т. д., заимствованных из этой газеты. Книга эта разошлась в 50 и более тысячах экземпляров. Точное название: „Liller Kriegszeitung. Eine Auslese der Nummer 1—40. Herausgegeben von Hauptmann d. d. Hoecker u. Rittmeister a. D. Fr. von Ompteda. Berlin — Leipzig — Wien".
43. Там же, стр. 27—28.
44. Там же, стр. 1 3.
45. Там же, стр. 75—76.
46. Ленин—Сочинения, т. XVIII, изд. 2-е, стр 172.
47. „Geistige u. sittliche Wirkungen etc. S. 119.
48. Б. Кандидов—Церковный фронт во время войны, стр. 38.
49. Там же, стр. 34.
50. Там же, стр. 35.
51. Восторгов, стр. 57.
52. „Geistige u. sittliche" Wirkungen etc, S, стр. 122.
53. Там же, стр. 124.
54. Там же, стр. 133—134.
55. Б. Кандидов—Сектантство и война. Москва, „Атеист", 1930, стр. 11—12.
56. Там же, стр. 13—15.
57. Там же, стр. 34.
58. Там же, стр. 21.
59. Франк Грант — Империализм и религия. Москва, 1930, стр. 28.
60. Theodor Devaranne—Der gegenwärtige Geisteskampf um Ostasien. Gotha 1928, S. 29.
61. „La guerre allemande", стр. 68.
62. James Barrett — The O.M.C.A. in Egypt.
63. Франк Грант — Империализм и религия. Москва, стр 71.
64. Ленин — Сочинения, 2 изд. т. XXI, стр. 421
65. Paul Delay — Les catholiques au service de la France. Paris, p. 59.
66. Langlois, p. 156.
67. Maurice Barrès — Pages choises, p. 60.
68. Там же, стр. 61.
69. См. сборник — Меньшевистская контрреволюция, подготовка интервенции и церковь". Москва 1931, стр. 69.
70. André Narodetzky — Devant la guerre. La faillite des trois Internationales, p. 63—64.
71. Там же, стр. 66.
72. Е. Адамов — Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма. Москва, Соцэкгиз, 1931.
73. Аноним — Papst, Kurie und Weltkrieg. Berlin 1918.
74. См. проф. Е. А. Коровин,— Католицизм как фактор современной мировой. политики М. Л. Соцэкгиз, 1931, стр. 13—16, откуда заимствованы с легкими изменениями и без выделения в кавычки несколько последующих абзацев.
75. Langlois, стр. 264.
76. Там же, стр. 266.
77. Там же, стр. 270.

78. Аноним — Le pape et la guerre, p. 13.
79. Там же, стр .13.
80. Там же, стр. 19.
81. См. „Contemporary review" 1917, october „The Vatican and the germanic powers". Граф Люнебург был немецким агентом.
82. От 21 декабря 1917 г.
83. Аноним — Papst, Kurie u. Wetlkrieg, S. 43.
84. Там же, стр. 43.
85. Там же, стр. 44.
86. Там же, стр. 45.
87. „Le pape et la guerre", p. 16.
88. Adolf Keller — Die Kirchen u. der Friede. 1927, (исключительно о церкви евангелической), стр. 19—20.
89. Там же, стр. 50—55.
90. Там же, стр. 75—76.
91. См. И. Эльвин — Спор о Мальте. „Международная жизнь", 1930, № 7—8. Его же—Мальтийская драка. „Антирелигиозник", 1930, № 9.
92 И. Эльвин — Фашизм и католицизм в Австрии. „Антирелигиозник", 1934, № 3.
93. Его же — Союз креста и свастики. Москва. ГАИЗ 1934.
Его же — Черная рать. ГАИЗ 1934. Глава „Крест и свастика".
94. Б. Кандилов — Религиозная контрреволюция 1918—20 гг. и интервенция. Москва 1930, стр. 29.
95. Там же, стр. 44—45.
96. Там же, стр. 38—39.
97. Там же, стр. 43.
98. Эльвин — Черная реакция в походе. „Антирелигиозник", 1933, № 5.
99. О. Танин и Е. Иоган — Военно-фашистское движение в Японии. Партиздат, Москва 1933, стр. 208.
100. Там же, стр. 209.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ — 3

ЦЕРКОВЬ НА ВОЙНЕ — 16

Религия освящает империалистическую войну — 16

Участие церкви в пропаганде — 21

Попы в армии — 30

Попы пекутся о раненых — 40

Поповская литература для солдат — 44

В тылу — 47

Сектанты на „боевом посту“ — 54

Миссии на службе империализма — 59

Социал-шовинизм и церковь — 65

ВАТИКАН И ВОЙНА — 69

ЦЕРКОВЬ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ — 85

ЗАКЛЮЧЕНИЕ — 111

ПРИМЕЧАНИЯ — 123

Редактор Н. Амосов. Техред. П. Кузанян.

Сдано в набор 27.VIII. Подписано к печати 10.IX. 55 × 82/16. Тираж 15200. Бум. л. 2. Изд. л. 8. Авт. л. 7,92. Зн. 317000 Инд. Б-1. Издательский № 86. Уполномоченный Главлита № В-96375. Заказ № 2770.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига» Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

Читатель, напиши:

1. Понравилась ли тебе эта брошюра? чем именно?
2. Какие ты в ней нашел недостатки?
3. Понятно ли она написана (укажи непонятные места, выражения, слова)?
4. Что тебе дала эта брошюра? Какие ты из нее сделал выводы?
5. О чем ты еще хотел бы узнать в добавление к прочитанному?

Адрес Издательства:
Москва, Сретенка 10, ГАИЗ.

Цена 80 коп.

Переплет 25 коп.

[illegible] 6/IX.

25
23

Почтовые заказы направлять по адресу:

МОСКВА, МОГИЗ, „КНИГА—ПОЧТОЙ“

Книги высылаются только наложенным платежом
(без задатка)